This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 86 465

Digitized by Google

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

БОРЬБА

СЪ

ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И. Тимощенкова.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

А. М. Скабичевскаго.

Общая картина хозяйства.—Петръ Ивановичъ Волга.—Калмыкъ Эле Сенаторовичъ. — Крестьянинъ Захаръ Авраамовичъ Земля. — Софронъ Хмара и Игнатъ Ковыла.—Какъ зародилась борьба съ земельнымъ хищничествомъ.—Условія жизни въ степяхъ и дѣятельность Ц. И. Волги.— Василій Степановичъ Брага: его семья, воспитаніе и дѣятельность.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Б. Садовая, № 9.
1888.

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ восьми томахъ съ портрет. автора, цѣна каждаго тома—1 р. 50 к. Въ переплетахъ каждые два тома—по 3 р. 75 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портр. И. С. Тургенева. ц. 15 к.

Біографіи образцовыхъ русскихъ писателей. Павлова. Съ 11-ю портретами, ц. 25 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Ф. Гольцендорфа, ц. 75 к.

Въ поискахъ за истиной. Макса Нордау. Перев. съ 4-го нѣм. изданія Э. Зауэръ, ц. 2 р.

Вятская незабудка. Сборникъ статей о Вятскомъ краѣ, ц. 75 к.

Наши офицерскіе суды. Ф. Павленкова, ц. 35 к.

Сельская общественная служба. Сост. Н. Блиновъ. 210 стр., ц. 50 к.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ (азбука законовѣдѣнія) для грамотныхъ крестьянъ. С. Горинской, подъ редакц. Я. Абрамова, ц. 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ Фармаковскій. Изданіе 4-е, дополненное, ц. 1 р. 25 к.

Русская тля за границей. 27 очерковъ, ц. 1 р. 50 к.

Итоги народн. образованія въ Европ. государствахъ. Состав. Бар. Н. А. Корфъ, ц, 60 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Христоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домашняго чтенія А. Цвѣткова. Съ 27 портретами и біографич. словаремъ. ц. 3 р.

Очерки самоуправленія (земскаго, городскаго и сельскаго) С. Приклонскаго, ц. 2 р.

Для дѣтей и для юношества.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ, ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к. Въ переп.—3 р.

Черныя богатыри. Е. Конради. Со множеств. рисунк. Ц. 2 р. Въ переплетѣ—2 р. 75 к.

Задушевные разсказы. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна каждаго въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ переп.—2 р.

Хорошіе люди. В. Острогорскаго. Съ 45 рис. ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп.—2 р.

Изъ жизни и исторіи. А. Арсеньева. Съ рис. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп.—2 р.

Послушаемъ! Дѣтскіе разсказы А. Нольде. Съ 28 рис. въ папкѣ 1 р., въ переп.—1 р. 50 к.

Дѣтскій маскарадъ. Н. Азбелева. Съ 16 рис., ц. 20 к.

Жизнь Робинзона. Н. Блинова съ 128 рис. ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 50к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ), ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

Мученики науки. Г. Тисандье. Переводъ подъ редакціей Ф. Павленкова. Съ 55 рис. 2-е изд. ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Научныя развлеченія. Г. Тисандье. Перев. подъ ред. Ф. Павленкова. 2-е изд. съ 353 рис., ц. 2 р., въ перен.—2 р. 75 к.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что дважды два—пять, часть больше своего цѣлаго и проч. Составилъ В. Обреимовъ, ц. 40 к.

Математическія развлеченія Люкаса. Съ 55 фигурами и таблицами, ц. 1 р.

Тройная головоломка. В. Обреимова. Сборн. геометр. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами, ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. С. Ворисгофера. Съ 73 рис., ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодаго бѣглеца. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями, ц. 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к., въ переплетѣ—2 р. 75 к.

Вечерніе досуги. А. Круглова. Съ 70 рис. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп. 2 р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. П. Засодимскаго. Съ рис., ц. каждой книжки по 35 к.

Янки Вологодскаго уѣзда. А. Круглова. Съ 6 рис., ц. 25 к.

Живыя картинки. А. Сиротова. Сборникъ разсказовъ съ 50 рис., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.

Незабудки. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.

Приключенія сверчка. Э. Кандез [illegible] ц. 2 р., въ п.—3 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Сказки Густафсона. Ц. 1 р. 2[illegible] [illegible] 1 р. 50 к., въ переплетѣ—1 р. 75 к.

Учебн[illegible] [illegible] и пособія.

Популярная Физика А. Гано. [illegible] Ф. Павленкова. [illegible] изд. Съ 604 рис. ц. 2 р.

Полный курсъ Физики. А. Гано. [illegible] Ф. Павленкова и [illegible] Черкасова. 6-е изд. Съ 1232 рис. ц. 4 р.

Digitized by Google

БОРЬБА

СЪ

ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И. Тимощенкова.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

А. М. Скабичевскаго.

Общая картина хозяйства.—Петръ Ивановичъ Волга.—Калмыкъ Эле Сенаторовичъ. — Крестьянинъ Захаръ Авраамовичъ Земля. — Софронъ Хмара и Игнатъ Ковыла.—Какъ зародилась борьба съ земельнымъ хищничествомъ.—Условія жизни въ степяхъ и дѣятельность П. И. Волги.— Василій Степановичъ Брага: его семья, воспитаніе и дѣятельность.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Б. Садовая, № 9.
1887.

Digitized by Google

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Digitized by Google

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED
1 / 1 / 1995

DK32
T53

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Очерки г. Тимощенкова, имѣя форму этнографическихъ а мѣстами и чисто географическихъ этюдовъ, принадлежатъ къ такому роду статей, которыхъ критика касается рѣдко. Между тѣмъ они производятъ такое сильное впечатлѣніе съ первыхъ-же страницъ, что кто начинаетъ читать ихъ, навѣрное не въ силахъ будетъ оторваться отъ нихъ, пока не дочитаетъ до конца. Прежде всего они дѣйствуютъ на васъ такъ освѣжительно, какъ будто вы вырвались изъ затхлой атмосферы и полною грудью дохнули свѣжаго, чистаго, здороваго, благоухающаго воздуха тѣхъ степей, которыя описываетъ г. Тимощенковъ.

А главное дѣло, очерки эти открываютъ передъ вами такой необъятный просторъ, такія грандіозныя явленія русской жизни, передъ которыми стушевываются и представляются невыразимо жалкими всѣ наши микроскопическіе вопросики объ оптимизмѣ, пессимизмѣ, поправкѣ печи бѣдной вдовѣ или нравственномъ и гигіеническомъ преимуществѣ сапожнаго ремесла передъ художественнымъ творчествомъ,—вопросиками, надъ которыми мы нынѣ мучаемся, топчась на одномъ мѣстѣ и ничего не обнаруживая, кромѣ умственнаго недомыслія и нравственнаго худосочія.

Въ тоже время очерки г. Тимощенкова совершенно выбиваютъ васъ изъ колеи тѣхъ стереотипныхъ образовъ и рутинныхъ, привычныхъ представленій, которыя у васъ составились относительно нашего провинціальнаго быта и которыми обыкновенно исчерпывается все ваше знаніе русской жизни въ различныхъ ея краяхъ. Начиная читать эти очерки, вы въ удивленіи протираете глаза: ни одного привычнаго образа передъ вами, все до такой степени новое, невѣдомое вамъ, точно будто вы знакомитесь съ нравами какой-нибудь Полинезіи, Канады или Патагоніи, и, въ концѣ концовъ, вы оказываетесь положительно потрясены тѣмъ, что въ одной съ вами государственной системѣ, называемой Россійскою Имперіею, могутъ совершаться явленія, столь необычайныя и до такой степени чуждыя вамъ.

M645318

Digitized by Google

Нѣтъ ничего удивительнаго, что эта необычайность явленій, изображенныхъ въ очеркахъ, поразила такого несомнѣннаго и глубокаго знатока русской народной жизни, какъ Гл. Ив. Успенскій, и вотъ какъ восторженно отозвался онъ объ очеркахъ г. Тимощенкова въ своей статьѣ «Трудовая жизнь и труженичество». (Р. М. 1887 г. № IX):

«Произведеніе г. Тимощенкова замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Мѣсто дѣйствія—такъ мало, даже почти совершенно неизвѣстная, невѣдомая намъ *калмыцкая степь*, со всѣми своими этнографическими и бытовыми особенностями,—изображено имъ положительно превосходно. Такой «живописи» давно уже не бывало въ русской литературѣ. Всякій, кто желаетъ основательно, и, въ тоже время, не обременяя себя мелочными, ничего никому не говорящими подробностями, узнать жизнь этой пустынной равнины, простирающейся треугольникомъ отъ Царицина до Ростова и отъ Ростова до Петровска на Каспійскомъ морѣ, найдетъ въ произведеніи г. Тимощенкова истинное сокровище. Онъ не только вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ узнаетъ жизнь этого пустыннаго уголка со всѣми его особенностями, но и получитъ вообще величайшее художественное наслажденіе. Новизна типовъ, новизна природы, борьба человѣка, предоставленнаго только собственнымъ своимъ силамъ, съ тысячами стихійныхъ затрудненій,—все это изображено сильно, ярко, выразительно и вообще не уступаетъ, по мастерству работы, произведеніямъ первоклассныхъ русскихъ художниковъ.

«Но самое важное и что особенно заинтересуетъ читателя, это—характернѣйшая біографія одного крестьянскаго семейства и крестьянскаго хозяйства, [1]) *достигнувшаго высшей степени матеріальнаго благосостоянія, т. е. милліонныхъ богатствъ, милліонныхъ денегъ, и съумѣвшаго, благодаря вліянію интеллигентнаго человѣка, удержаться на той-же крестьянской трудовой почвѣ, расширивъ личный трудъ до размѣровъ труда общественнаго, и не пошло тою шаблонною для мужика «съ деньгами» дорогой, которая приводитъ его къ образу жизни буржуа, со всѣми ея язвами и зломъ*, такъ хорошо изображеннымъ Л. Н. Толстымъ въ драмѣ «*Власть Тьмы*». Крестьянская семья, образцовая, идеальная, благодаря вліянію интеллигентнаго человѣка, совпавшему съ честными, но не умѣвшими высказаться желаніями трудящихся людей, съумѣла дать своимъ милліонамъ совершенно своеобразное направленіе, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, которое какъ-бы предопредѣлено мужику, набившему карманъ: жить по благородному,

---

[1]) Курсивъ самаго Гл. Ив. Успенскаго.

Digitized by Google

выдать дочь за генерала и вообще жить, создавъ склеенную деньгами жизнь.

«Такая удивительная по своей крайней своеобразности и типичности семья и могла развиться совершенно свободно, распуститься въ полномъ цвѣтѣ именно только въ той забытой, всѣми заброшенной сторонѣ, какъ безграничная калмыцкая степь. Ничего мы подобнаго уже не найдемъ въ Россіи, особенно во внутреннихъ губерніяхъ; но это вовсе не значитъ, чтобы въ средѣ обездоленнаго крестьянства пропала самая идея о крестьянствѣ необездоленномъ, о томъ какое крестьянство должно быть *по настоящему*, ежели-бы земельки, ежели-бы то и то. Но то, что не изсякло и никогда не изсякнетъ въ мечтаніяхъ нашего захудалаго мужика,—то г. Тимощенкову удалось видѣть на яву, на дѣлѣ, въ полномъ разцвѣтѣ и осуществленіи. Читатель, интересующійся строемъ народной жизни, непремѣнно долженъ обратить вниманіе на прекраснѣйшее произведеніе г. Тимощенкова»...

Вотъ какъ отозвался объ очеркахъ г. Тимощенкова такой знатокъ народной жизни, съ компетентностью котораго въ этомъ отношеніи врядъ-ли кого-либо изъ пишущихъ нынѣ можно поставить рядомъ. При всемъ томъ нашлись скептики, которымъ не понравилось внесеніе художественнаго элемента въ этнографическіе, испещренные статистическими цифрами, статьи и которые, какъ это ни странно, въ своемъ скептицизмѣ опираются главнымъ образомъ на своихъ антиподовъ, людей до такой степени легковѣрныхъ, что, прочитавши очерки г. Тимощенкова, они отправились, въ погонѣ за идеальными личностями, въ калмыцкія степи отыскивать тамъ героевъ, изображенныхъ г. Тимощенковымъ, чтобы пристать къ нимъ и вмѣстѣ съ ними бороться съ земельнымъ хищничествомъ,—ну и конечно никакихъ такихъ героевъ не нашли. Но во первыхъ мы не понимаемъ, почему художественный элементъ можетъ мѣшать этнографіи. Намъ кажется наоборотъ: онъ приноситъ ей неоспоримую услугу, такъ какъ предоставляетъ читателямъ знакомиться съ изображаемыми нравами наглядно, въ рядѣ яркихъ, художественныхъ картинъ, и очерки г. Тимощенкова лишь выиграли-бы, если-бы онъ придалъ имъ вполнѣ беллетристическую форму.—А во вторыхъ, мы не понимаемъ, почему въ этнографическихъ очеркахъ должны выводиться непремѣнно подлинныя лица съ точнымъ обозначеніемъ ихъ именъ и адресовъ? Почему этнографъ-художникъ не имѣетъ права выводить собирательные типы, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, изображались-бы туземные нравы, можетъ быть гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, но тѣмъ рельефнѣе, нагляднѣе и поучительнѣе. Неужели изъ того, что въ исторіи Малороссіи вы не найдете того самаго Тараса Бульбу, котораго изобразилъ Гоголь, безсмертная поэма

Digitized by Google

его теряетъ значеніе исторической картины, знакомящей васъ съ жизнью и нравами Запорожской Сѣчи XVI и XVII столѣтій?..

Мы готовы допустить даже и болѣе: именно, что личности, изображенныя г. Тимощенковымъ, въ родѣ Волги и Браги, представляютъ собою олицетвореніе не того, что существуетъ въ дѣйствительности, а лишь того, что можетъ и должно существовать въ предѣлахъ возможности и въ условіяхъ жизни южныхъ степей,—однимъ словомъ, что это чистыя созданія фантазіи г. Тимощенкова. Но и въ такомъ случаѣ, подобныя фантастическія изображенія нетолько не теряютъ своего значенія, а напротивъ того дѣлаются еще поучительнѣе: они открываютъ передъ нами новую программу дѣятельности среди народа на общую пользу, ставятъ новые, весьма широкіе и вполнѣ практическіе идеалы, призывая людей мало мальски живыхъ, энергическихъ и сильныхъ къ осуществленію ихъ. Такъ именно и понялъ статьи г. Тимощенкова Гл. Ив. Успенскій, такъ надѣемся, поймутъ ихъ и всѣ непредубѣжденные люди съ мало мальски свѣтлой головой.

А. Скабичевскій.

Digitized by Google

I.

ОБЩАЯ КАРТИНА ХОЗЯЙСТВА.

По всеобщему теперь убѣжденію, ни одна полоса Россіи не можетъ похвалиться хорошимъ состояніемъ сельскаго хозяйства и сельской промышленности. Почти повсемѣстно землевладѣльцы стѣснены или недостаткомъ земли, или дурнымъ ея качествомъ и неплодородіемъ отъ постоянныхъ перепашекъ; между тѣмъ казенныя земли, гдѣ такія есть, и земли частныхъ владѣльцевъ, чрезъ отдачу въ аренду, попадаютъ не въ руки нуждающихся въ землѣ, бѣдныхъ и ктому-же еще недружныхъ между собою сельскихъ обществъ, а въ руки отдѣльныхъ болѣе или менѣе богатыхъ лицъ, имѣющихъ возможность дать залоги. Почти повсемѣстно помѣщики, которымъ слѣдовало бы взяться за умъ и показать примѣръ разумнаго веденія хозяйства, бѣгутъ изъ своихъ усадебъ, вслѣдствіе неумѣнья хозяйничать и недостатка капитала; имѣнія же свои они или продаютъ, или отдаютъ въ аренду, въ полное распоряженіе арендатора, безъ всякихъ условій относительно пользованія землею и обращенія съ нею. Сдаютъ помѣщики землю часто съ большою скидкою противъ дѣйствительной стоимости, но съ условіемъ, чтобы деньги уплачивались за годъ впередъ. Многіе закладываютъ имѣнія въ банки и, непроизводительно употребивъ

Digitized by Google

деньги, не платятъ процентовъ; вслѣдствіе этого, ежегодно въ каждой губерніи тысячи большихъ и малыхъ имѣній продаются съ аукціона. При такомъ ходѣ дѣлъ нельзя глубоко не задуматься: что же будетъ дальше,— какъ сформируется на Руси землевладѣльческій и земледѣльческій бытъ?

Но нигдѣ, кажется, въ Россіи экономическій и сельско-хозяйственный бытъ не представляетъ такой шаткости и не грозитъ въ недалекомъ будущемъ такими бѣдами мѣстному населенію, какъ на юговостокѣ Европейской Россіи. Сюда можно причислить области Донскую, Кубанскую, губерніи Ставропольскую, Астраханскую и смежныя съ ними. Эти обширныя провинціи—попреимуществу пастбищныя и хлѣбопахатныя. Владѣя большими незаселенными степями, онѣ представляютъ всѣ удобства какъ для хлѣбныхъ запашекъ, такъ и для пастьбы скота. Встрѣчаются и здѣсь мѣста возвышенныя, грунтъ земли солонцоватый или состоящій изъ тощаго суглинка („бурой земли, горячей", какъ говорятъ крестьяне), гдѣ растительность очень бѣдна; но такихъ мѣстъ сравнительно не много; большею же частью, мѣстности здѣсь ровныя, прорѣзанныя въ разныхъ направленіяхъ буераками, логами и впадинами, съ жирнымъ, образовавшимся изъ перегнившихъ растеній, плодороднымъ черноземомъ.

Нельзя сказать, что сельское хозяйство въ этихъ мѣстностяхъ находится въ застоѣ: напротивъ, оно тутъ въ полномъ ходу, но только идетъ не въ томъ направленіи, какъ слѣдуетъ. Близость черноморскихъ портовъ и проведенныя сюда въ послѣдніе годы линіи желѣзныхъ дорогъ возбуждаютъ довольно значительную дѣятельность. Въ лѣтнее рабочее время являются сюда изъ внутреннихъ губерній Россіи сотни тысячъ рабочаго люда; во

Digitized by Google

многихъ мѣстахъ степей можно слышать свистъ паровыхъ молотилокъ, грохотъ и лязгъ косильныхъ и жатвенныхъ машинъ; вездѣ пасутся табуны лошадей, стада овецъ, гурты скота. Отсюда вывозится иногда въ портовые города (Таганрогъ, Петербургъ и др.) по 15—20 тысячъ четвертей,—не скупныхъ, а однопосѣвныхъ, отъ одного хозяина,—льнянаго сѣмени, пшеницы и другихъ хлѣбовъ. Но—увы!—не приходится радоваться этому кажущемуся оживленію промышленности. Тутъ нѣтъ даже и намека на нормальное развитіе сельскаго хозяйства, правильную эксплоатацію земли; почти повсемѣстно царитъ возмутительное, грубое насилованіе земли, совершается азартный разбойническій грабежъ цѣлинныхъ еще кое-гдѣ, дѣвственныхъ степей. Во многихъ мѣстахъ попало все въ руки арендаторовъ. Люди эти—большею частью пріѣхавшіе издалека купцы, капиталисты-горожане, даже иностранцы разныхъ націй. Захватывая огромныя количества земли (есть лица, арендующія въ разныхъ мѣстахъ, большими и небольшими участками, по 700 и 800 тысячъ десятинъ, при чемъ ими распахивается ежегодно по 20—30 тысячъ десятинъ), они оттираютъ отъ хозяйства мелкихъ землевладѣльцевъ, казаковъ и крестьянъ, окончательно истощаютъ землю безпрерывною неэкономическою распашкою, тѣснятъ, давятъ всѣхъ на каждомъ шагу и, наконецъ, удаляются, наживъ громадные капиталы. Такимъ спекулянтамъ-арендаторамъ нѣтъ дѣла до нуждъ края и арендуемой ими земли: ихъ цѣль—извлечь изъ земли какъ можно больше выгодъ, продержать ее такой срокъ, какой необходимъ, чтобы высосать изъ нея все плодородіе,—и затѣмъ земля возвращается прежнему ея владѣльцу истощенною, потерявшею всякую цѣнность на много десятковъ лѣтъ. Земля же здѣсь такого сорта, что

Digitized by Google

истощившись, обращается въ совершенную золу и, безъ искусственнаго орошенія, ей нельзя возвратить плодородія никакимъ удобреніемъ. А гдѣ взять бѣдному населенію капиталовъ для устройства искусственнаго орошенія, такъ дорого стоющаго?

Дѣло сельскаго хозяйства здѣсь такъ извратилось, что въ иныхъ мѣстахъ настоящіе сельскіе хозяева—т. е. крестьяне—вовсе перестаютъ хозяйствовать. Купцы-арендаторы, при наймѣ у нихъ крестьянами земли подесятинно, дѣлаютъ стачку и возвышаютъ арендную плату до 10—12 руб. за десятину, тогда какъ сами платятъ владѣльцу за ту-же землю по 1—2 руб. При этомъ крестьянамъ отдается земля, истощенная собственнымъ посѣвомъ, такъ что крестьянинъ, платя очень дорого за землю, получаетъ съ нея крайне плохой сборъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Въ результатѣ оказывается, что крестьянамъ несравненно выгоднѣе идти въ наемъ къ купцу, пахать ему землю своими волами и убирать его хлѣбъ, т. е. быть зависимыми, какъ-бы крѣпостными купца, чѣмъ хозяйничать за свой страхъ въ явный убытокъ. Такъ въ иныхъ мѣстахъ и дѣлаютъ почти поголовно большія слободы и села крестьянъ.

Люди пришлые, налетѣвшіе подобно саранчѣ и имѣющіе въ виду лишь одно — какъ бы скорѣе нажиться и уѣхать, недружелюбно, даже враждебно относятся къ мѣстному населенію. Нѣтъ числа и мѣры тѣмъ прижимкамъ, какія приходятся переносить крестьянамъ и землевладѣльцамъ-помѣщикамъ отъ этихъ откупщиковъ земель. Если рѣка, напр., служитъ границей между крестьянскимъ надѣломъ и землею откупщика и крестьянская утка, плавая по рѣкѣ, только ступитъ ногою на берегъ откупщика, — неминуемо взимается штрафъ за

Digitized by Google

потраву, часто превышающій цѣнность самой утки. И это дѣлается при обширности земельныхъ довольствій и всякихъ угодій! Всѣ откупщики въ извѣстной мѣстности дѣйствуютъ дружно, сплоченною массой, и пользуются всѣми способами наживы. Не хватаетъ у землевладѣльцевъ денегъ,—откупщики дѣлаютъ стачку и скупаютъ у нихъ хлѣбъ еще среди лѣта, когда онъ на корню, по такой цѣнѣ, какую захотятъ назначить. Нужны землевладѣльцу деньги для окончанія полевыхъ работъ,—и ему приходится продавать зерно за безцѣнокъ. Льняное сѣмя, напр., идетъ иногда по 3 руб. за четверть, когда рыночная цѣна ему 17 руб. Безденежному землевладѣльцу, хотя онъ часто и крупный, нѣтъ никакой возможности конкурировать съ сосѣдомъ-купцомъ. Откупщикъ всегда при деньгахъ и имѣетъ возможность заводить машины, замѣняющія рабочія руки, цѣлыми толпами вербовать рабочихъ во внутреннихъ, густо населенныхъ губерніяхъ Россіи и проч.

Нужно добавить еще, что самая форма землевладѣнія здѣсь какъ нельзя болѣе способствуетъ развитію крупнаго земледѣльческаго арендаторства. Здѣсь земли четырехъ разрядовъ: во-первыхъ, принадлежащія крестьянскимъ, казачьимъ и калмыцкимъ обществамъ и находящіяся въ общинномъ ихъ владѣніи; во-вторыхъ, помѣщичьи, данныя имъ на число душъ, бывшихъ у нихъ при крѣпостномъ правѣ крестьянъ; въ третьихъ, частныхъ мелкихъ и крупныхъ владѣльцевъ, пріобрѣтенныя покупкою или полученныя разными служащими лицами отъ правительства на чины; наконецъ, казенныя, оставшіяся свободными при различныхъ надѣлахъ. Купцы-арендаторы часто огуломъ захватываютъ въ свои руки всѣ эти земли. Отъ нихъ не ускользаютъ иногда даже и

Digitized by Google

крестьянскіе надѣлы, не смотря даже на то, что они малы, недостаточны. Что касается казачьей и калмыцкой земли, то богатыя земельными надѣлами общества этихъ званій, не занимаясь въ большихъ размѣрахъ земледѣліемъ, такъ распоряжаются въ большинствѣ случаевъ своими земельными угодьями: они раздѣляютъ свой юртъ по поламъ и одною половиною владѣютъ сами, другую отдаютъ купцамъ, которые, какъ сказано, всячески стараются подготовить нищету и разореніе будущимъ потомкамъ теперешнихъ, еще довольно обезпеченныхъ, казачьихъ и калмыцкихъ семействъ. Но самая легкая и богатая добыча арендаторовъ—это чиновничьи участки. Хозяева этой категоріи совершенно не имѣютъ возможности ни отдать землю непосредственно крестьянамъ земледѣльцамъ, съ которыми, при полученіи аренды, нужно каждый разъ имѣть дѣло лично, ни самостоятельно хозяйничать, вслѣдствіе занятія службой или отсутствія знанія и матеріальныхъ средствъ. Участки эти, кромѣ того, еще отмежеваны по большей части такъ, что на нихъ нѣтъ никакой возможности завести какое-нибудь самостоятельное хозяйство. Они давались сначала въ срочное пользованіе и на чины: оберъ-офицеру—200 десятинъ, штабъ-офицеру—400 и генералу—1600. Межевыя управы обязаны были пріурочивать каждый участокъ къ водѣ, чтобы придать ему большую цѣнность. Поэтому онѣ и нарѣзали землю лентами, чтобы въ серединѣ или концѣ каждаго участка непремѣнно приходилась водная балка или рѣчка. Такъ потомственныя земельныя дачи и вышли самой уродливой и неудобной для хозяина формы, нерѣдко въ 100 саженъ шириною и на 7—8 верстъ въ длину. Для довершенія бѣды, большинство рѣчекъ и балокъ, бывшихъ прежде многоводными, теперь уже окон-

Digitized by Google

чательно пересохли. Такимъ образомъ, чиновничьи участки и чудовищно растянуты, и безводны. Владѣльцы охотно сдаютъ ихъ въ аренду или продаютъ за безцѣнокъ. Если арендовать или купить два, три такихъ участка и завести тамъ хозяйство, то владѣльцы сосѣднихъ участковъ той-же группы волей-неволей должны будутъ уступить вамъ и свои земли за цѣну, какую заблагоразсудите назначить. Въ противномъ же случаѣ онѣ будутъ пустовать за невозможностью владѣть ими. И идутъ эти земли продажею въ вѣчную собственность по 10 руб. за десятину и дешевле, и притомъ съ разсрочкою платежей на 5, 10 лѣтъ, т. е. иначе—отдаются, можно сказать, прямо даромъ, такъ какъ въ такой значительный промежутокъ времени земля сторицею можетъ покрыть расходъ на ея покупку.

Такова картина землевладѣнія и земледѣлія въ описываемой нами полосѣ Россіи. А между тѣмъ—край обширный, благодатный. Лучшіе мѣстные люди давно уже поняли, къ какому бѣдствію ведетъ такой порядокъ вещей, съ тревогой и душевною болью смотрятъ впередъ и дѣлаютъ усилія, чтобы побѣдить зло. Съ одной стороны пишутся оффиціальныя распоряженія, создаются правила объ отдачѣ земель въ аренду *), составляются

*) Такъ, напр., на Дону въ послѣдніе годы установлено: при торгахъ на казенныя войсковыя земли отдавать ихъ мѣстнымъ крестьянамъ безъ торговъ, если они надбавятъ аренды 10% противъ той цѣны, по какой земли ходили въ арендѣ до этого. Земли сдаются небольшими участками (большіе раздѣляются на нѣсколько частей, чтобы при торгахъ они могли попадать и людямъ не богатымъ), притомъ на большіе сроки: на 6, 12 лѣтъ. Арендаторъ, взявшій землю на 12 лѣтъ, можетъ пахать только половину ея, а другую половину оставить нетронутою; въ другія же 12 лѣтъ онъ можетъ распахать вторую половину участка, а первой обязанъ возвращать плодородіе попасомъ скота.

Digitized by Google

трактаты, публикуются числовыя данныя о ходѣ хозяйственныхъ дѣлъ въ краѣ; съ другой—выступаютъ энергичные люди, чтобы отстоять землю, это лучшее изъ государственныхъ достояній, отъ хищнической, даже разбойнической эксплоатаціи ея пришлыми людьми. Эти борцы-практики, съ сильными, мозолистыми руками и запахомъ пота, съ почернѣлыми отъ загара лицами, суровые, мрачно-молчаливые, идутъ на-проломъ. Они крѣпко полюбили землю, лелѣютъ, берегутъ ее, садятъ въ ней сады и рощи и навсегда связали съ нею свою судьбу. Упорно идутъ они противъ враговъ земли. По глухимъ степямъ въ послѣдніе годы, какъ батареи противъ налетнаго купеческаго и горожанскаго арендаторства, выдвигаются зеленѣющія и цвѣтущія фермы, хутора и кашары, принадлежащія землевладѣльцамъ-собственникамъ. Но, безъ сомнѣнія, пройдетъ еще много лѣтъ, пока населеніе этого края, сдавленное теперь почти до потери сознанія, въ состояніи будетъ подняться, опериться и начать хозяйничать по примѣру народившихся уже хуторовъ.

Все благополучіе этого края въ хозяйственномъ отношеніи зависитъ отъ небольшихъ и хорошо устроенныхъ хозяйствъ. Но изъ людей-практикантовъ, покупающихъ теперь землю и поселяющихся на ней, легко могутъ выдти крупные землевладѣльцы (чему есть уже примѣры), которые будутъ богатѣть во вредъ другимъ и своими хозяйственными операціями препятствовать развитію мелкаго землевладѣльческаго и земледѣльческаго быта. Хотя богатство этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ будетъ достояніемъ края, такъ какъ они—мѣстные жители, крѣпко сидящіе на землѣ, но, тѣмъ не менѣе, явленіе это здѣсь не желательно, не нормально, безусловно вредно съ точки зрѣнія наипроизводительнѣй-

Digitized by Google

шаго заселенія степи. Вотъ почему глава и иниціаторъ начатой борьбы противъ грабежнаго землевладѣнія въ степи, Петръ Ивановичъ Волга, первымъ условіемъ въ созидаемыхъ имъ фермахъ поставляетъ, чтобы земля, отводимая имъ подъ хозяйство фермы, была неприкосновенна, чтобы потомственный владѣлецъ ея не могъ ни заложить ее, ни продать, ни присоединить къ ней еще покупной части земли, ни отнять отъ нея, а передавалъ-бы ее въ полной, неприкосновенной цѣлости старшему или кому-нибудь въ своемъ родѣ. Этотъ человѣкъ глубоко обдумалъ всѣ детали своей великой идеи и съ невѣроятною настойчивостью приводитъ въ исполненіе свои безпримѣрные, обширные планы. Онъ поставилъ себѣ цѣлью—создать народное благополучіе въ краѣ и упорно, настойчиво идетъ впередъ, не смотря ни на какія препятствія. Дѣятельность этого человѣка, его громадныя промышленныя предпріятія стоятъ того, чтобы разсказать объ нихъ.

Digitized by Google

II.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ВОЛГА.

Петръ Ивановичъ Волга — мильонеръ сельскій хозяинъ; его имя извѣстно всему краю. Нѣтъ такой церкви въ краѣ, гдѣ каждый праздничный день не подавалось-бы во время обѣдни десятковъ просвиръ „о здравіи Петра Ивановича". Народъ сложилъ о немъ цѣлыя легенды и называетъ не иначе, какъ „нашъ батюшка Петръ Ивановичъ". Въ двухъ губерніяхъ, пожалуй, нѣтъ крестьянской избы, гдѣ бы не было его портрета. Когда-же онъ проѣзжаетъ гдѣ-нибудь, то его, лицо совершенно частное, встрѣчаютъ какъ министра, къ нему являются депутаціи почтенныхъ стариковъ, священники, учителя, чиновники. П. И. Волга дѣйствительно заслужилъ такую честь.

Удивительный для народа Волга—статскій совѣтникъ, попечитель русско-калмыцкой школы, земскій гласный въ двухъ губерніяхъ, почетный членъ многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, и пожать ему руку за честь считаютъ мѣстные начальники губерній. Но онъ живетъ, одѣвается и держитъ себя какъ зажиточный крестьянинъ, работая наравнѣ съ послѣднимъ работникомъ. Въ рукахъ у него постоянно то топоръ, то вилы, то коса, то арканъ. На покосѣ онъ самъ вершитъ стога; взявъ косу у кого-нибудь изъ косарей, коситъ наравнѣ

Digitized by Google

съ работниками; вмѣстѣ съ ними обѣдаетъ, отдыхаетъ и опять принимается за работу; такъ продолжается съ утра до вечера, а иногда и на другой день. Его можно видѣть при отарѣ овецъ, съ привязаннымъ къ ногѣ дегтярнымъ рогомъ, съ чабанской кирлыгой въ рукахъ, ловящимъ овецъ и выкапывающимъ червей у больныхъ изъ нихъ и раненыхъ. Можно видѣть его и въ табунѣ съ арканомъ въ рукахъ, въ костюмѣ табунщика, т. е. въ лисьей калмыцкой шапкѣ съ ушами, замѣняющей собою и башлыкъ, въ бешметѣ простаго сѣраго сукна, подбитомъ бѣлыми овечьими саксаками, фалды и полы котораго убраны въ широкіе кожаные, сшитые изъ стриженныхъ овчинъ штаны, и въ накинутомъ поверхъ всего этого сѣромъ зипунѣ или кубанской черной буркѣ.

Такъ живетъ и работаетъ не покладая рукъ этотъ милліонеръ, удѣломъ котораго могли бы быть раззолоченныя кареты, шелкъ, бархатъ, дворецъ на лучшей улицѣ столицы и царская пышность обстановки. Онъ безъ устали хлопочетъ, не знаетъ покоя, иногда въ бурю и непогоду проводитъ верхомъ на конѣ цѣлыя недѣли, не доѣдая и не досыпая. На верху почета и матеріальнаго могущества, это въ сущности—несчастнѣйшій человѣкъ. Онъ фанатикъ преслѣдуемой имъ идеи—чистой, прекрасной. Неудачи по колоссальному хозяйству, неблагонадежность устроенныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ фермеровъ—бьютъ Петра Ивановича наповалъ: лицо его синѣетъ, какъ чугунъ, онъ страшно худѣетъ, уединяется... Впереди себя онъ неизмѣнно видитъ одно и то-же—неудачи и препятствія въ задуманной имъ борьбѣ съ хищническимъ хозяйствомъ въ степи. Никакія удовольствія и радости въ жизни не существуютъ для него, невозможны, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, феноменальная

Digitized by Google

его молчаливость, чуждая однако угрюмости. Глядя на неслыханное матеріальное благосостояніе и удачливость этого человѣка, не радуешься его видимому благополучію, а жалѣешь его.

Состояніе Петра Ивановича Волги, какъ можно полагать, простирается теперь до 10-ти милліоновъ рублей. Онъ стянулъ—больше покупкой, частью-же долгосрочной арендой—подъ свое владѣніе до полумилліона десятинъ земли, устроилъ до 300 образцовыхъ фермъ, имѣетъ кромѣ того 4 тысячи табуна, 12 тысячъ овецъ, 2,000 племеннаго рогатаго скота, салотопный заводъ, паровую мельницу, мойку и складъ на комиссію шерсти. Кромѣ того, ежегодно, съ промышленной цѣлью, скупаются имъ большія отары овецъ и гурты рогатаго скота, и онъ имѣетъ до полутораста рабочихъ плуговъ. И кто изъ незнающихъ повѣритъ, что двадцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ Волга ничего не имѣлъ и все, что имѣетъ теперь, нажилъ самъ лично, обязанъ только своимъ энергичнымъ трудамъ, геніальной практической смѣтливости и несокрушимой физической крѣпости. Это произошло такъ просто и естественно въ этомъ богатомъ, но неразвитомъ и неблагоустроенномъ еще въ хозяйственномъ отношеніи краѣ, и представляетъ собою, для мѣстныхъ хозяевъ, поучительный примѣръ. Петръ Ивановичъ наживалъ и наживаетъ, однако, не одинъ: у него компанія. Это—калмыкъ Эле Емченовъ и крестьяне: Земля, Ковылъ и Хмара. Все это такіе-же маніаки и энтузіасты борьбы съ хищническимъ хозяйствомъ въ степи, какъ и самъ Волга.

Эти лица и характеры поистинѣ заслуживаютъ вниманія.

Digitized by Google

Сначала—о Петрѣ Ивановичѣ Волгѣ, какъ главѣ компаніи, иниціаторѣ дѣла и душѣ его.

„Дитя мое, дорогое мое сокровище! Видитъ Богъ, что твое будущее, судьба твоя въ этомъ мірѣ—дороже мнѣ самой жизни, и я дѣлаю для тебя все, что считаю лучшимъ. Я не оставляю тебѣ наслѣдства, но вручаю твою участь всеблагому Провидѣнію. Ты получишь все, чтобы стать твердо, идти по тернистому пути жизни и бороться; но богатство и всѣ матеріальныя блага міра, которыя я теперь-же могла-бы упрочить за тобой, пусть будутъ ниже твоего достоинства. То, что, по человѣческому праву, принадлежитъ тебѣ, я не вручаю ни правительству, ни опекунамъ, ни попечителямъ, а расточаю — отдаю на сбереженіе Богу, и оно воротится къ тебѣ, если это будетъ нужно. Оставляю тебя сираго, безпомощнаго между людьми, но надъ тобою будетъ Богъ, обстановка жизни не испортитъ тебя, да и люди не будутъ имѣть причины такъ или иначе тебя погубить“.

Такъ думала и говорила умирающая мать П. И. Волги, стоя на колѣнахъ и проливая слезы надъ колыбелью единственнаго своего сына, тогда еще полуторагодовалаго младенца. Женщина эта была извѣстна во всей С—кой губерніи особенными, исключительными обстоятельствами своей жизни, богатствомъ и чрезвычайно широкою благотворительностью. Умирая богачкой, она распорядилась своими средствами и устроила участь своего единственнаго сына, остававшагося послѣ нея круглымъ сиротой, самымъ оригинальнѣйшимъ образомъ.

Отца онъ лишился еще въ полугодовомъ возрастѣ, а матери—когда ему было полтора года. Отецъ Петра Ивановича былъ купцомъ С—кой губерніи, по фамиліи Волгинъ. Сына же записали случайно, при крещеніи, Вол-

Digitized by Google

гой. Это имя такъ и осталось за нимъ и въ учебномъ заведеніи, и въ жизни. Волгинъ былъ ловкій, бравый купецъ. Получивъ за женой громадное, но разстроенное, пошатнувшееся состояніе, онъ сжалъ все въ горсть и съ такою быстротою пошелъ впередъ, что удивилъ и озадачилъ самыхъ опытныхъ волжскихъ дѣльцовъ. Онъ занимался сплавомъ и торговлею лѣса, а также имѣлъ нѣсколько судовъ, совершавшихъ рейсы внизъ и вверхъ по Волгѣ. Отважныя, рискованныя его торговыя и промышленныя предпріятія были необыкновенно удачны. Среди самой кипучей дѣятельности, онъ умеръ трогательною смертью, „положивъ свою душу за други своя". На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, знавшіе покойнаго устроили роскошную часовню.

Иванъ Петровичъ Волгинъ умеръ, какъ разсказываютъ очевидцы, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. На одномъ изъ рукавовъ низовьевъ Волги, во время только-что начавшагося весенняго разлива рѣки, съ мѣстнымъ рыбакомъ случилось несчастье. Опытный рыбакъ сплошалъ. Волга въ тѣхъ мѣстахъ разливается весной верстъ на тридцать съ лишнимъ въ ширину и заливаетъ обширные луга и острова. Старикъ переѣхалъ на лодкѣ одинъ изъ рукавовъ, чтобы на быстромъ, но не глубокомъ мѣстѣ залитаго острова поставить вентера. Во время работы, въ тотъ именно моментъ, когда рыбакъ втыкалъ въ землю большой вентерный колъ, лодка вдругъ выскользнула изъ-подъ его ногъ и съ быстротою стрѣлы была унесена водой. Старикъ очутился въ страшномъ положеніи. Нѣкоторое время онъ висѣлъ на воткнутомъ толстомъ колу, а потомъ сталъ около него на ноги и очутился по поясъ въ водѣ, холодной какъ ледъ, по которой въ то время кое-гдѣ еще плыли крыги. Старикъ держался за колъ и

Digitized by Google

жалобно взывалъ о помощи: — Спасите, помогите! вода рѣжетъ меня, ноги мои подкашиваются! Спасите, православные! Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!“ На берегу въ то время была толпа народа, въ томъ числѣ и жена рыбака, бившаяся въ отчаяніи о землю, но нигдѣ по близости не было ни каюка, ни лодки. Публика металась по берегу, не зная, что предпринять; кое-кто побѣжалъ въ ближнее село, чтобы пригнать оттуда лодку; но, конечно, старикъ не могъ-бы дождаться лодки отъ холода. Въ толпѣ былъ въ это время и Иванъ Петровичъ Волгинъ. Онъ поглядѣлъ вслѣдъ побѣжавшимъ за лодкою, смѣрилъ глазами разстояніе отъ берега до утопавшаго старика и быстро сталъ раздѣваться. Удалой купецъ былъ закаленъ въ трудахъ и жизненныхъ невзгодахъ,—онъ былъ желѣзо и духомъ и тѣломъ. Еще въ дѣтствѣ мать лечила его отъ лихорадки, окуная три раза въ полонку, подъ ледъ замерзшей рѣки; кромѣ того, по русскому обычаю, онъ ежегодно на Крещеніе, во время водосвятія, какой-бы ни былъ холодъ и морозъ, купался, бросаясь тутъ же въ полынью и плавая по ней нѣсколько секундъ. Много разъ ему случалось также спасать утопавшихъ. Онъ обыкновенно хваталъ ихъ за волосы, взбрасывалъ къ себѣ на спину кверху лицомъ и, взявши волоса ихъ въ зубы, работая свободными руками, какъ ни въ чемъ не бывало, проплывалъ съ ними по полуверстѣ и болѣе. Тутъ онъ тоже рѣшился на подвигъ. Раздѣвшись до-гола, онъ крикнулъ утопавшему: „Не робѣй, старикъ, молись Богу! Сними съ себя сапоги и все платье: я отогрѣю тебя моимъ тѣломъ и спасу отъ смерти на моихъ плечахъ!“ Съ этими словами онъ ринулся въ воду и поплылъ... Всѣ ахнули на берегу, упали на колѣна и молились. Купецъ переплылъ уже глубину; но въ то время, какъ онъ по

Digitized by Google

мелкому мѣсту подбирался къ старику, силы измѣнили ему, вода „зарѣзала“ его—и онъ пошелъ ко дну. Старикъ-рыбакъ перекрестилъ то мѣсто, гдѣ скрылся подъ водою желавшій спасти его удалецъ, и тихо самъ опустился въ воду около кола. Послѣ рыбаки нашли его на мѣстѣ. Онъ стоялъ въ водѣ на колѣнахъ и крѣпко обѣими руками держался за колъ. Тѣла же Волгина такъ и не нашли.

Маланья Васильевна Волгина была женщина высокаго ума и рѣдкихъ свойствъ души. Вѣсть о гибели любимаго мужа была слишкомъ жестокимъ для нея ударомъ: отличаясь цвѣтущимъ здоровьемъ и крѣпкимъ сложеніемъ, она мгновенно зачахла, сдѣлалась худою до неузнаваемости. Разсказываютъ, что, послѣ смерти мужа, она была тайно пострижена; но доказательствъ на это нѣтъ никакихъ. Умерла она двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, переживъ мужа лишь на одинъ годъ. Громаднымъ состояніемъ своимъ она распорядилась такъ: пять тысячъ рублей внесла въ мѣстный губернскій приказъ общественнаго призрѣнія, предназначивъ ихъ, послѣ своей смерти, въ пользу того учебнаго заведенія, гдѣ будетъ воспитываться ея сынъ; все же остальное имущество перевела на деньги и употребила на дѣла благотворительности.

Это было въ памятномъ для Россіи, жестоко голодномъ 1848 году. Маланья Васильевна выступила на сцену, какъ спасительница народа отъ голодной смерти не только въ своей С—кой губерніи, но отчасти и въ сосѣднихъ. Она дѣйствовала однако негласно: всѣмъ распоряжался мѣстный преосвященный, которому она вручила милліонныя денежныя средства. Послѣдній чрезъ избранныхъ монаховъ устроилъ обширную операцію закупки хлѣба заграницей.

Digitized by Google

Среди зимы 1848 года голодъ проявился почти повсемѣстно въ Россіи съ ужасающею силою. Во многихъ мѣстностяхъ народъ ѣлъ вмѣсто хлѣба древесные листья, сѣнную труху, мякину, лебеду, сосну, солому тертую, жолуди, березовую и липовую кору; ѣли конину, кошекъ, собакъ, крысъ, падаль, насѣкомыхъ, даже мясо человѣческихъ труповъ. Находились злодѣи, которые рѣзали для мяса живыхъ людей; по городамъ въ гостиницахъ душили и убивали путешественниковъ для той-же цѣли; человѣческое мясо продавали въ пирогахъ на рынкахъ. Въ большихъ городахъ люди падали мертвые отъ голода. Трупы валялись по улицамъ, на торгу и всюду по пути. Но эти ужасы лютаго голода почти миновали С—скую губернію. Зимою, какъ только пронесся вопль о помощи, изъ губернскаго города по селамъ и деревнямъ потянулись обозы съ зерномъ хлѣба подъ конвоемъ цѣлыхъ ротъ вооруженныхъ солдатъ и толпы монаховъ. Преосвященный былъ человѣкъ христіанскаго духа, обширной жизненной практики, большой энергіи и умѣлъ бороться съ народною бѣдою; но и ему потребовалась вооруженная помощь: онъ испросилъ у правительства въ свое распоряженіе цѣлый батальонъ (4 роты) пѣхотнаго полка, такъ какъ хлѣбъ былъ по цѣнѣ въ то время дороже всего, и его необходимо было охранять вооруженною силою. Выдавался хлѣбъ монахами-распорядителями со строгимъ разборомъ. Получали его только дѣйствительно нуждавшіеся. Каждая семья обезпечивалась вполнѣ, такъ чтобы хватило хлѣба, какъ на продовольствіе до новой жатвы, такъ и на обсѣмененіе поля. Поэтому на слѣдующее лѣто въ 1849 г., когда вездѣ былъ необыкновенный урожай хлѣба, въ С—ской губерніи народъ благословлялъ судьбу, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ

Digitized by Google

Россіи хлѣба почти не сѣяли по недостатку сѣмянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ догадывались распахать и разрыхлить боронами дороги, по которымъ въ прежніе годы возили съ полей хлѣбъ и на которыхъ въ твердую, засохшую землю втаптывали во время ѣзды потерянные колосья и зерна. Къ удивленію, всѣ дороги безъ посѣва покрылись густымъ колосистымъ хлѣбомъ, но только разныхъ родовъ: пшеница, рожь, ячмень—все было смѣшано вмѣстѣ. Сила урожайности въ этомъ году была такъ велика, что нѣкоторые сѣяли выскребки изъ закромовъ, т. е. зерна болѣе или менѣе попорченныя,—и изъ этого родился хлѣбъ стѣна-стѣной.

Маланья Васильевна умерла, какъ-только окончилось въ Россіи это ужасное бѣдствіе и началась жатва 1849 года. До послѣдней минуты жизни она и лично принимала участіе въ облегченіи страданій бѣднаго люда.

Она не болѣла въ общепринятомъ значеніи этого слова, а просто чахла, хирѣла, оставаясь однако все время, до самой кончины, на ногахъ, хотя за нѣсколько мѣсяцевъ до того почти вовсе не могла принимать пищи и была истощена до крайней степени. Живя просто и скромно, она держала нѣсколько кухарокъ, которыя только и знали что варили и пекли, доставляя цѣлыми телѣгами хлѣбъ и мясо въ острогъ и бѣднымъ семействамъ въ городѣ. Она помогала секретно всѣмъ нуждающимся, выдавала замужъ бѣдныхъ дѣвушекъ и проч. Каждый день, не исключая даже и дня ея смерти, у ней обѣдало нѣсколько десятковъ прохожихъ, бѣдняковъ, рабочихъ и странниковъ, которыхъ нарочно разыскивали и сзывали къ ней. Въ день смерти она распорядилась всѣмъ окончательно: расписала, куда отдать нѣсколько сотенъ денегъ, оставшихся еще у нея,

Digitized by Google

ея платье, посуду и все прочее. Но никакихъ распоряженій не сдѣлала она на счетъ своего ребенка, устройство участи котораго, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, предоставляла Промыслу Божію. Она написала только преосвященному трогательное письмо, просила его сдѣлать относительно ея ребенка все, что Богъ положитъ ему на душу. Письмо она отдала въ надежныя руки, прося передать по адресу тотчасъ послѣ ея смерти. Преосвященный, бывшій, такъ сказать, главнымъ повѣреннымъ въ ея дѣлахъ, знавшій о размѣрахъ ея благотворительности, приказалъ одѣть ее въ свою архіерейскую ризу, лицо же ея собственноручно закрылъ воздухомъ, сказавъ: „Мы, грѣшные, недостойны смотрѣть на это лицо“. Онъ же и похоронилъ ее.

Маленькій Петръ Волга былъ порученъ присмотру одной бѣдной вдовы, которая и замѣнила ему родную мать. Сиротка выросталъ мальчикомъ скромнаго, тихаго, меланхолическаго нрава. Онъ смотрѣлъ болѣзненнымъ, хилымъ, никогда не рѣзвился, и въ то время, какъ другія дѣти играли и бѣгали, онъ стоялъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и смотрѣлъ. Печать сосредоточенности и грусти лежала на его лицѣ. Восьми лѣтъ онъ, по ходатайству преосвященнаго, былъ зачисленъ въ гатчинскій сиротскій институтъ, гдѣ и получилъ воспитаніе. Окончивъ курсъ въ этомъ учебномъ заведеніи, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ пожелалъ быть учителемъ, и его назначили въ уѣздное училище одного изъ юговосточныхъ степныхъ городовъ.

Здѣсь-то и началась замѣчательная сельскохозяйственная его дѣятельность. Но прежде, чѣмъ описывать ее, намъ нужно познакомиться съ его помощниками или компаньонами.

Digitized by Google

III.

КАЛМЫКЪ ЭЛЕ СЕНАТОРОВИЧЪ.

Мнѣ пришлось совершить по глухимъ мѣстамъ дальній путь. Я ѣхалъ по Калмыцкимъ степямъ, верхомъ на калмыцкой лошади, въ красивомъ и прочномъ калмыцкомъ сѣдлѣ, обдѣланномъ по угламъ арчака оловомъ и обтянутомъ, вмѣсто чепрака, бараньимъ желудкомъ, выдѣланнымъ подобно пергаменту. Въ торокахъ у меня были слѣдующія доказательства гостепріимства и радушія одного почтеннаго калмыцкаго учителя (бакши): кожаный мѣшокъ (тулунъ) съ жареными на маслѣ калмыцкими лепешками или хлѣбцами (бурцеками), съ хорошо высушеннымъ, почти жареннымъ конскимъ мясомъ и кожаная посуда (бербейка) съ свѣжею ракой. Я былъ новичкомъ въ степи и чувствовалъ себя возбужденно. Кругомъ — неоглядная, дикая, дивная степь, степь дѣвственная, не тронутая еще плугомъ, покрытая густою, высокою травою, путавшею ноги лошади и заставлявшею ее сильно потѣть. Я первый разъ видѣлъ красоту степей, курганы, съ каменными изваяніями на нихъ и гнѣздами степныхъ орловъ, устроенными на высокихъ кучахъ натасканнаго бурьяна. Кое-гдѣ попадались старые, уже почернѣвшіе отъ времени стога сѣна, унизанные гнѣздами вороновъ, коршуновъ и другихъ хищнихъ птицъ.

Digitized by Google

Тутъ я и встрѣтилъ Эле Сенаторовича—на большомъ, рыжемъ, сухопаромъ конѣ, рѣзко бросающемся въ глаза своею большою, некрасивою головою, и съ большою желтою собакой позади. На вопросъ мой о дорогѣ онъ отвѣтилъ:

„Вонъ видишь курганъ? Поѣзжай къ нему, стань лицомъ къ востоку, раскрой плеть подъ прямымъ угломъ и направь ее такъ, чтобы рукоятка была впередъ, а другой конецъ направо. Поѣзжай туда, куда покажетъ этотъ другой конецъ, и черезъ три трубки *) разстоянія, если будешь ѣхать шагомъ, увидишь рядомъ три кургана. Поѣзжай къ одному изъ нихъ, стань лицомъ къ югу, раскрой плеть на половину прямаго угла и поѣзжай влѣво, куда показывать будетъ другой конецъ плети. Тутъ черезъ двѣ трубки ты и увидишь самый хутунъ Бадьмы (по-калмыцки, Бѣлая Лилія)“.

Пока онъ объяснялъ мнѣ направленіе пути, я всматривался въ его лицо и изумлялся: оно было изуродовано до ужаса; на немъ были глубокіе шрамы, недоставало цѣлыхъ кусковъ мяса; кости скулъ и лба были почти обнажены. Лошадь его и собака смотрѣли на меня такъ осмысленно, выразительно, словно принимали участіе въ нашей бесѣдѣ. Я, съ своей стороны, осмотрѣлъ ихъ. У собаки не доставало глаза, одна нога у ней была перекушена и срослась криво, шишкой; на спинѣ, сквозь шерсть, видны были глубокіе шрамы. У лошади на спинѣ и на брюхѣ было нѣсколько бѣлыхъ пятенъ, свидѣтельствовавшихъ о серьезныхъ поврежденіяхъ. „Видали эти

*) Калмыки мѣряютъ разстояніе трубками, какъ французы—часами, русскіе—верстами. Одна трубка пути—значитъ время, необходимое, чтобы выкурить трубку.

Digitized by Google

три друга виды"—невольно подумалъ я, разсматривая ихъ, и не ошибся, какъ оказалось впослѣдствіи.

Калмыкъ Сенаторовичъ, суровый сынъ степей, пользуется большою извѣстностью какъ въ Большой и Малой Дербетьевскихъ ордахъ Астраханской и Ставропольской губерній, такъ и въ Донскихъ кочевьяхъ. Онъ носитъ почетное званіе „абуши". Между калмыками есть „абуши" какъ мужчины, такъ и женщины. Они пользуются большимъ почетомъ. Это—люди, давшіе обѣтъ не дѣлать ничего дурнаго, не убивать ничего живаго, не ѣсть мяса, не пить крѣпкихъ напитковъ, соблюдать нравственную и тѣлесную чистоту, не говорить ни съ кѣмъ грубо, а или молчать, или говорить ласково. Эти обѣты они соблюдаютъ свято. Въ знакъ своего высокаго почетнаго званія, абуши носятъ черезъ плечо какую-нибудь цвѣтную ленту и имѣютъ право халатъ, шапку и все верхнее платье носить ярко-краснаго или желтаго цвѣта. Но большею частью эти дѣйствительно достойные люди, изъ скромности, носятъ халаты синей крашенины, а черезъ плечо —кусокъ краснаго кумача.

Эле—полудикій язычникъ-ламаистъ; но, выслушавши отъ знаменитѣйшихъ калмыцкихъ учителей (бакшей) тайное, священное ученіе (номъ) и произнесши, согласно своей религіи, 263 абушинскихъ обѣта нравственной и тѣлесной чистоты, самоотверженія и милосердія ко всему живущему, онъ стоитъ на высотѣ идеала аскета и подвижника.

Калмыки даютъ имена дѣтямъ, какъ вздумается отцу или родственникамъ новорожденнаго. Большею частію даютъ имя того предмета, какой первый бросится въ глаза по рожденіи ребенка. Попадется бѣлая собака—и ребенка называютъ Цаганъ-Ноха (бѣлая собака); случится

Digitized by Google

черная собака—даютъ имя Кара-Ноха; бросится въ глаза кустъ полыни—ребенка называютъ Полынь и т. д. Иногда даютъ и русскія, христіанскія имена, но переиначиваютъ ихъ по своему: Маланья—Малынь, Давидъ—Дава, Давашка. Дѣдъ Эле назывался Емче, что означаетъ лекарь, а отца называли Сенаторомъ. Имя это дано было ему вслѣдствіе того, что онъ родился въ то время, когда по степямъ проѣзжалъ какой-то сенаторъ.

Когда родился Эле, отецъ его Сенаторъ нашелъ недалеко отъ входа въ кибитку мертваго коршуна. Онъ и далъ сыну имя Эле, что значитъ коршунъ. Набожный ламаистъ—Сенаторъ былъ увѣренъ, что въ тѣло новорожденнаго сына послана душа коршуна, и радовался этому, такъ какъ, по его мнѣнію, душа, испытавшая переселеніе и жизнь въ коршунѣ и поселенная опять въ тѣло человѣка, должна имѣть большія достоинства.

Эле родился при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Дѣло было зимою и стояла благопріятная погода: морозы умѣренные, земля покрыта глубокимъ, но мягкимъ пушистымъ снѣгомъ; наконецъ, вѣтеръ дулъ изъ святой стороны Тибета... Стараніями своей матери Эрднэ (драгоцѣнная) и бабки Альчи (хитрая, мудрая) онъ получилъ самое тщательное въ калмыцкомъ быту воспитаніе. Какъ только онъ родился, бабка сначала завернула его въ дѣдовскій бешметъ, сшитый изъ кожъ молодыхъ жеребятъ, а потомъ, когда онъ пообсохъ, вынесла его голаго вонъ изъ кибитки и катала по мягкому снѣгу, приговаривая по-калмыцки: „не бойся ни вѣтра-вьюги, ни холода, ни голода, ни лютаго мороза; будь чистъ какъ снѣгъ, здоровъ какъ вода и богатъ какъ земля“. Далѣе—бабка купала Эле въ крѣпкомъ разсолѣ, чтобы загрубить его кожу и сдѣлать ее менѣе чувстви-

Digitized by Google

тельною къ холоду и жару. Во все время, пока Эле сталъ сидѣть и ходить, онъ не зналъ ни постели, ни люльки: какъ это обыкновенно дѣлается у калмыковъ, его клали спиной на особую, сдѣланную для этого доску, укрывали чѣмъ-нибудь и обвязывали покромкой. Доску, вмѣстѣ съ нимъ, приставляли гдѣ-нибудь косо къ стѣнѣ или вѣшали. Чтобы покормить его грудью, нужно было только нагнуться или взять доску въ руки. Въ доскѣ была сдѣлана бороздка для стока нечистотъ. Тамъ же, гдѣ у ребенка приходились колѣна, къ доскѣ были прибиты бруски, распиравшіе ноги врозь, чтобы между ними не прѣло.

Русскія матери обыкновенно даютъ дѣтямъ соску. Эле же, вмѣсто соски, мать и бабка давали въ ротъ большой кусокъ сыраго бараньяго или говяжьяго сала. Когда Эле окрѣпъ и сталъ ходить, его стали класть въ обыкновенную постель, но до трехъ лѣтъ онъ не носилъ ни платья, ни обуви: зимою и лѣтомъ, въ кибиткѣ и внѣ ея, даже во время большихъ холодовъ, онъ бѣгалъ по снѣгу голый. Съ трехъ лѣтъ мать стала шить ему все обыкновенное калмыцкое платье, какъ взрослому калмыку. Съ этого же времени онъ началъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ и верблюдахъ, а также курить трубку. Вошедши въ кибитку Сенатора, можно было видѣть Эле около горящаго среди кибитки огня, рядомъ съ другими членамн семьи. Онъ тутъ обыкновенно дѣлалъ одно изъ двухъ: или курилъ трубку, или грызъ большой мосолъ.

Въ 22 года Коршунъ (т. е. Эле) былъ табунщикомъ у одного изъ самыхъ извѣстныхъ донскихъ коннозаводчиковъ, и адуча (табунщикъ) онъ былъ завзятый. Въ это время съ нимъ случилась исторія, стоившая ему большихъ мукъ и волненій. Въ родномъ его улусѣ было

Digitized by Google

много бѣлолицыхъ, румяныхъ, красивыхъ дѣвушекъ; было на что полюбоваться, когда онѣ бывало, во время торжественныхъ, веселыхъ весеннихъ перекочевокъ, скачутъ другъ передъ другомъ большою толпою, на высокихъ, бойкихъ коняхъ, съ трубками при боку и нагайками въ рукахъ, въ красивыхъ шелковыхъ и бархатныхъ цекдекахъ (халатахъ) яркихъ цвѣтовъ *), или въ большіе праздники молятся передъ хуруломъ бурхану Шакшимуни. Но ни одна изъ нихъ не могла сравниться, ни красотой, ни ловкостью, ни умомъ, ни богатствомъ наряда, съ Кишикте (счастливая), дочерью стараго Баты-Чоно (Бата—крѣпкій, Чоно—волкъ). Эле разъ, другой встрѣтилъ Кишикте, заглянулъ въ ея черные, остановленные на немъ глаза—и вскипѣла жгучею страстью восточная его кровь. Дѣвушка, однако, была уже просватана, и приближался канунъ свадьбы. Богатый Цаганъ-Ноха (Бѣлая собака), давнишній другъ и пріятель Баты-Чоно, засваталъ ее за своего сына Эрдняшку и приготовлялся праздновать свадьбу: купилъ на зарѣзъ пять, хотя и старыхъ, но сытыхъ лошадей, верблюда, двѣ коровы и 40 барановъ; заготовилъ для подарковъ всей роднѣ стараго Чоно нѣсколько лисьихъ, волчьихъ и бѣличьихъ шубъ (самые дорогіе подарки); накроилъ множество шелковыхъ и ситцевыхъ халатовъ (со всѣхъ родныхъ Кишикте снимали мѣрки, чтобы дорогое платье было по росту и костямъ); заготовилъ большое количе-

*) Цекдекъ — самое красивое, дорогое и любимое платье у калмычекъ. Шьютъ ихъ изъ малиноваго, зеленаго и другаго яркаго цвѣта бархата и шелка, украшаютъ серебряными нитками и расшиваютъ цвѣтами. Садясь на лошадь верхомъ, калмычка подвязываетъ къ поясу халатъ особыми подвязками на полахъ и подолѣ. Тогда у халата образуются фалды,—и это очень красиво, когда калмычка, въ высокой шапкѣ изъ желтаго сукна и стекляруса (иногда жемчуга), въ широкихъ штанахъ, скачетъ на лихомъ конѣ.

Digitized by Google

ство водки, раки, пряниковъ, кренделей, бурцековъ и проч. Что оставалось дѣлать Коршуну, котораго пожирала затаенная страсть?... Эле самовольно отлучился изъ табуна, цѣлую недѣлю таился съ осѣдланнымъ конемъ, положивъ его и крѣпко связавъ ему ноги, въ камышѣ, вблизи того мѣста, гдѣ стоялъ на кочевьѣ хутунъ Баты-Чоно. Черезъ нѣсколько дней терпѣливыхъ его выжиданій, Кишикте случайно пошла за телятами въ камышъ. Таившійся тутъ Эле только этого и ждалъ: минута, двѣ— и Счастливая очутилась въ когтяхъ Коршуна, а быстрый конь, скрытными мѣстами—байраками и логами, уносилъ ихъ далеко изъ улуса. Эле проскакалъ съ красавицей около 100 верстъ и достигъ табуна, гдѣ у него стоялъ джулунъ (шалашъ изъ войлока).

Хватились Кишикте—и искать ее поднялся почти весь улусъ. Вообще у калмыковъ въ большомъ ходу воровство невѣстъ. Иную красавицу украдетъ одинъ женихъ, а другой и третій перекрадутъ; иногда, побывавъ въ нѣсколькихъ рукахъ, дѣвушка попадетъ въ законныя жены, съ гелюнскаго и родительскаго благословенія, только четвертому или пятому жениху. Очень часто бываетъ и такъ, что родители невѣсты, чтобы избѣгнуть лишнихъ хлопотъ и расходовъ, сами отдаютъ дочь секретно и подстраиваютъ такъ, какъ-будто она у нихъ пропала. Собираютъ родню и народъ, и ѣдутъ, примѣрно черезъ сутки, толпой къ жениху. „Ты укралъ хорошо воспитанную дѣвушку?“ грозно кричитъ отецъ или братъ невѣсты, обращаясь къ жениху. „Я!“—говоритъ воръ, сознающій свою вину, и покорно стоитъ, когда отецъ невѣсты, вытаращивъ глаза, бросается на него съ нагайкой. Но все это—комедія, хотя и искусно разыгрываемая. Не то было, когда Коршунъ укралъ Счастливую.

Digitized by Google

Цаганъ-Ноха (Бѣлая собака) съ своимъ Эрдняшкой едва не одурѣли отъ злости: они, съ толпою пріятелей, метались изъ хутуна въ хутунъ, какъ бѣшеные, съ пѣной у рта. Наконецъ, только черезъ три недѣли нашли они Кишикте въ джелунѣ Эле, гдѣ она была уже полной хозяйкой. Бата-Чоно не прочь былъ оставить дочь у Эле и намѣревался уже призвать гелюна, чтобы тотъ прочиталъ брачныя молитвы Эле и Кишикте, посадивъ ихъ рядомъ у входа въ кибитку и давъ имъ мосолъ, чтобы они оба держались за него во время брачнаго моленія. Но судъ улусныхъ стариковъ, къ которому обратился Цаганъ-Ноха, понесшій, по случаю сватовства, дѣйствительно большіе расходы, присудилъ взять Кишикте отъ Эле и отдать ее за сына Цаганъ-Нохи. Эле рвался и метался, потерявъ, какъ говорится, голову, но судьба ему помогла. Эрднякша на радостяхъ, что женился на красавицѣ, предался разнымъ излишествамъ и умеръ вскорѣ же послѣ свадьбы. Тогда Счастливая законнымъ уже порядкомъ вышла за Эле. Съ такими-то препятствіями, весьма обычными въ Калмыцкикъ степяхъ, устроилось семейное счастье Эле Сенаторовича.

Наша рѣчь о немъ была-бы не полна, если-бы мы промолчали о его собакѣ Шарѣ (шара—желтый) и конѣ Крылатомъ. Друзья они—беззавѣтные. Собаки считаются у калмыковъ лучшими изъ всѣхъ животныхъ. Продать собаку считается большимъ грѣхомъ. Поэтому калмыки никогда не убиваютъ щенятъ, хотя-бы они и не нужны были имъ. Хозяинъ ихъ оставляетъ всѣхъ, и когда они подростутъ, то не продаетъ, а даритъ желающимъ. Если же такихъ не оказывается, то завозитъ ихъ въ степь и оставляетъ тамъ. И въ степи часто приходится встрѣчать взрослыхъ щенятъ, пристающихъ къ проѣзжимъ или

Digitized by Google

прибивающихся къ жилью. Эле Сенаторовичъ нашелъ въ степи отощавшаго, едва живаго щенка, выкормилъ его и получилъ, такимъ образомъ, вѣрнаго и надежнаго друга.

Шара—громаднаго роста и силы непомѣрной. Калмычата, внуки Эле, часто запрягаютъ его въ санки, какъ лошадь, и катаются на немъ. Случалось, что на него бросались разомъ три волка, но Шара грызся съ ними съ такимъ успѣхомъ, что волкамъ всегда приходилось со стыдомъ ретироваться. Главная особенность Шары въ зубахъ. Они у него громадныхъ размѣровъ и устроены не такъ, какъ у другихъ собакъ, а какъ у волковъ и дикихъ кабановъ, т. е. замкомъ: клыки верхнихъ и нижнихъ челюстей сходятся подобно половинкамъ ножницъ и перерѣзаютъ, какъ бритвой, все, что захвачено пастью. Если на Шару нападаютъ другія собаки, то онъ только оскалитъ зубы — и собаки съ визгомъ бросаются врассыпную.

Шара неоднократно доказалъ свою вѣрность и мужество. Однажды темная ночь застигла Эле съ отарой овецъ далеко отъ его хутуна. У него было три больныхъ овцы, и онъ медленно подгонялъ стадо къ дому. Вдругъ на него напали штукъ десять волковъ. Овцы испугались и стремглавъ бросились уходить. Эле остался съ тремя больными овцами, тогда какъ здоровыя, преслѣдуемыя волками, скрылись, а вмѣстѣ съ ними скрылся и Шара. Часть волковъ бросилась за бѣжавшими овцами, другая часть стала кружиться около Эле, намѣреваясь вырвать у него почти изъ рукъ трехъ больныхъ овецъ. Эле разгонялъ волковъ дубиной и продолжалъ путь. Наконецъ, больныя овцы выбились изъ силъ и не могли идти. Одну изъ нихъ Эле принужденъ былъ оставить, связавъ ей

Digitized by Google

ноги и обгородивъ ее кругомъ арканомъ, такъ что она лежала какъ въ базу, стѣны котораго замѣнялъ арканъ. Двухъ другихъ овецъ онъ погналъ далѣе. Въ концѣ концовъ одну изъ нихъ пришлось оставить, а другую взять на плечи и нести. Онъ такъ и сдѣлалъ. За неимѣніемъ аркана или веревки, онъ прикрылъ покидаемую овцу зипуномъ. Волки, однако, не перестали преслѣдовать Эле и съ послѣднею овцою. Они такъ бросались на него, что ему стало страшно за самого себя и онъ принужденъ былъ бросить овцу прямо въ пасть имъ, а самъ едва убѣжалъ, отбиваясь дубиной. Когда онъ уже утромъ пришелъ домой, то нашелъ дома всю свою ватагу цѣлою. Овцы были перепуганы, дико озирались, но невредимы. Шара былъ при нихъ. Онъ весь былъ искусанъ и израненъ; одна изъ переднихъ ногъ перекушена по поламъ. Участь же двухъ больныхъ овецъ, оставленныхъ Эле въ степи со связанными ногами, была неодинакова. Ту, которая была прикрыта зипуномъ, волки съѣли съ костями, такъ-что подъ зипуномъ остались только клочья шерсти да обрывки овчины; обведенная же арканомъ—осталась невредимою.

Конь Эле Сенаторовича, Крылатый—по свойствамъ своимъ рѣдкая лошадь. На всемъ пространствѣ степей юга Россіи едва-ли найдется другая лошадь, равная ей по рѣзвости и выносливости. На конюшнѣ у Петра Ивановича Волги много есть красивыхъ, выносливыхъ, рѣзвыхъ, какъ вѣтеръ, ѣздовыхъ лошадей; у него есть тройки золотистой и черной масти, на которыхъ онъ дѣлаетъ въ одну перетяжку, не выпрягая и не кормя, по полтораста верстъ; но все-же имъ не сравниться съ длинноногимъ, сухопарымъ, длинношеимъ и головастымъ Крылатымъ. Правда, большаго и труда стоило даже та-

Digitized by Google

кому спеціалисту и знатоку дѣла, какъ Эле Сенаторовичъ, добыть, правильнѣе—создать такую лошадь. Онъ добылъ Крылатаго еще въ то время, когда состоялъ табунщикомъ у донскаго коннозаводчика, полковника И. Ввѣренный ему табунъ былъ (теперь его ужь нѣтъ; о причинахъ будетъ сказано ниже) едва-ли не лучшимъ на Дону; а извѣстно, что въ хорошемъ, породистомъ табунѣ всегда найдется нѣсколько кочегановъ—удивительно дикихъ, вольнолюбимыхъ, неукротимыхъ лошадей. Онѣ низачто не даются подъ сѣдло: какъ только увидятъ арканъ, бросаются вонъ изъ табуна, бѣгаювъ верстахъ въ двухъ, трехъ отъ табуна—и настигнуть ихъ нѣтъ никакой возможности. Если-же и удастся какъ-нибудь заарканить ихъ, то чрезвычайно трудно осѣдлать: онѣ бьютъ задомъ и передомъ, взвиваются на дыбы, падаютъ навзничь, на спину, придавливая иногда всадника и разбивая сѣдло въ-дребезги. Если это конь, то съ нимъ, большею частію, все-таки успѣваютъ сладить, придушивъ его арканомъ до безпамятства, избивъ и чуть не изувѣчивъ при первомъ сѣдланіи и объѣздкѣ (впрочемъ, бываетъ и такъ, что убьютъ лошадь, но не покорятъ). Если же это кобылица, то ее оставляютъ неукомъ,—и обыкновенно отъ такихъ кобылицъ бываетъ лучшій въ табунѣ приплодъ. Въ табунѣ И. было нѣсколько такихъ кобылицъ-неуковъ, и одна изъ нихъ отличалась особенною дикостью и неукротимостью. Она до того простирала, напримѣръ, свою прихотливость и своенравіе, что низачто не давалась настоящему производителю-жеребцу, а сманивала съ собою изъ табуна какого-нибудь годовика или двухлѣтка-жеребчика, гуляла съ нимъ вдали отъ табуна цѣлое лѣто, и только осенью являлась въ табунъ, оставаясь нежеребою. Для полученія отъ нея приплода, та-

Digitized by Google

бунщики, когда было нужно, какъ-нибудь невзначай заарканивали ее, связывали ей три ноги, оставляя свободною только одну, и пускали въ косякъ къ жеребцу. Кобылица эта приводила рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ жеребятъ, которыхъ хозяинъ не продавалъ иногда ни за какую цѣну, оставляя себѣ на приплодъ. Эле вознамѣрился, во что бы то ни стало, имѣть лошадь отъ этой кобылицы, и онъ, въ условіи съ хозяиномъ, выговорилъ себѣ чуть не за три года службы приплодъ отъ нея одного года. Онъ могъ бы сдѣлать это и самовольно, но честный калмыкъ не хотѣлъ плутовать.

Эле имѣлъ въ хозяйскомъ табунѣ до трехъ десятковъ своихъ собственныхъ лошадей и легко могъ хозяйскаго жеребенка прилучить къ своей кобылицѣ; но на то онъ и абуша, чтобы не дѣлать ничего безчестнаго. Онъ позволилъ себѣ только одну, совершенно законную вольность—захолостивъ на годъ кобылицу; ему, какъ опытному табунщику, было хорошо извѣстно, что если кобылица перегуляетъ годъ холостою, то на слѣдующій годъ приводитъ лучшаго жеребенка. Доброту каждаго изъ жеребцовъ въ табунѣ онъ зналъ хорошо и намѣтилъ для Непокорной лучшаго изъ нихъ. Плодомъ многлѣтнихъ этихъ заботъ и явился на свѣтъ благороднѣйшій, преданнѣйшій изъ друзей Эле—Крылатый.

Что за дивная лошадь этотъ Крылатый! Онъ некрасивъ, но его рѣзвость, сила, выносливость и инстинктъ—изумительны. Не разъ онъ выносилъ Эле изъ огня и воды, въ грозный ураганъ спасалъ отъ смерти, догонялъ угнанный бурею табунъ, проскакавъ по глубокому снѣгу полтораста, двѣсти верстъ безъ отдыху; спасалъ отъ стотысячныхъ убытковъ, а на скачкахъ, гдѣ приходилось только бывать Эле, былъ готовъ порвать всѣ свои

Digitized by Google

жилы, но не уступалъ никому перваго приза. Теперь Крылатый уже сѣдѣетъ, темнорыжая шерсть его дѣлается бѣлою и скоро, быть можетъ,—какъ вѣрить Эле,—душа его переселится въ другое живое существо, въ которомъ будетъ выказывать еще большія доблести. Эле, конечно, не забудетъ своего друга. Онъ завезетъ его, мертваго, въ глухую, бездорожную степь, на широкій просторъ, гдѣ гуляетъ только вѣтеръ, и тамъ закопаетъ на высокомъ, обросшемъ густою травою курганѣ. И, покуда будетъ живъ Эле, на томъ мѣстѣ, гдѣ зароютъ Крылатаго, будетъ стоять высокій шестъ съ кускомъ развѣваемаго вѣтромъ краснаго кумача, на которомъ гелюнъ напишетъ слова тибетской молитвы. Тамъ немного будетъ непонятныхъ каракулекъ, но по-русски онѣ будутъ означать: „Тому Богу, всесовершенному и обладающему всѣми сокровищами міра, который сотворилъ гору Сумберъ и весь міръ, который даровалъ землѣ зелень, цвѣты и изобиліе плодовъ, а небо украсилъ солнцемъ и луною, приносимъ мы хвалу и благодареніе!“

Эле самъ ничего не разсказываетъ о своемъ конѣ, чтобы не возбуждать и не увеличивать зависти въ другихъ; но посторонніе разсказываютъ о немъ чудеса. Увѣряютъ, напр., что у него два сердца и есть подкрылки; что во время быстраго и долговременнаго бѣга, у Крылатаго дѣлаются тамъ, гдѣ на бокахъ впадины, отверстія и изъ нихъ, какъ изъ трубъ, идетъ паръ, вслѣдствіе чего онъ и не задыхается отъ долговременнаго и быстраго бѣга. Послѣ самой усиленной скачки, онъ вздохнетъ разъ, другой—и спокоенъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Много разъ публично, на скачкахъ и въ состязаніяхъ, неоцѣненныя достоинства Крылатаго выказывались съ неподражаемо-блестящей стороны; но самый поразитель-

Digitized by Google

ный фактъ—погоня Эле за орломъ на Крылатомъ. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ люди, близко знающіе дѣло.

Въ степяхъ существуетъ особая порода орловъ, называемыхъ жеребятниками. Они преслѣдуютъ табуны, любятъ питаться выкидышами - жеребятами и палыми лошадьми. Нѣкоторые изъ орловъ этой породы остервеняются до того, что заклевываютъ живыхъ, только-что явившихся на свѣтъ жеребятъ и этимъ наносятъ табунамъ большой ущербъ. Орелъ, незамѣтно для табунщиковъ, издали слѣдитъ за табуномъ; замѣтивъ, что кобылица жеребится въ табунѣ, онъ подлетаетъ къ ней въ послѣдній моментъ родовъ; покуда кобылица и жеребенокъ не успѣли еще оправиться и стать на ноги,—выклевываетъ послѣднему глаза, ноздри, отрываетъ языкъ и др. части, если кобылица вставши не успѣетъ отогнать его прочь. Эти хищники губятъ такимъ образомъ самыхъ лучшихъ и породистыхъ жеребятъ. Если жеребенокъ не особенно хорошъ, малъ ростомъ, то кобылица, ожеребившись, тотчасъ вскакиваетъ на ноги, такъ что орелъ не успѣваетъ еще и приблизиться; если же жеребенокъ крупный, породистый, то кобылица сильно утомляется, долго лежитъ въ забытьи и не скоро можетъ встать, чтобы отогнать врага. Обыкновенно противъ такихъ хищниковъ, при первомъ ихъ появленіи, принимаются мѣры: нѣсколько человѣкъ съ ружьями слѣдятъ за врагомъ день и ночь—и онъ погибаетъ отъ мѣткой пули. Но часто бываетъ и такъ, что хищники чрезвычайно хитры и осторожны: самый искусный стрѣлокъ не можетъ подкрасться къ нимъ на выстрѣлъ, и они по нѣскольку лѣтъ разоряютъ табуны. Такого именно свойства орелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появился на участ-

Digitized by Google

кѣ одного донскаго коннозаводчика. Каждый день онъ былъ при табунѣ и наносилъ ему страшный вредъ. Всѣ принятыя мѣры для уничтоженія хищника—оказались тщетными. Наконецъ, коннозаводчикъ объявилъ большую награду тому, кто такъ или иначе уничтожитъ его. Вдругъ разнеслась вѣсть, что калмыкъ Эле Сенаторовичъ вызвался верхомъ на лошади догнать и поймать орла. Это переполошило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что Эле шутить не любитъ и съ-вѣтру ни за что не берется. Въ назначенный день къ разоряемому орломъ табуну собралась большая толпа любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть на состязаніе Коршуна-калмыка съ настоящимъ степнымъ орломъ. Эле пріѣхалъ рано утромъ, еще до восхода солнца. Орелъ былъ уже при табунѣ, сидѣлъ на курганѣ и тревожно озирался, словно чуялъ недоброе. Когда-же Эле, готовясь начать поединокъ, сталъ подтягивать подпругу у лошади,—орелъ поднялся съ кургана и полетѣлъ. Эле поспѣшно сѣлъ на Крылатаго, надвинулъ на глаза шапку и поскакалъ за нимъ, въ сопровожденіи Шары. Такъ началась борьба...

Сначала орелъ перелетѣлъ версты три и сѣлъ на другой курганъ. Эле скакалъ прямо на него. Онъ перелетѣлъ еще разъ и сѣлъ. Но видя, что преслѣдованіе не прекращается, орелъ поднялся и полетѣлъ вдаль. Съ невѣроятною быстротою Эле скакалъ впередъ. Орелъ круто поворачивалъ въ сторону,—и Эле за нимъ; орелъ черезъ рѣку,—и онъ черезъ рѣку; орелъ черезъ байракъ,—и онъ черезъ байракъ. Орелъ, повидимому, понялъ опасность, учащенно замахалъ крыльями и, поднявшись съ версту надъ землею, полетѣлъ съ быстротою вѣтра. Эле все скакалъ за нимъ, безпрестанно поднимая голову вверхъ и стараясь не потерять его изъ вида въ

Digitized by Google

эту рѣшительную минуту... Наконецъ, не стало видно ни орла, ни всадника. Только вечеромъ длиннаго лѣтняго дня, при самомъ заходѣ солнца, Эле воротился и привезъ въ торокахъ, на крестцѣ коня, трупъ громаднаго орла. Конецъ борьбы былъ исполненъ трагизма. Орелъ окончательно утомился и безпрестанно садился дѣлая перелеты въ 20—30 саженей. Наконецъ, онъ остановился, грозно обернулся назадъ и, поднявъ крылья, вытянулъ шею, сверкая глазами, ждалъ приближенія скакавшаго къ нему врага. Эле быстро соскочилъ съ Крылатаго и бросился на орла съ нагайкой; орелъ, въ свою очередь, собралъ послѣднія силы, взмахнулъ крыльями и ринулся впередъ. Съ большой силой онъ ударилъ Эле крыльями по головѣ и плечамъ, ухватившись въ то же время когтями за его грудь. Эле на мгновеніе потерялъ отъ удара сознаніе, зашатался и едва не упалъ навзничь; орелъ навѣрное заклевалъ бы его. Но тутъ былъ вѣрный Шара. Онъ ринулся на орла и схватилъ его зубами за спину,—орелъ повернулъ къ нему голову, клюнулъ и сразу вырвалъ у него глазъ. Собака взвизгнула отъ боли, но, подпрыгнувъ вверхъ, схватила орла за шею и сразу откусила ему голову. Когда Эле опомнился,—увидѣлъ передъ собою обезглавленный и неподвижный трупъ орла. Крылатый въ это время обнюхивалъ побѣжденнаго врага, а несчастный Шара, которому такъ дорого обошлась побѣда, визжалъ и теръ лапой окровавленную свою голову.

Болѣе 10 лѣтъ Эле служилъ табунщикомъ у полковника И. Хозяинъ цѣнилъ его, да и было за что. Эле—трезвый, вѣрный человѣкъ, а табунъ любилъ такъ, что готовъ былъ жизнью своей пожертвовать за него. Страшныя непогоды и бури приходилось ему переносить съ табуномъ. Иногда цѣлыя недѣли, на страшномъ холодѣ,

Digitized by Google

не слѣзая съ коня, онъ боролся съ непогодой, удерживая на мѣстѣ табунъ, угоняемый бурей. Онъ питался въ это время кусками сыраго мяса, которые тутъ же отрѣзалъ отъ труповъ павшихъ лошадей. Нерѣдко лицо его въ это время напоминало по своему виду сплошную льдину, такъ что потомъ отъ него отваливались цѣлые куски мяса. Глаза его страшно болѣли и слѣпли отъ напряженія и бьющей въ нихъ мятели. Словомъ, приходилось употреблять невѣроятное напряженіе силъ, но все же онъ выдерживалъ борьбу: ни разу не далъ погибнуть табуну, какъ бы ни была люта буря. Иногда, послѣ бури, онъ недѣли на двѣ, на три лишался способности видѣть и до такой степени ослабѣвалъ, что не могъ даже ходить и его водили подъ руки.

Такимъ табунщикомъ, какъ Эле, нельзя было не дорожить. Годъ отъ году табунъ у него улучшался и былъ на-диво. Но вотъ полковникъ И. умеръ; табунъ и остальное имѣніе перешли къ его зятю — и все пошло вверхъ дномъ. Табунъ захирѣлъ. На зиму, по недостатку денегъ, не дѣлалось запасовъ сѣна; на лѣто не брались въ аренду сосѣдніе степные попасы, между тѣмъ какъ табуну, прежде всего, нужно приволье и ширь.

Табунъ сталъ вырождаться, и это приводило Эле въ отчаяніе. Наконецъ, новый хозяинъ, т. е. зять полковника И., проигралъ весь табунъ въ карты, и онъ поступилъ къ другому, подобному же владѣльцу. Послѣдній предложилъ Эле вдвое большее жалованье, чтобы онъ только остался при табунѣ, но Эле ничего не сказалъ на это, стиснулъ только зубы, замахалъ отрицательно руками поспѣшно отбилъ отъ табуна своихъ два косяка и вскачь угналъ ихъ въ степь.

Недаромъ говорится, что „рыбакъ рыбака видитъ сда-

Digitized by Google

лека". Зоркій глазъ П. И. Волги давно видѣлъ уже степнаго Коршуна. Переставъ быть табунщикомъ, Эле поручилъ присмотръ за своими лошадьми одному сыну, а за ватажкой овецъ и тремя, четырьмя десятками рогатаго скота—другому, и самъ жилъ дома, скучая по привычной дѣятельности. Въ это время Волга и нашелъ возможнымъ увлечь его своимъ дѣломъ.

Digitized by Google

IV.

КРЕСТЬЯНИНЪ ЗАХАРЪ АВРААМОВИЧЪ ЗЕМЛЯ.

Захаръ Авраамовичъ Земля—человѣкъ безпредѣльнаго радушія и добраго сердца. „Взглянетъ онъ своимъ ласковымъ, доброжелательнымъ взглядомъ, скажетъ привѣтливое слово,—точно рублемъ подаритъ“. Такъ отзываются о немъ всѣ знающіе его. Дѣйствительно, все у него какъ-то необыкновенно кстати: взглядъ, манеры, слова, шутка, выраженіе лица,—во всемъ этомъ, кромѣ большаго такта, чувствуется еще и какая-то величавость.

Въ своей волости Захаръ Авраамовичъ пользуется большимъ уваженіемъ. Много трехлѣтій уже онъ состоитъ церковнымъ старостой въ своей слободѣ и лѣтъ пять какъ получилъ за службу въ этомъ званіи старинный боярскій, расшитый серебромъ и украшенный серебряными же кистями, кафтанъ. Волостные старики каждое трехлѣтіе избираютъ его членомъ своего крестьянскаго суда. Въ праздничные дни онъ часто присутствуетъ въ судѣ, участвуетъ въ разборѣ дѣлъ, какъ членъ суда,—и какъ-то особенно торжественнымъ кажется этотъ судъ, когда засѣдаетъ въ немъ этотъ сѣдовласый старикъ съ добрымъ лицомъ, важный, молчаливый, въ боярскомъ кафтанѣ.

Почтенному старику теперь давно уже перевалило за 70 лѣтъ, но онъ еще бодръ, свѣжъ, сохранилъ зубы,

Digitized by Google

словомъ—пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. У него огромная семья, рѣдкаго притомъ благоустройства. Она состоитъ болѣе чѣмъ изъ 70-ти душъ. Младшему сыну его 48 лѣтъ, старшему внуку 33 года. Самъ Земля съ женою, такою-же старушкой, какъ и онъ, постоянно живетъ въ слободѣ; сыновья же его и два зятя живутъ пятью отдѣльными хуторами въ степи, но составляютъ одну семью, съ общимъ имуществомъ. Хутора пользуются полнымъ привольемъ въ земельномъ отношеніи, отстоятъ одинъ отъ другаго на 30—40 верстъ, и въ каждомъ изъ нихъ полное хозяйство большой крестьянской семьи, которая считается въ той мѣстности зажиточною, богатою. Въ каждомъ хуторѣ по два плуга воловъ, до 200 головъ рогатаго скота, отъ полуторы до двухъ тысячъ овецъ и значительное количество птицы и другаго инвентаря. Сыновья и зятья распоряжаются каждый въ своемъ хозяйствѣ самостоятельно, но отдаютъ отцу отчетъ.

Земля не выдаетъ своихъ дочерей и внучекъ въ замужество „за дворъ“, т. е. въ люди, а принимаетъ зятьевъ. Такимъ образомъ семья его съ большою быстротою растетъ и растетъ. Въ послѣднее время у него въ семьѣ родится въ годъ болѣе десяти дѣтей. Многочисленной семьѣ своей Земля ведетъ строгую статистику. У него есть особая метрическая тетрадка, куда онъ записываетъ имя, время рожденія и крещенія каждаго новорожденнаго въ семьѣ. Когда привезутъ съ какого-нибудь изъ пяти хуторовъ крестить ребенка и перекрестятъ, то Захаръ Авраамовичъ запишетъ его имя въ тетрадку, подведетъ итогъ и скажетъ своей женѣ:

— Теперь, старуха, у насъ двѣнадцать Ивановъ, семь Андрюшекъ, девять Настюшекъ, четыре Акулины, три Марины.—Словомъ, всѣхъ высчитаетъ.

Digitized by Google

Въ многочисленной семьѣ Захара Авраамовича почти всѣ мужчины и многія женщины грамотны. Многіе учились самоучкой дома, но читать Псалтырь, Евангеліе, молитвы по молитвеннику, а также записать что нужно— умѣютъ хорошо. Пятерыхъ изъ своей семьи онъ отдѣлилъ и рѣшилъ дать имъ самое лучшее, какое только возможно, образованіе. Одинъ внукъ его кончаетъ курсъ въ университетѣ по медицинскому факультету, два другіе внука еще въ гимназіи и двѣ внучки въ институтѣ. Послѣднихъ, конечно, можно бы помѣстить въ женскую гимназію, но Захаръ Авраамовичъ бился, хлопоталъ, понесъ большія издержки, но помѣстилъ непремѣнно въ институтъ: онъ задался цѣлью дать имъ лоскъ. Внучки его кончаютъ курсъ. На каникулы онѣ ежегодно пріѣзжаютъ домой въ степь и охотно участвуютъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ семьи.

Захаръ Авраамовичъ большой хлѣбосолъ. Всѣмъ сыновьямъ и внукамъ разъ навсегда приказано имъ: „пріѣдетъ кто гость,—рѣжь барана; одного мало,—двухъ". Дѣйствительно, если къ нему пріѣзжаетъ кто хоть на полсутокъ,—рѣжутъ барана, хотя-бы и много было въ домѣ мяса и всякой другой снѣди. Это какъ-бы церемоніальный почетъ, оказываемый гостю. Когда онъ женитъ кого-нибудь изъ своихъ внуковъ или выдаетъ замужъ внучекъ (интересно, какихъ зятьевъ пріищетъ Земля для своихъ внучекъ-институтокъ, когда онѣ кончатъ курсъ?— а „за дворъ" онъ ихъ не отдастъ), то у него бываетъ пиръ на весь міръ *). Жарятъ сотни гусей въ печахъ,

*) Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ Земля женилъ трехъ внуковъ разомъ, за однимъ столомъ. Для публики это было такъ занимательно, что смотрѣть на эту тройную свадьбу приходили и пріѣзжали изъ дальнихъ мѣстъ. Къ

Digitized by Google

цѣлыхъ барановъ и быковъ на вертелахъ. Еще задолго до свадьбы заготовляется множество боченковъ съ водкой; во время-же самой свадьбы носятъ, кромѣ того, водку ведрами на коромыслахъ, нарочно изъ самаго дальняго кабака, черезъ всю слободу. Это дѣлается для того, чтобы побольше людей могли встрѣтиться съ несущими водку, выпить висящимъ на ведрѣ корцомъ и пожелать новобрачнымъ всякаго добра. Въ обыкновенное время въ домѣ Захара Авраамовича на столѣ, покрытомъ скатертью, непремѣнно находятся три вещи: цѣльный, непочатой хлѣбъ, солонка съ солью и на большомъ блюдѣ жареный молодой баранъ или поросенокъ (когда скоромный день). Такъ это заведено во всѣхъ хуторахъ и въ слободѣ. Если случится гость, то на столъ подается еще глиняный баклажокъ съ водкой. Вечеромъ, когда возвращаются домой пастухи, бывшій днемъ на столѣ баранъ или поросенокъ дѣлится между ними.

Отъ слободы, гдѣ живетъ Захаръ Авраамовичъ Земля, идутъ въ степь три пути въ направленіи къ рѣкамъ: Волгѣ, Кубани и Дону. Дороги эти, по большей части, идутъ по мѣстамъ безлюднымъ и почти безводнымъ. Верстъ на двѣсти, триста не встрѣтишь никакого жилья. Если и есть тутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природныя водохранилища, то вода вездѣ горькая и соленая. Отъ потребленія ея даже привычные люди, т. е. мѣстные старожилы, болѣютъ: начинается головная боль, потомъ горячка, причемъ выходятъ всѣ волоса изъ головы. Для

довершенію дива, двое изъ внуковъ были еще близнецы и такъ похожи ростомъ и лицомъ другъ на друга, что часто даже родители ихъ не различали и называли Петра Иваномъ, а Ивана Петромъ. На свадьбѣ, чтобы невѣсты и ихъ родственники не ошибались въ женихахъ, одного изъ нихъ для примѣты должны были перевязать бѣлымъ платкомъ.

Digitized by Google

животныхъ, явившихся на свѣтъ и выросшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, вода эта не только не оказываетъ вреда, но, повидимому, даже полезна; волы же и лошади изъ другихъ мѣстъ отъ питья этой воды, по большей части, немедленно же околѣваютъ. Такова вода здѣсь въ протекающихъ рѣчкахъ, въ прудахъ, балкахъ и ямахъ. Но стоитъ только выкопать колодезь тутъ-же, около рѣчки или пруда съ горько-соленою водою,—и получится вода прѣсная и годная для употребленія. Чтобы облегчить коннымъ и пѣшимъ передвиженіе по этимъ глухимъ дорогамъ, Захаръ Авраамовичъ, еще лѣтъ 15 тому назадъ, выкопалъ на нихъ, въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ, до 30 колодцевъ, обложилъ ихъ камнемъ и каждый годъ теперь ѣздитъ чистить и поправлять ихъ. По этимъ-же дорогамъ онъ устроилъ во многихъ мѣстахъ часовни, изъ которыхъ нѣкоторыя поставилъ около самыхъ колодцевъ. Большинство часовень состоятъ изъ деревянныхъ столбовъ, вкопанныхъ въ землю, съ полками сверху и навѣсами надъ ними изъ досокъ въ видѣ треугольника; но нѣкоторыя построены изъ камня и кирпича, въ видѣ колоннъ аршина 5 въ вышину и аршина два съ половиною въ діаметрѣ, съ глубокими нишами по сторонамъ, служащими вмѣсто полокъ. Въ этихъ часовняхъ, на полкахъ или въ нишахъ, стоятъ иконы и помѣщается провизія для путниковъ, какъ-то: пироги, яблоки, арбузы, дыни и прочее. Полки устроены такимъ образомъ, что ни собака, ни другое животное не могутъ достать лежащей на нихъ провизіи. По праздникамъ у Захара Авраамовича печется огромное количество пироговъ, начиненныхъ сыромъ, капустой, мясомъ, и развозится по часовнямъ. Это дѣлается какъ для путниковъ, такъ и вообще для бѣдныхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые пожелаютъ

Digitized by Google

воспользоваться этимъ. Между мѣстнымъ населеніемъ постановка часовень и подобный родъ милостыни считаются дѣломъ святымъ и богоугоднымъ. Часовни эти воздвигаются обыкновенно втихомолку, а иногда такъ и просто тайно, ночью. Утромъ вдругъ является гдѣ нибудь при дорогѣ часовня, устроенная какъ слѣдуетъ, прочно, нерѣдко не только съ обугленнымъ внизу, ради прочности, столбомъ, но даже и обшитымъ свинцомъ.

Захаръ Авраамовичъ Земля — страстный любитель хозяйства. Не смотря на свои преклонныя уже лѣта, онъ всегда тамъ, гдѣ больше работы, въ которой онъ продолжаетъ участвовать, не отставая отъ другихъ. Слышится ли звяканье, лязгъ и шелестъ степнаго покоса, ходятъ ли вдали по широкой долинѣ 20—30 косарей, въ одинъ махъ ударяя косами въ густую траву, кипитъ ли какая работа въ другомъ мѣстѣ, — Захаръ Авраамовичъ непремѣнно тутъ. Но самое любимое его занятіе— смотрѣть за овцами, стеречь ихъ, поить и лечить. Къ этой работѣ прибѣгаетъ онъ, какъ къ отдыху. Случится ему какая неудача или непріятность по дому—онъ немедленно уходитъ въ ватагу на ближній хуторъ. Тутъ онъ нѣсколько дней или даже недѣль ходитъ за ватагой, вмѣсто чабана, пока не уляжется непріятное чувство. Да и устроена же у него эта часть хозяйства! На его хуторѣ лучшій чабанъ и подпаски, лучшіе матки-овцы и племенные бараны, лучшія атаршицкія собаки.

Тутъ у него строго соблюдается правило—что собакъ нужно кормить хорошо, чтобы онѣ были сыты, не теряли силъ, не были бы падки на приманку злоумышленниковъ. Особенно нужно кормить ихъ на ночь *). Собакъ нужно

*) Одинъ изъ хозяевъ, сосѣдей Земли по кашарѣ, не держится этого правила, и у него недавно былъ такой случай. Однажды ночью, когда всѣ муж-

Digitized by Google

имѣть по возможности изъ одного гнѣзда, т. е. отъ одной матери и одного помета. Въ такомъ случаѣ онѣ бываютъ дружнѣе и злѣе. Собаки въ степномъ хозяйствѣ имѣютъ огромное значеніе, какъ самые надежные сторожа домовъ и стадъ, — и пусть не взыщетъ читатель, что мы остановимся нѣсколько на этихъ вѣрнѣйшихъ друзьяхъ человѣка.

Въ слободѣ у З. А. Земли всегда три цѣпныхъ собаки. Цѣпи ихъ свободно движутся по желѣзному пруту, и собаки бѣгаютъ вокругъ дома, такъ что постороннему человѣку нѣтъ никакой возможности проникнуть въ домъ безъ помощи провожатаго изъ домашнихъ. Чтобы пропустить кого-либо въ домъ нужно цѣпь одной изъ собакъ накинуть на особый крюкъ, вбитый въ столбъ. Сторожевыя собаки эти обнаруживаютъ замѣчательную смышленность. Если посторонній, хотя-бы даже и знакомый, часто бывающій въ домѣ человѣкъ, броситъ собакѣ кусокъ хлѣба, мяса или другаго какого бы то ни было лакомства,—она низачто не станетъ ѣсть, а отнесетъ въ сто-

---

чины были въ отлучкѣ, а дома оставались однѣ женщины, въ полночь всѣ въ домѣ были разбужены страшнымъ шумомъ на дворѣ и какими-то дикими звуками. Собаки выли и лаяли такимъ образомъ, словно ихъ держали и били немилосердно. Женщины, въ ужасѣ, вооружились чѣмъ попало и бросились къ выходной двери, открывавшейся внутрь, но снаружи около порога кто-то топтался и крѣпко держалъ дверь. Какъ ни старались женщины, но открыть дверь не могли. Такъ продолжалось до свѣта. Утромъ оказалось, что къ дверямъ былъ привязанъ задомъ, за хвостъ: большой быкъ и держалъ дверь, такъ что открыть ее не было возможности. Всѣ собаки были связаны попарно хвостами и перевѣшаны чрезъ заборъ. Къ столбамъ же забора, съ подвѣтренной стороны, было привязано нѣсколько пустыхъ открытыхъ бутылокъ, издававшихъ отъ бывшаго тогда сильнаго вѣтра дикій свистъ и гулъ. Стѣна въ базу была разобрана (дверь была на крѣпкомъ запорѣ) и скотъ угнанъ. Все это сдѣлали воры, накормивъ предварительно собакъ пойломъ изъ отвара дурмана и особой, наводящей сонъ, травы.

Digitized by Google

рону и положитъ: лакомство лежитъ нетронутымъ цѣлыя недѣли, пока не сгніетъ.

На ближайшей кашарѣ у Земли около двухъ десятковъ старыхъ собакъ и молодыхъ подростковъ. Изъ нихъ особенно выдѣляются пять собакъ: Мордастый, извѣстный болѣе подъ кличкою Стараго, и четыре молодыхъ кобеля: Догоняй, Хватай, Держи и Валяй. Старикъ Мордастый уже почти не работаетъ — не принимаетъ участія ни въ дневномъ, ни въ ночномъ караулѣ при ватагѣ, ни въ жаркихъ схваткахъ съ часто навѣдывающимися хищниками. Это—заслуженный инвалидъ, почивающій на лаврахъ. Было время, когда онъ отличался подвигами и неусыпными трудами; теперь онъ пользуется заслуженнымъ почетомъ и ничего не дѣлаетъ. Но за то четыре названныхъ кобеля—замѣчательные удальцы. Зимой ли— на снѣгу и холодѣ, лѣтомъ ли — на ночлегахъ среди степи, они размѣщаются, по указанію чабана, со всѣхъ четырехъ сторонъ ватаги, всю ночь не сходятъ съ мѣста,—и можно быть спокойнымъ за овецъ. Собаки эти, происходя изъ одного гнѣзда, довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга и характеромъ, и наружностью. Догоняй и Хватай—красивыя, высокія, стройныя, но не далекія умомъ, нѣсколько легкомысленныя собаки; Держи и Валяй—толсты, неуклюжи, но чрезвычайно смышлены и тактичны, стойки и тверды характеромъ. Ни одинъ самый опытный и сильный волкъ не можетъ устоять противъ нихъ. Заслышавъ волка, онѣ издаютъ какое-то особенное рычанье, съ глухимъ лаемъ и визгомъ; волкъ робѣетъ, бросается на утекъ безъ оглядки. Собаки аравой за нимъ. При этомъ стереотипно повторяется всегда одно и то же. Впереди всѣхъ летитъ Догоняй, оставляя всѣхъ своихъ собратьевъ далеко позади. Настигнувъ

Digitized by Google

волка, онъ не хватаетъ его, а только забѣгаетъ то съ одной стороны, то съ другой стороны. Волкъ на каждомъ шагу останавливается, оборачивается, скалитъ зубы, щелкаетъ ими. Этимъ маневромъ Догоняй достигаетъ весьма важной цѣли—задерживаетъ звѣря до приближенія другихъ собакъ. Вотъ приближается Хватай; онъ смѣло схватываетъ волка сзади и отскакиваетъ, увертываясь отъ его зубовъ. Волкъ продолжаетъ все-таки бѣжать, лишь повременамъ останавливаясь, чтобы отгрызться. Но когда приближается Держи, волку уже нѣтъ хода. Послѣдній и Хватай берутъ волка то съ одной, то съ другой стороны, такъ что онъ только поворачивается на мѣстѣ изъ стороны въ сторону. Наконецъ достигаетъ Валяй; а у него одна манера: бросается на волка сзади, вспрыгиваетъ на него и всею своею пастью схватываетъ его за горло, ближе къ челюстямъ. Этимъ онъ разомъ обезоруживаетъ волка и не бросаетъ его, не разжимаетъ пасти, пока врагъ сохраняетъ хоть малѣйшіе признаки жизни. Старый и сильный волкъ барахтается, тащитъ его за собой, крутится, валяется клубомъ вмѣстѣ съ нимъ; но Валяй точно приросъ къ нему. Другія собаки также не остаются въ это время безъ дѣла: онѣ впиваются въ волка кто какъ можетъ, грызутъ ему лапы, тянутъ въ разныя стороны. Главнымъ операторомъ въ этомъ случаѣ является расторопный Держи: онъ хватаетъ волка зубами за такія мѣста, что у него разомъ захватываетъ духъ. Когда волкъ уже не обнаруживаетъ признаковъ жизни,—собаки бросаютъ его; если не приходитъ хозяинъ,—онѣ ложатся кругомъ и сторожатъ звѣря. Черезъ нѣкоторое время, волкъ начинаетъ пырскать и двигать ногами. Собаки спокойно наблюдаютъ за нимъ; но если онъ, очнувшись, поднимаетъ голову,—онѣ моментально вскакиваютъ и на-

Digitized by Google

чинаютъ опять рвать и душить его, пока онъ не потеряетъ способности къ движенію.

Волки въ этой мѣстности чрезвычайно сильны,—валяютъ одинъ-на-одинъ самыхъ большихъ быковъ и жеребцовъ; живучесть же ихъ просто изумительна. Израань волка, убей его, изломай ему кости, а онъ всетаки оживетъ и уйдетъ, если не перебьешь ему всѣ четыре ноги или не отрубишь голову прочь. На кашарѣ Земли былъ такой случай. Распластали собаки волка недалеко отъ двора. Чабанъ зацѣпилъ его кирлыгой за ногу и притащилъ къ землянкѣ. Тутъ онъ добилъ его топоромъ и перебилъ ему всѣ ноги. Но такъ какъ драть его было ему некогда, то онъ и оставилъ его среди двора на нѣкоторое время. Болѣе нежели черезъ сутки одна изъ молодыхъ собакъ подбѣжала къ волку и стала обнюхивать его голову. Тотъ сверкнулъ глазами и всею своею пастью схватилъ ее за морду. Щенокъ страшно кричалъ, вылъ и тащилъ волка за собой, но вырваться не могъ. Пришлось чабану снова добивать волка и желѣзнымъ прутомъ разжимать ему стиснутые зубы, чтобы высвободить собаку. Чтобы прикончить волка нужно бить его, обухомъ топора или дубиной въ самую середину лба или по небольшой шишкѣ, которая у него на затылкѣ. Это настолько, сравнительно, чувствительныя мѣста, что достаточно иногда бываетъ одного удара.

Волки здѣсь—самый ужасный бичь для хозяевъ-скотоводовъ. Смѣлости и хитрости ихъ нельзя не удивляться. Они врываются въ овчарни и закуты, прогрызая стѣны или проламывая крышу; удивительно ловко подкрадываются къ ватагамъ въ степи ночью и днемъ, высматривая, подползая на брюхѣ, выбирая подвѣтренную сторону, чтобы ихъ не учуяли собаки. Подкравшись, они ловко

Digitized by Google

хватаютъ по овцѣ, взбрасываютъ ихъ себѣ на спину, держа за шею зубами, и быстро уносятъ, уходя иногда отъ нѣсколькихъ чабановъ съ ружьями и цѣлой стаей собакъ. Есть между волками изумительные молодцы. Кровожадность ихъ проявляется иногда въ ужаснѣйшихъ размѣрахъ. Нѣсколько волковъ, подхвативъ ватагу ночью или отбивъ часть ея, гонятъ въ степь и на бѣгу бьютъ овецъ, пока не останется ни одной. Въ это время они обыкновенно хватаютъ овецъ за горло, подбрасываютъ въ воздухъ и съ размаху ударяютъ о землю, перерѣзая въ то же время зубами горло. Степь на много верстъ покрываются дорогою овечьихъ труповъ; съѣдятъ же жадные звѣри только трехъ, четырехъ овецъ. Нерѣдко хозяинъ, вставши утромъ, находитъ овчарню свою подкопанною или прогрызенною, а изъ овецъ одну, двѣ съѣденными, а всѣхъ остальныхъ побитыми и порѣзанными. Лѣтомъ волки рѣдко приближаются къ людскому жилью. Они рыскаютъ по глухимъ степямъ и находятъ себѣ обильную пищу. Въ это время они кормятся молодыми сайгаками (дикими козами), зайцами, сусликами, мышами и проч. Съ наступленіемъ же осени имъ не такъ уже привольно; они становятся болѣе дерзкими, ближе подходятъ къ жилью. Ктому же и ночи въ это время становятся длиннѣе и темнѣе. Тутъ мѣстные жители принимаютъ всѣ мѣры для защиты отъ волковъ: обтягиваютъ веревками базы, обставляютъ ихъ высокимъ, колючимъ терновникомъ, такъ чтобы волкъ не могъ перепрыгнуть черезъ изгородь; ставятъ по сараямъ и закутамъ пугала, напоминающія нѣсколько человѣка; вѣшаютъ косы на высокихъ шестахъ такъ, чтобы онѣ качались отъ вѣтра и лязгали, ударяясь другъ о друга. Кромѣ того, по нѣ-

Digitized by Google

скольку разъ въ ночь выходятъ на базы, тютюкають, свищутъ, стрѣляютъ изъ ружей.

Для борьбы съ волками у Захара Авраамовича Земли выработаны особыя правила. На его взглядъ, если двѣ, три дружныя собаки бросились на волка, сцѣпились съ нимъ, то ему ужъ не сдобровать, если только хозяинъ не вмѣшается въ драку.

Послѣдній можетъ испортить все дѣло, если начнетъ помогать собакамъ и бить волка. Дѣло хозяина въ это время поощрять и ободрять сабакъ криками: „держи, бери, рви, не поддавайся!“ Конечно, въ рукахъ нужно имѣть при этомъ ружье или хорошую дубину, нужно въ оба смотрѣть по сторонамъ—не подбирается ли другой волкъ на выручку товарища. Волки рѣдко ходятъ воровать въ-одиночку, а больше вдвоемъ, втроемъ. Когда одинъ изъ нихъ схватывается съ собаками, другой подбѣгаетъ, бросается на собакъ, отбиваетъ товарища,—и оба уходятъ.

Ежегодно десятокъ и болѣе разъ Захару Авраамовичу приходится имѣть съ волками самыя жаркія дѣла. Вотъ, напримѣръ, ватага его остановилась на ночлегъ въ степи, на глубокомъ снѣгу. Чабаны поставили рѣшетки, прикрѣпивъ ихъ къ кольямъ, которые вбили, провернувъ мерзлую землю большимъ буравомъ, и сдѣлали затинъ изъ пологовъ, потому что былъ большой вѣтеръ и безъ затина нельзя было удержать овецъ на мѣстѣ. Тутъ же была арба съ парою воловъ и наскоро поставленный на расчищенномъ отъ снѣга мѣстѣ джюлунъ (войлочный шалашъ). Пастухи (при большой ватагѣ ихъ трое, четверо) обложили въ затишкѣ овецъ, указали собакамъ мѣста кругомъ ватаги, подостлавъ каждой изъ нихъ соломы, а сами расположились въ джю-

Digitized by Google

лунѣ, завѣсивъ входъ въ него войлокомъ и обложивъ соломой ту сторону, которая приходилась на вѣтеръ. Въ полночь старшій чабанъ то и дѣло выглядывалъ изъ джюлуна, чтобы удостовѣриться—благополучны ли овцы. Вдругъ онъ замѣтилъ въ ватагѣ три пустыя, чернѣющія овечьи тырла (когда овца ляжетъ на снѣгъ, то онъ подъ нею растаетъ до земли и образуется такимъ образомъ тырло). Чабанъ мигомъ понялъ въ чемъ дѣло, такъ какъ зимою овца, пригрѣвшись на ночлегѣ, никогда не встанетъ. Дѣло было такъ. Собаки крѣпко уснули послѣ дневнаго утомленія. Волкъ, подкравшись къ ватагѣ, взялъ тихонько одну изъ овецъ, зарѣзалъ ее тутъ-же и, оттащивъ на нѣкоторое разстояніе, началъ потрошить. Другія двѣ овцы, лежавшія по близости, встали съ мѣстъ и прилегли поближе къ сосѣднимъ овцамъ. Такъ образовались три тырла. Вся же ватага крѣпко спала и не тронулась. Пастухъ гикнулъ страшнымъ голосомъ, ватага встрепенулась, собаки загудѣли со всѣхъ сторонъ и, какъ по сигналу, бросились за хищникомъ въ-догонку, мигомъ догнали его и въ нѣсколько минутъ покончили съ нимъ.

Самъ лично Земля немало перевелъ въ свою жизнь волковъ. Много разъ, въ борьбѣ съ ними, жизнь его, какъ говорится, висѣла на волоскѣ. Такъ, напримѣръ, съ нимъ былъ такой случай. Въ степныхъ мѣстахъ начальство часто назначаетъ дни, когда всѣ обязаны выѣзжать бить и гнать волковъ. Объ этомъ разсылаются предписанія, и—повсемѣстно происходитъ противъ волковъ чуть не поголовный походъ. Во время одной такой гоньбы, въ большой лѣсистый буеракъ было загнано нѣсколько волковъ. Крестьяне оцѣпили буеракъ, волкамъ приходилось плохо, они метались по буераку какъ бѣ-

Digitized by Google

шеные, готовые защищаться до послѣдней крайности. Земля участвовалъ въ облавѣ съ ружьемъ въ рукахъ; при немъ былъ Мордастый, тогда еще статный, сильный песъ, съ лоснящеюся шерстью и живыми, бойкими глазами. Хозяинъ и собака стояли на одной изъ тропинокъ буерака и ждали не побѣжитъ ли на нихъ какой изъ загнанныхъ и разсвирѣпѣвшихъ звѣрей. Мордастый отбѣжалъ куда-то въ сторону, за кусты мелкаго лѣса и терна. Въ это время на старика набѣжалъ изъ буерака большой волкъ. Тотъ выстрѣлилъ и хотя не промахнулся, но волкъ съ разинутою пастью бросился на него. Не успѣлъ старикъ опомниться, какъ звѣрь, ставъ на заднія лапы и упершись передними ему въ грудь, схватилъ его за горло. Къ счастію, у старика на шеѣ былъ намотанъ сначала шарфъ, а потомъ башлыкъ. Волкъ, какъ ножемъ, перерѣзалъ зубами шарфъ и башлыкъ, на шеѣ же старика только оцарапалъ кожу. Старикъ попятился отъ волка назадъ, но зацѣпился за пень и упалъ навзничь. Волъ уже насѣлъ на него и старикъ неминуемо погибъ бы, еслибы не прибѣжалъ во время Мордастый. Собака схватила волка за шею и мигомъ стащила его съ хозяина, который, вскочивъ на ноги, первымъ дѣломъ переломилъ волку обѣ заднія ноги, а затѣмъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и вонзилъ его волку въ подреберье. Такъ окончилась эта рискованная борьба.

Всю жизнь Земля провелъ лицомъ къ лицу съ природой и замѣчательно тонко изучилъ естественныя явленія степной жизни, какъ свои пять пальцевъ. Нѣкоторые калмыцкіе ученые — бакши и философы-ламаисты, аскеты, углубленные въ самихъ себя и въ свои тибетскія книги, весьма удачно предугадываютъ, что должно быть въ природѣ въ недалекомъ будущемъ; но, не зная

Digitized by Google

тибетскаго языка, отъ нихъ трудно добиться толку, такъ какъ эти калмыцкіе монахи хорошо знаютъ только тибетскій языкъ книжный, по калмыцки же говорятъ плохо, а по русски вовсе не умѣютъ говорить. Къ нимъ часто издалека пріѣзжаютъ калмыки узнать—тяжелая или легкая будетъ зима, ранняя или поздняя весна, каковъ будетъ урожай, не нужно-ли опасаться лѣтомъ засухи, скотскаго падежа и т. д. Вообще люди пожилые, много поработавшіе на своемъ вѣку, довольно недурно предугадываютъ перемѣны погоды то по состоянію собственнаго здоровья, то по разнымъ внѣшнимъ признакамъ. Но особенно удачно дѣлаетъ это Земля. У него безчисленное множество всевозможныхъ примѣтъ, какъ-то: полетъ и крикъ птицъ, визгъ свиней, захожденіе и восхожденіе солнца, несвоевременный крикъ пѣтуха и т. под. Если, напримѣръ, муравьи прячутся въ гнѣзда — это предвѣщаетъ грозу или сильный дождь. Если кошка прячется въ печь—холодно будетъ. Если осенью особенно много въ степи паутины и она длинными, бѣлыми нитями носится въ воздухѣ, повисаетъ и мотается на травѣ, бурьянѣ и кустарникѣ, а также если во время рождественскихъ святокъ туманъ и ложится иней на траву и деревья, то это предвѣщаетъ обильный урожай хлѣба и травы въ будущемъ году. Если на Срѣтеніе Господне вѣтеръ съ западной стороны, съ кровли отъ тающаго снѣга капаетъ, курица напьется возлѣ порога, то это означаетъ, что остатокъ зимы будетъ теплый и весна ранняя; восточный-же вѣтеръ считается признакомъ теплой весны. Дудаки (дрохвы) обыкновенно зимуютъ здѣсь; но если они улетаютъ на зиму, если у зайцевъ осенью много жиру, у козъ и песцовъ много пуху, на овцахъ отрастаетъ особенно волнистая шерсть, то это предвѣщаетъ

Digitized by Google

тяжелую, холодную и продолжительную зиму. Гнѣзда полевой мыши и логовище ежа также считаются признаками относительно качествъ зимы. Мышь чрезвычайно искусно устраиваетъ себѣ на зиму уютное и теплое помѣщеніе изъ сухой шелковистой травы съ примѣсью съ внутренней стороны шерсти и мелкихъ перьевъ. Дѣлаетъ она его на бурьянѣ или густой травѣ, собравъ траву вмѣстѣ пучкомъ. Если зима будетъ легкая и снѣгу мало,—мышь дѣлаетъ осенью гнѣзда на травѣ вершка на два, на три отъ земли, если-же предстоитъ тяжелая зима и глубокій снѣгъ,—она выбираетъ высокій бурьянъ и дѣлаетъ гнѣзда на высотѣ аршина и болѣе. Ежъ устраиваетъ логовище изъ того же матеріала, гдѣ-нибудь сбоку небольшаго кургана, бугорка или просто на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ бы его не могла въ оттепель залить вода. Если входъ въ логовище ежа съ сѣвера или востока, то это значитъ, что зимой будутъ дуть вѣтры южный и западный,—зима будетъ легкая, теплая; если-же входъ съ юга или запада, то зимой нужно ожидать вѣтровъ восточнаго и сѣверпаго, т. е. иначе—тяжелой, лютой зимы.

Земля глубоко набоженъ. Безъ молитвы онъ ни къ чему не приступаетъ; крестьяне увѣрены даже, что молитва его имѣетъ какую-то особенную силу. Поэтому каждый изъ мѣстныхъ жителей старается пригласить его на панихиду, поминальную службу по умершимъ родителямъ, на домашній молебенъ по какому-нибудь случаю и проч.; между прочимъ, его приглашаютъ иногда заговорить у какого-иибудь домашняго животнаго червей. Въ лѣтнюю пору черви часто насмерть заѣдаютъ здѣсь раненыхъ какъ нибудь животныхъ и противъ нихъ иногда ничего не подѣлаешь. Приглашенный въ каче-

Digitized by Google

ствѣ лекаря, Захаръ Авраамовичъ снимаетъ шапку, крестится, читаетъ „Отче нашъ“, молитву Пресвятой Троицѣ и нѣкоторыя другія; потомъ опытной рукою подавитъ рану—и черви начинаютъ выпадать изъ нея. Послѣ этого онъ велитъ мазать больное мѣсто дегтемъ, смѣшаннымъ съ купоросомъ и скипидаромъ, чтобы не завелись новые черви.

На югѣ первый выгонъ скота весной на пастьбу является до нѣкоторой степени событіемъ. По этому поводу служатъ молебны, кропятъ скотину святой водой; когда же стадо выйдетъ совсѣмъ на пастьбище, то знающіе люди читаютъ „оберегательную“ и „заговорную“ для скота молитву, обходя стадо три раза кругомъ. Сосѣдніе крестьяне всегда приглашаютъ въ этомъ случаѣ Захара Авраамовича прочитать „оберегъ“ и „заговоръ“. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ „оберегъ“ и „заговоръ“:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Благослови, Господи! Будьте слова мои крѣпки небомъ и землею, именемъ Господнимъ, который сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, птицъ и звѣрей, всякихъ малыхъ животовъ и крестьянскихъ скотовъ: красныхъ, черныхъ, бѣлыхъ, комоловыхъ, рогатыхъ, одношерстныхъ, двушерстныхъ, разношерстныхъ, съ разными копытами, на плодъ и на животъ, на слученіе, на сохраненіе, на мѣсто, на прихожденіе къ двору, на здравіе, на легкость, на оборону отъ чернаго, бураго и сѣраго дикаго звѣря, отъ широколапаго медвѣдя, отъ волка рыскучаго и отъ гада ползучаго, отъ нашлаго и насланнаго, отъ насилочнаго пакостника, отъ всякаго злаго человѣка-порченика, пыточника и лихаго супостата, отъ уроку и отъ призору-притчи, отъ повѣтрія, отъ падежа и отъ пострѣла, отъ встрѣчающаго и настигающаго, видящаго со стороны и

Digitized by Google

мимо идущаго, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и вѣдуньи. И кто на этотъ скотъ нашъ, крестьянскій животъ: коровъ, быковъ, нетелей и малыхъ подтелковъ, комлатыхъ, рогатыхъ, кладеныхъ и некладеныхъ, доморощенныхъ и вновь приведенныхъ, думою подумаетъ и мыслію помыслитъ портить во-очи или по-за-очи, за столомъ сидючи или на встрѣчу ѣдучи, вблизи или издалека, изъ дома, изъ-за угла, или изъ за деревъ и камня смотрючи, или межъ людьми стоючи, то тому бы дѣтей своихъ и никого изъ родныхъ не видать, изъ океана-моря воду вышивать, горючь синій камень, который не крошется, не колется, не разгинается, глодать и всѣми тремя человѣческими тосками тосковать: первая тоска — хлѣба неѣда, вторая тоска — работа не мила, третья тоска—лютая змѣя на сердцѣ залегла, и сномъ бы ему не отоспаться, ѣдой не отъѣсться и питьемъ не отпиться".

Захаръ Авраамовичъ нечуждъ суевѣрій. Онъ вѣритъ въ колдуновъ, во многихъ случаяхъ обращается къ знахарямъ; боится закрутокъ на травѣ и на хлѣбѣ въ полѣ, дѣлаемыхъ „вѣдунами" съ цѣлію порчи; носитъ на себѣ множество знахарскихъ охранныхъ узловъ съ заговорами; въ болѣзняхъ лечится у шептухъ и кутырницъ, лекарокъ-старухъ, которыя нашептываютъ и наговариваютъ лекарства на квасѣ, на водѣ изъ непочатой посуды и взятой безъ оглядки въ тихомъ мѣстѣ рѣки, на водкѣ. Онѣ шепчутъ въ кувшинъ или въ бутылку; подуютъ туда, плюнутъ въ сторону—и лекарство готово. Отъ многихъ болѣзней онѣ лечатъ накидываніемъ на животъ махотки (горшка), что причиняетъ ужасную боль: рветъ, отдираетъ отъ своихъ мѣстъ внутренности. Кутырница, накинувъ больному на животъ махотку, положитъ его

Digitized by Google

внизъ лицомъ, рѣжетъ ему бритвой, вмѣсто ланцета, спину, поминутно спрашивая: „живъ ты или умеръ?“

З. А. Земля, только тогда вполнѣ сознавалъ себя и свои стремленія, весь, такъ сказать, пошелъ въ ходъ, когда сошелся съ Волгой. Отличаясь другъ отъ друга по умственному развитію и стоя на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, они, тѣмъ не менѣе, сошлись на пріязнь, дружбу, безусловное довѣріе другъ къ другу,— и дружно работаютъ во имя одной и той-же цѣли. Но, пока Захаръ Авраамовичъ не попалъ на эту цѣль, значительный его денежный капиталъ, нажитый имъ и его семьей еще много десятковъ лѣтъ тому назадъ, оставался втунѣ.

Смолоду З. А. Земля былъ крѣпостнымъ. За какія-то особенныя услуги передъ бариномъ, онъ, болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, со всѣмъ своимъ семействомъ былъ отпущенъ на волю. Въ то время степи здѣсь были,— какъ говорятъ калмыки,—„землей безъ господина“. Онъ поселился на широкомъ привольѣ, занявъ, по праву перваго захвата, столько земельныхъ угодій, сколько пожелалъ, и зажилъ съ своею семьей въ довольствѣ и всякомъ изобиліи. То было еще старинное, непромышленное время. Продукты сельской производительности тогда еще не шли заграницу. Поэтому большой быкъ стоилъ пять копѣекъ мѣдью, четверть овса—полторы коп. серебромъ и ведро водки—буквально грошъ *). Въ то время русскому земледѣльцу и сельскому хозяину невозможно было обращаться въ промышленника и наживать капиталъ; онъ производилъ продукты почти только для себя, но за-то былъ сытъ, жилъ въ довольствѣ. Таково было

*) Цѣны приведены со словъ З. А. Земли.

Digitized by Google

положеніе сельско-хозяйственныхъ дѣлъ. Но вотъ, по ходатайству русскаго Императорскаго вольно-экономическаго Общества, разрѣшенъ былъ свободный пропускъ хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ заграницу, и полились за море изъ Россіи пшеница, рожь, масло, сало, повалили туда кожи, шерсть, пухъ, щетина и проч. Это было своего рода эпохою въ жизни русскихъ сельскихъ хозяевъ. Они встрепенулись. Цѣны на продукты разомъ страшно поднялись: рожь и овесъ стали продаваться по 2 руб. за четверть, быкъ—по 30—40 руб.

З. А. Земля въ это время былъ уже человѣкъ многосемейный, жилъ пятью хуторами, какъ и теперь, работа вездѣ кипѣла у него, и онъ протиралъ себѣ глаза отъ удивленія, ахалъ и не зналъ, куда дѣвать деньги. Деньги рѣкой лились къ нему сами собой. Онъ не выгонялъ рогатаго скота и овецъ на ярмарку, не вывозилъ на рынокъ хлѣба, но купцы сами пріѣзжали къ нему,—наперебой другъ передъ другомъ привозили цѣлые мѣшки золота и серебра. Тогда въ этой мѣстности совсѣмъ не было еще бумажныхъ денегъ, а ходила только звонкая монета: народъ просто не вѣрилъ бумажкамъ и не принималъ ихъ; о банкахъ и сберегательныхъ кассахъ въ ту пору здѣсь никто и понятія не имѣлъ, да ихъ и не было въ этой мѣстности. Захаръ Авраамовичъ сначала велѣлъ женѣ своей заматывать въ клубки шерсти и пеньки золото въ червонцахъ и вѣшать эти клубки (иногда съ рѣшето величиной) на полатяхъ, подъ крышей, на чердакѣ дома и въ другихъ мѣстахъ; потомъ клалъ золото въ чулки, сумки, гаманы и запиралъ въ сундукъ; серебро же и мѣдь просто сыпалъ въ сундуки. Чрезъ нѣсколько лѣтъ денегъ у него накопилось столько, что негдѣ уже было хранить, и онъ порѣшилъ, наконецъ, не

Digitized by Google

держать ихъ при себѣ, а раздѣлить поровну между тремя сыновьями и двумя зятьями. Какъ-то во время рождественскихъ святокъ онъ собралъ всѣхъ ихъ и произвелъ дѣлежъ. Золото дѣлили счетомъ, высыпая червонцы кучами на столъ; серебро же и мѣдь просто мѣрили хлѣбною мѣрою, нагребая ее изъ сундуковъ. Съ этого времени раздѣлъ денегъ въ семьѣ производился каждый годъ въ назначенное время. Часть денегъ Захаръ Авраамовичъ бралъ на свою долю. Сыновья и зятья его берегли и прятали деньги разными манерами, какъ кто могъ придумать. Они сыпали ихъ въ закрома съ хлѣбомъ, клали въ горшки и закапывали въ разныхъ мѣстахъ въ землю; затыкали въ соломенныя и камышевыя крыши домовъ и сараевъ; секретно отъ другихъ домашнихъ долбили и сверлили сохи, лѣстницы и бревна, валявшіяся на дворѣ, клали туда деньги и забивали; запихивали ихъ въ бараньи и бычачьи рога и бросали валяться ихъ среди двора какъ ни въ чемъ не бывало. У инаго гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ валялась десятки лѣтъ цѣлая куча ни на что и никому не нужныхъ бараньихъ и козьихъ роговъ—и никто не могъ догадаться, что они скрываютъ въ себѣ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ мѣръ храненія денегъ—послѣдняя, пожалуй, надежнѣе другихъ. Деньги же, засыпанныя въ закрома вмѣстѣ съ зерномъ, часто, по забывчивости, продавались купцамъ на мѣру вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Закопанныя въ землю деньги терялись, когда хозяинъ забывалъ (что очень часто случалось), гдѣ именно закопалъ ихъ, или ихъ выкапывали посторонніе, кто-нибудь изъ работниковъ, такъ или иначе знавшихъ о зарываніи денегъ. Въ крышахъ домовъ и сараевъ деньги еще чаще терялись. Въ бревнахъ и со-

Digitized by Google

хахъ онѣ обнаруживались вслѣдствіе гніенія дерева, а во время пожара обращались въ слитки.

Словомъ, вопросъ о сохраненіи денегъ причинялъ много хлопотъ и горя; бѣдные степняки положительно не знали, что дѣлать съ деньгами. Прохоръ Сидоровичъ, старшій зять Земли, попробовалъ было отдавать ихъ взаймы изъ процентовъ, но тоже закаялся и дѣтямъ заказалъ. Однажды какой-то купецъ, арендаторъ-посѣвщикъ, занялъ у него тысячу рублей и тутъ-же отдалъ ему 100 руб. процентовъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ возвратилъ 1.000 р. и привезъ подарки: Прохору Сидоровичу—халатъ, а женѣ его—платокъ. При этомъ попросилъ взаймы 5,000 руб. Простакъ, задобренный подарками, не отказалъ въ займѣ, за что купецъ тутъ-же отсчиталъ ему 500 р. процентовъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ привезъ не только 5,000 руб., но и подарки: самому—высокую мѣховую шапку, какія нашивали встарину бояре (купецъ нарочно сшилъ ее, назаказъ), а женѣ его—шелковое платье; но просилъ еще на нѣкоторое время дать ему 5.000 р. Прохоръ Сидоровичъ, растроганный подарками, говоритъ: „Да у меня на этотъ разъ найдется и 25,000 руб.“—и отдалъ ихъ купцу. Послѣдній, получивъ 25 тыс. рублей, болѣе уже не являлся—и деньги пропали, такъ какъ у него самого не было ничего, а все имѣніе переведено на жену. Такъ бились и горевали съ деньгами степняки-простаки, пока З. А. Земля не узналъ о дѣятельности П. И. Волги, не познакомился съ нимъ и не увлекся его примѣромъ. Тутъ онъ собралъ отъ своихъ дѣтей всѣ непроизводительно хранившіяся у нихъ деньги, выгребъ ихъ изъ закромовъ, вытащилъ изъ бараньихъ роговъ, бревенъ и стрехъ, выкопалъ изъ земли, обратилъ ихъ въ производительную силу и богатырскимъ размахомъ пустилъ ихъ въ дѣло!...

Digitized by Google

Конечно, П. И. Волга не добивался компаніи Земли. Онъ самъ былъ уже въ это время мильонеръ и дѣла его разрастались съ поразительною быстротою. З. А. Земля присоединился къ Волгѣ не только неожиданно для послѣдняго, но даже и для самаго себя. Денегъ у него оказалось на первыхъ порахъ болѣе мильона. Теперь же въ заведенныхъ имъ пополамъ съ Волгой дѣлахъ (закупленныхъ земляхъ, постройкахъ, складахъ шерсти, ссыпкѣ хлѣба и соли, паровой мукомольной мельницѣ, салотопенномъ заводѣ и проч.) капиталъ его можно считать до семи мильоновъ.

Digitized by Google

V

СОФРОНЪ ХМАРА И ИГНАТЪ КОВЫЛА.

Оба названныя лица—крестьяне, притомъ замѣчательнѣйшіе феномены.

Софронъ Хмара—слѣпой съ десятилѣтняго возраста (отъ оспы), но это не мѣшаетъ ему быть искуснѣйшимъ мастеромъ—плотникомъ, портнымъ, пасѣчникомъ и ночнымъ сторожемъ. Игнатъ Ковыла—нѣмой и глухой отъ рожденія, а между тѣмъ незамѣнимый чабанъ. Оба они—замѣчательно энергичные люди, да притомъ еще съ выдающимися способностями.

Хмара прекрасно дѣлаетъ арбы, повозки, сани, тарантасы, украшаетъ ихъ рѣзьбою, расписываетъ затѣйливыми узорами. Онъ же бываетъ за главнаго мастера при постройкѣ домовъ и, не смотря на слѣпоту, умѣетъ разобраться въ громаднѣйшихъ кучахъ лѣса, ощупавъ предварительно каждое бревно со всѣхъ сторонъ. Когда ему, напримѣръ, нужно перерубить или отрубить что-либо, то онъ отмѣряетъ аршиномъ какъ слѣдуетъ, потомъ кладетъ на бревно палецъ на отмѣченное мѣсто—и рубитъ со всего плеча вплоть до самаго пальца, не задѣвая послѣдняго топоромъ. Такъ-же онъ и тешетъ бревно. Въ ремеслѣ портнаго онъ не менѣе искусенъ. Снимаетъ съ заказчиковъ мѣрки, кроитъ, гладитъ—и не ошибается. Нитку

Digitized by Google

въ иголку вдѣваетъ при помощи языка, т. е. лизнувъ предварительно языкомъ ушко иглы. Никогда онъ не бываетъ безъ дѣла: то шьетъ, то смотритъ за пчелами, то плотничаетъ въ мастерской, то просто сторожитъ и наблюдаетъ—гдѣ что дѣлается. Для него день и ночь—все равно. Трудно узнать, когда онъ спитъ. Иногда думаешь, что онъ сидитъ задумавшись и соображаетъ что-либо, а онъ это спитъ глубокимъ сномъ; въ другое время видишь его лежащимъ плашмя на землѣ, думаешь, что онъ спитъ,—анъ нѣтъ: онъ бодрствуетъ и съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдаетъ, что дѣлается кругомъ его на землѣ.

Странныя, даже поразительныя свойства обнаруживаетъ этотъ слѣпецъ. Онъ верстъ на 5-ть кругомъ слободы въ точности знаетъ всѣ мѣста, ходитъ одинъ и никогда не заблудится; слышитъ же и чувствуетъ, во время своихъ наблюденій по-ночамъ, гдѣ что дѣлается, на невѣроятно большія разстоянія, какъ увѣряютъ, верстъ до 100 въ окрестности. Къ его ушамъ какъ-будто телефоны проведены по землѣ со всѣхъ сторонъ. Въ ночной тишинѣ, когда всѣ спятъ онъ выходитъ въ степь, на открытое мѣсто, и долгіе часы проводитъ въ глубокой задумчивости, наблюдая и чувствуя жизнь кругомъ себя до малѣйшихъ подробностей. Ходитъ Хмара по степи какъ зрячій. Онъ никогда не заблудится, такъ какъ во всякую минуту можетъ справиться, гдѣ какая страна свѣта. Ему стоитъ только—зимою ли, лѣтомъ ли—ощупать со всѣхъ сторонъ какое-нибудь маленькое деревцо, кустъ бурьяна или травяную былинку—и онъ безошибочно узнаетъ гдѣ сѣверъ, гдѣ югъ и другія страны свѣта. Во всѣхъ растеніяхъ сторона, расположенная на югъ, въ своихъ листьяхъ, вѣтвяхъ и самомъ стволѣ имѣетъ для Хмары

Digitized by Google

какія-то рѣзкія особенности, отличающія ее отъ стороны, расположенной на сѣверъ. Ощупавъ также курганъ, онъ узнаетъ страны свѣта, такъ-какъ у всѣхъ насыпныхъ кургановъ южная сторона отъ размывки дождями покатая, а сѣверная—крутая, обрывомъ. Кромѣ того, лѣтомъ южная сторона у кургана бываетъ теплая, а сѣверная—холодная; зимою же южная сторона совершенно безснѣжна или на ней таетъ снѣгъ, а на сѣверной онъ цѣлъ. Во время этихъ ночныхъ наблюденій, если что-либо привлекаетъ его особенное вниманіе, онъ падаетъ на землю, прикладываетъ ухо къ землѣ и долго прислушивается то однимъ, то другимъ ухомъ, пока съ изумительной точностью не разгадаетъ смысла того, что остановило на себѣ его вниманіе.

Софронъ, такъ-же какъ и З. А. Земля, отлично знаетъ всегда впередъ перемѣну погоды и всѣ явленія въ природѣ. У него только особыя примѣты. Для него міръ полонъ звуковъ и изъ однихъ ихъ только и существуетъ. Онъ каждую минуту слышитъ то, о чемъ другіе и не догадываются. По голосамъ и звукамъ въ природѣ онъ знаетъ, когда бываетъ утро и вечеръ, когда начинается и кончается заря и скоро-ли будетъ полночь. Онъ слышитъ, какъ идутъ и шумятъ по небу облака, какъ передъ бурей и грозой кричатъ подъ землей жабы,—жалобно, слабымъ голосомъ стонутъ онѣ, какъ-бы выговаривая: „пить! пи-ить!“ Все это слышитъ онъ, когда ты стоишь съ нимъ рядомъ и ничего не слышишь. Недалеко отъ поселка Школа, гдѣ живетъ Хмара, есть высокій бугоръ подъ названіемъ Арчакъ. Онъ названъ такъ потому, что оканчивается высокимъ обрывистымъ шпилемъ, край котораго выгнутъ наподобіе сѣдельнаго остова (арчака). Шпиль этотъ обладаетъ удивительнымъ свой-

Digitized by Google

ствомъ гудѣть передъ всякой перемѣной погоды, и поэтому служитъ для мѣстныхъ жителей какъ-бы барометромъ. Если не предстоитъ перемѣны погоды,—шпиль не шумитъ, даже и въ вѣтреную погоду; но въ виду перемѣны погоды онъ шумитъ даже и въ тихое, совершенно безвѣтренное время. Шумитъ онъ передъ вѣтромъ, оттепелью, мятелью и дождемъ. Хмара хорошо понимаетъ музыку этого бугра; для него въ точности ясно, что должно произойти, когда онъ загудѣлъ тѣмъ или другимъ тономъ. Съ нимъ говоритъ на своемъ особенномъ языкѣ не только этотъ шпиль, но даже всякій небольшой бугоръ и бугорокъ, курганъ и буеракъ. Онъ судитъ по шуму и свисту вѣтра на нихъ, по гулу, который отдается внутри ихъ, по эху, которое тѣмъ или другимъ голосомъ отдается по буеракамъ. И что только не понятно этому слѣпому, что не говоритъ съ нимъ на своемъ языкѣ, доступномъ лишь ему и совершенно непонятномъ для другихъ!...

Хмара, услышавши, напримѣръ, что-либо ночью или днемъ, чрезъ посредство земли, т. е. приложивши ухо къ землѣ, чрезвычайно удачно угадываетъ происшедшее даже на довольно значительномъ разстояніи, словно оно произошло передъ его глазами. Такъ онъ иногда скажетъ: „сегодня ночью въ табунѣ (гдѣ-нибудь за пять, шесть, десятокъ и болѣе верстъ) совы загнали и убили лошадь“; или: „сегодня совы гоняли лошадь, но она отбилась“. И дѣйствительно, въ первомъ случаѣ находятъ въ степи лошадь, загнанную и исклеванную совами; въ послѣднемъ же случаѣ въ табунѣ оказывается лошадь (обыкновенно изъ лучшихъ), изморенная, вся въ поту, иногда даже съ мертвою совою на спинѣ. Нужно замѣтить, что въ степяхъ совы, принося нѣкоторую

Digitized by Google

пользу въ хозяйствѣ истребленіемъ множества мышей и сусликовъ, причиняютъ также и страшный вредъ, истребляя не только куръ и индюшекъ, если онѣ садятся на ночлегъ на открытыхъ мѣстахъ, но даже и лошадей въ табунахъ. Обыкновенно эта птица выходитъ на охоту и дѣйствуетъ только ночью; днемъ же она скрывается гдѣ нибудь въ темномъ мѣстѣ: въ сыромъ холодномъ буеракѣ, навѣсистомъ подсолнечномъ яру, въ углубленіи стараго стога и т. д. Если случится ей остаться на день гдѣ-нибудь на солнечной сторонѣ косогора балки или подъ копной сѣна, то въ ясный день она почти ничего не видитъ, едва двигается, не можетъ летать и ее свободно берутъ руками. И эта-то хищная птица изловчается одолѣть такое большое и сильное животное, какъ лошадь. Она подлетаетъ ночью къ табуну, выбираетъ самую дикую и пугливую лошадь (т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ—непремѣнно и лучшую), садится ей сразмаху на спину, крѣпко впивается въ тѣло когтями, начинаетъ хлопать крыльями и щелкать клювомъ, вскрикивая: „гый, гый!“ Лошадь въ неописанномъ страхѣ сначала мечется по табуну, потомъ покидаетъ его и безъ памяти мчится по степи, пока не выбьется изъ силъ, не упадетъ въ изнеможеніи, не издохнетъ. Тогда начинается пиръ. Клевать загнанную лошадь слетается, точно по повѣсткѣ, нѣсколько совиныхъ семействъ. Замѣчено, что сова, во время борьбы съ лошадью, даже и управляетъ ею по произволу, какъ всадникъ. Она кружитъ ее на извѣстномъ пространствѣ и никогда не отпуститъ далеко отъ своего гнѣзда. Ударяя лошадь по мордѣ то однимъ, то другимъ крыломъ, она поворачиваетъ ее въ ту сторону, куда, по ея соображенію, нужно. Иногда лошадь, во время бѣга, случайно падаетъ черезъ голову и убиваетъ при этомъ

Digitized by Google

сидящаго на ней врага. Бываетъ и такъ, что, оправившись отъ страха, придя въ себя, лошадь догадывается убить сову, задѣвши ее мордой и зубами. Въ такомъ случаѣ она на другой день возвращается въ табунъ вся забитая, изморенная, съ мертвою совою на спинѣ. Ловко также управляется сова съ зайцами. Она садится зайцу на спину и глубоко вонзаетъ ему въ спину когти одной лапы. Заяцъ бросается бѣжать и мчитъ на себѣ своего врага, пока совершенно не выбьется изъ силъ. Тогда сова держась одною ногою за спину зайца, пальцами другой хватается за какой - нибудь кустарникъ или бурьянъ. Заяцъ прыгаетъ, бьется на мѣстѣ, пока окончательно не обезсилѣетъ и не упадетъ безъ движенія. Тогда сова спокойно, не торопясь заклевываетъ его. Случается, однако, и такъ, что совѣ тоже приходится плохо отъ зайца. Если заяцъ большой, сильный и сова слишкомъ поспѣшитъ задержать его на мѣстѣ, не дастъ ему достаточно умориться, то онъ разрываетъ ее на двое: одна нога ея остается зацѣпленною за кустъ, а другая въ спинѣ зайца. Охотникамъ въ степяхъ нерѣдко приходится убивать зайцевъ съ вросшею въ ихъ спину совиною ногою, когти которой задѣты за ребра.

Вотъ, для примѣра, одинъ изъ случаевъ, доказывающій способность Хмары по звукамъ, неуловимымъ для другихъ, составлять себѣ понятіе о томъ, что происходитъ на довольно далекомъ разстояніи. Однажды, во время своихъ ночныхъ наблюденій, онъ посредствомъ слуха узналъ о неблагополучіи въ табунѣ. Внимательно прислушавшись, онъ до мельчайшихъ подробностей разсказалъ все происходившее въ табунѣ. По его словамъ, на табунъ напали два волка; они долго безуспѣшно бились съ цѣлымъ косякомъ, потомъ отбѣжали отъ него,

Digitized by Google

выли, какъ-бы жалуясь на мученія голода и свою неудачу. Въ это время отъ косяка отбѣжалъ жеребецъ и скокомъ приблизился къ волкамъ, какъ-бы дразня ихъ и показывая имъ свою неустрашимость. Волки бросились за нимъ, долго метались съ нимъ по степи и, наконецъ, имъ удалось свалить его. Все это отъ-слова-до-слова подтвердилъ одинъ изъ пастуховъ, видѣвшій все происходившее.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что нападеніе волковъ на табунъ—въ высшей степени характерно. Иногда одинъ волкъ съ большимъ успѣхомъ борется съ цѣлымъ косякомъ лошадей. При появленіи врага, лошади обыкновенно сбѣгаются въ кучку. Жеребята и молодыя лошади забиваются въ середку, старыя же становятся задами наружу, а головами къ срединѣ кучки. Волкъ бѣгаетъ кругомъ, лошади визжатъ, бросаются задомъ; ему тутъ, конечно, нельзя бываетъ взять ни одной лошади, да и не въ этомъ цѣль его. Онъ старается только какъ можно больше тревожить лошадей и мять ихъ на одномъ мѣстѣ. Лошади въ это время давятъ, толкаютъ другъ друга и часто затаптываютъ молодыхъ жеребятъ, которые потомъ и дѣлаются добычею волка, когда онъ особеннымъ, ловкимъ манеромъ передвинетъ косякъ на другое мѣсто. Если въ косякѣ нѣтъ молодыхъ жеребятъ и намѣреніе поживиться задавленными подростками не удается, то онъ отбѣгаетъ въ сторону, садится и ждетъ. Жеребецъ чрезъ нѣкоторое время непремѣнно отдѣлится отъ косяка, станетъ ходить кругомъ и даже приближаться къ волку, какъ-бы бравируя и желая показать, что онъ ничего не боится. Волкъ тогда бросается на него и долго гоняется за нимъ кругомъ косяка. Онъ ничего въ этомъ случаѣ не можетъ сдѣлать жеребцу.

Digitized by Google

Но намѣреніе его—какъ можно больше утомить и взволновать лошадь. Достигнувъ этой цѣли, онъ начинаетъ грести лапами землю и пожирать ее большими комьями, вѣроятно, для того, чтобы стать тяжелымъ, грузнымъ. Послѣ этого, онъ бросается на жеребца и хватаетъ его за хвостъ, упираясь лапами въ землю съ такою силою, что лошадь на мгновеніе пріостанавливается. Послѣдняя усиленно подается впередъ, чтобы изловчиться и бросить задомъ, но волкъ моментально выпускаетъ въ это время хвостъ лошади изъ своей пасти—и жеребецъ летитъ черезъ голову. Въ то же мгновеніе волкъ перехватываетъ ему горло какъ ножемъ. Затѣмъ хищникъ изрыгаетъ проглоченную землю и принимается за добычу.

Хмара, какъ сказано, лишился зрѣнія лѣтъ 10-ти, во время болѣзни оспой. Онъ имѣлъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій голосъ и состоялъ въ домашнемъ хорѣ помѣщика сосѣдняго села (Хмара изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ), большаго любителя музыки и пѣнія... Голосъ его въ хорѣ такъ цѣнился что помѣщикъ каждый праздникъ посылалъ за нимъ тройку лошадей верстъ за 20-ть, гдѣ онъ жилъ съ родителями,—и крестьянскаго мальчика Хмара привозили каждый разъ къ обѣднѣ въ каретѣ, чтобы только слышать его дивный голосъ. Хмара и теперь поетъ, хотя рѣдко, да какъ поетъ!... Это — мука, тревога, чары, заливающія душу тоской и горемъ, исторгающія слезы. Слушать пѣсню Хмары можно только весной. Выйдетъ онъ въ школьный садикъ, сядетъ на скамейку и запоетъ: „Лучина, лучинушка, березовая“. Въ женской школѣ открываются окна—и видны заплаканныя личики дѣвочекъ. Или затянетъ, какъ пѣвали старинные русскіе пѣвцы, пѣсню „Высота-ли, высота поднебесная, глубота-ли, глубота

Digitized by Google

океанъ-море, широко раздолье по всей землѣ!...“ Неподражаемо выходятъ у него пѣсни изъ удалаго казачьяго быта, изображающія военную тревогу, битву. Тогда волнуется мужская школа, кипятъ будущіе атаманы и удалые молодцы, издаютъ одобрительные возгласы, аплодируютъ... „Не пыль куритъ,—поетъ иногда въ этомъ родѣ Хмара,—не туманъ въ полѣ стоитъ, то татары идутъ, траву-ковылу жгутъ. И не сѣрые гуси съ моря подымаются, не сизые орлы въ полѣ слетаются, то казаки сбѣгаются на батальицу. Они всю ночушку, други мои, не спали, во рукахъ борзыхъ коней продержали; на бѣлой-то зарѣ, на утренней, „ура“ закричали; закричали они, загичали, на ударъ пошли; они билися, рубилися день до вечеру, осеннюю ночушку до бѣлой зари. Атаманъ-то ихъ казачій впереди всѣхъ шелъ; онъ кричалъ своимъ громкимъ голосомъ:—ужь и стойте-жь вы, братцы мои, не робѣйте, государева свинцу-пороху не жалѣйте!...“

Не менѣе замѣчателенъ и глухо-нѣмой отъ рожденія чабанъ Игнатъ Ковыла. Это, прежде всего, большой силачъ. Если его собаки окружатъ волка и начнутъ съ нимъ грызться, то онъ бѣжитъ къ нимъ на помощь, хватаетъ волка, какъ крысу, за хвостъ, взмахиваетъ имъ въ воздухѣ и со всего плеча бьетъ о землю. Обыкновенно тутъ и капутъ волку. Игнатъ можетъ переносить на большое разстояніе разомъ по пяти большихъ овецъ. Беретъ онъ ихъ—одну на плечи, связавъ ей ноги, двухъ подъ мышки, какъ снопы носятъ, и двухъ захватываетъ за шерсть горстями своихъ рукъ. Какъ-бы въ возмѣщеніе глухоты и нѣмоты, природа наградила его изумительно сильнымъ зрѣніемъ и феноменальною, можно сказать, наблюдательностью. Если въ отношеніи кого-нибудь можетъ быть вѣрно выраженіе „видитъ насквозь“,

Digitized by Google

такъ это именно въ отношеніи Ковылы. Онъ, дѣйствительно, пронизываетъ взглядомъ. Достаточно окинуть ему бѣглымъ взглядомъ человѣка или животное, чтобы разгадать сокровенныя мысли и чувства, подмѣтить состояніе здоровья наблюдаемаго и т. д.

Въ табунахъ лошадей лѣтомъ, въ жаркое время, часто появляется страшная болѣзнь. Повидимому совершенно здоровая лошадь вдругъ начинаетъ метаться по табуну, бѣгаетъ какъ бѣшеная, наконецъ вовсе теряетъ память, мчится вонъ изъ табуна, словно слѣпая—натыкается на стѣны, на людей, попадаетъ въ ямы и колодцы, и такъ бѣжитъ до полной потери силъ, пока не упадетъ и не издохнетъ. Отъ этой болѣзни гибнетъ въ день по десятку и болѣе лошадей. Чтобы спасти лошадь, нужно при самомъ зарожденіи болѣзни пустить ей кровь; но когда начнутся уже приступы болѣзни—бѣшеную лошадь трудно поймать и еще труднѣе удержать. Ковыла, во время такой бѣды, рѣшительно незамѣнимъ, вслѣдствіе изумительной его наблюдательности. Онъ ѣздитъ по табуну, зорко наблюдаетъ и сторожитъ. Заподозрѣннымъ въ предрасположеніи къ болѣзни лошадямъ,—на простой взглядъ совершенно здоровымъ,—онъ накидываетъ арканъ, ножемъ рѣжетъ имъ скулы, храпъ, кожу подъ гривой, поретъ со всѣхъ сторонъ хвостъ и—улыбается глядя на сочащуюся изъ ранъ кровь. Поступая такимъ образомъ, онъ не даетъ погибнуть ни одной лошади. Нѣчто подобное бываетъ и съ овцами. Часто эти послѣднія, во время пастьбы, съ пучкомъ травы во рту вдругъ падаютъ и издыхаютъ. Но ничего подобнаго не можетъ случиться, если при ватагѣ Ковыла. Онъ, окинувъ взглядомъ ватагу, видитъ за полверсты каждую овцу, и вдругъ бѣжитъ къ иной, сломя голову, ловитъ ее, мнетъ ей

Digitized by Google

бока, поретъ хвостъ, рѣжетъ уши и пускаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Не сдѣлай этого Ковыла,—овца непремѣнно бы околѣла.

Игнату не нужны ни бинокли, ни зрительныя трубки. Онъ на цѣлые десятки верстъ (увѣряютъ—на сто верстъ кругомъ себя, если не болѣе) видитъ степь и все происходящее на ней съ полною ясностью и опредѣленностью. Онъ провелъ всю свою жизнь въ степи на открытыхъ равнинахъ, и зрѣніе его изощрено до такой степени, что онъ можетъ, кажется, видѣть бѣгающую въ полѣ мышь на такомъ разстояніи, на какомъ другіе не различаютъ всадника или пасущагося вола. Кромѣ того, онъ нѣсколько дней можетъ оставаться въ степи безъ пищи, довольствуясь степными травами и плодами, которые могутъ утолить голодъ и жажду и которые онъ изучилъ до тонкости. Топографія степей извѣстна ему въ совершенствѣ, и онъ во всякое время отыскиваетъ дорогу въ ней по курганамъ, балкамъ и звѣздамъ.

Недалеко отъ поселка Школы (*), въ сѣверную сторону отъ него тянется высокій гребень и на немъ два кургана. Одинъ изъ нихъ, съ ямой на вершинѣ, называется Разрытымъ, а другой — Кирпичнымъ, такъ какъ сверху-до-низу усѣянъ обломками кирпичей. Съ кургановъ открывается во всѣ стороны обширнѣйшій видъ, такъ что въ ясный день можно видѣть верстъ на сто, если не болѣе. Игнатъ Ковыла любитъ стоять на какомъ-либо изъ этихъ кургановъ и смотрѣть вдаль. И чего только не видитъ этотъ изумительно-наблюдательный че-

(*) Поселокъ Школа—мѣсто жительства П. И. Волги. Это цѣлый городъ въ степи, и притомъ весьма оригинальный, — городъ земледѣльческій, мануфактурно-промышленный и торговый.

Digitized by Google

ловѣкъ, чего не чувствуетъ онъ!... Лицо его то сіяетъ радостью, то хмурится, становится мрачнымъ. Иногда, взглянувъ вдаль, онъ приходитъ въ сильнѣйшее безпокойство, начинаетъ даже мычать и метаться по кургану; потомъ со всѣхъ ногъ бросается съ кургана, хватаетъ первую попавшуюся лошадь, вскакиваетъ на нее безъ узды и скрывается въ степи за бугромъ. Въ это время нѣмаго нельзя ни остановить, ни разспросить; съ кургана тоже никому ничего не видно. Впослѣдствіи оказывается, что онъ увидѣлъ гдѣ-нибудь въ степи, за нѣсколько десятковъ верстъ, какую нибудь бѣду: или волки напали на ватагу овецъ и бьютъ ихъ, или неопытный, молодой чабанъ загналъ ватагу на такое мѣсто въ степи, гдѣ овцы чуть не наполовину могутъ погибнуть. И вотъ онъ стремглавъ полетѣлъ на выручку любимыхъ существъ. Въ степи, нужно замѣтить, есть страшно ядовитая трава, извѣстная въ народѣ подъ именемъ веха. Она растетъ въ низинахъ, около буераковъ, вообще около воды и по займищамъ. Вехъ имѣетъ толстый желтый корень, растетъ высокимъ, пустымъ внутри стеблемъ, съ развѣтвленной во всѣ стороны верхушкой. Этимъ растеніемъ объѣдаются овцы, коровы и лошади. Особенно опасна она для овецъ. Онѣ жадно поѣдаютъ не только стебель, но даже и корень съ землею. Отъ этого ихъ страшно раздуваетъ, онѣ стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и издыхаютъ, стиснувъ зубы. Чтобы спасти въ такомъ случаѣ овецъ, нужно мять имъ бока, гонять, а въ ротъ вставляютъ рогульку, чтобы онъ былъ широко раскрытъ: тогда у овцы изо рта долго идетъ черный дымъ, и она выздоравливаетъ. Нѣмой хорошо все это умѣетъ дѣлать (кажется, это его изобрѣтеніе), и ему удавалось въ часъ времени спасать сотни овецъ. Лошади, объѣвшись этой

Digitized by Google

травы, дробятъ ногами, потомъ падаютъ и издыхаютъ. Ихъ можно спасать медомъ, послѣ пріема котораго у нихъ открывается поносъ.

Ковыла—величайшій мастеръ своего чабанскаго дѣла. Искусство пасти овецъ онъ довелъ, можно сказать, до идеала. Дурной пастухъ обыкновенно пасетъ овецъ какъ попало и гдѣ попало; Ковыла знаетъ — гдѣ въ какое время года ихъ пасти. У него овцы вдвое больше даютъ шерсти и жиру, чѣмъ у другихъ пастуховъ. Отдайте его ватагу, гдѣ каждая овца жирна, волниста, какъ копна (худыхъ у него не бываетъ),—и овцы немедленно обратятся въ поджарыхъ, голенастыхъ, будутъ давать шерсти вмѣсто 8—9 фунтовъ, не болѣе четырехъ. Дурной пастухъ ходитъ сзади овецъ, сидитъ или лежитъ гдѣ-нибудь и позволяетъ имъ бѣгать. Переднія овцы въ такомъ случаѣ бѣгутъ, срывая лучшую траву, а заднія даже уже и не ѣдятъ, а едва поспѣваютъ за передними. Поэтому въ ватагѣ бываетъ много худыхъ, постоянно голодныхъ овецъ. Когда такая ватага подходитъ вечеромъ къ ночлегу, то овцы орутъ благимъ матомъ, кричатъ голодныя, матки скликаютъ ягнятъ, отставшихъ отъ нихъ во время безпорядочной пастьбы днемъ. У нѣмаго Игната совсѣмъ не то. У него овцы пасутся спокойно, ягнята не теряютъ изъ виду матокъ. Когда ватага его идетъ къ мѣсту ночлега,—сытыя овцы только сопятъ молча. Онъ всегда впереди овецъ и не даетъ переднимъ перебирать траву, топтать ее и бѣгать. Всегда онъ на ногахъ: овцы ѣдятъ, а онъ стоитъ, опираясь на свой костыль. Если нужно перейти съ овцами на другое мѣсто, онъ подниметъ кирлыгу на плечо и идетъ, а овцы за нимъ. У него въ ватагѣ никогда не бываетъ худыхъ овецъ, такъ какъ и заднія имѣютъ возможность

Digitized by Google

пользоваться свѣжимъ кормомъ. Идя впереди ватаги, онъ часто употребляетъ особый маневръ: отвернетъ передъ ватаги въ сторону, — и заднія овцы становятся передними, а передніе задними. Въ лѣтнее время, когда овцы, по причинѣ жары, большую часть дня стоятъ (полднюютъ), онъ пасетъ ватагу ночью—отъ зари до зари. Для такой пастьбы онъ подгонитъ ватагу къ дому или мѣсту стоянки, покормитъ хорошенько собакъ, возьметъ для себя кусокъ хлѣба и — маршъ на всю ночь. Если овцы успѣютъ поѣсть къ полуночи,—онъ остановитъ ихъ на ночлегъ, расположитъ кругомъ собакъ и самъ заснетъ на короткое время. Если же овцы пасутся до свѣта, то и онъ спитъ уже тогда, когда овцы станутъ въ стойло на все жаркое время дня.

Трудно разсказать о всѣхъ достоинствахъ, обнаруживаемыхъ нѣмымъ чабаномъ Ковылой. Ниже, когда будетъ сказано о размѣрахъ хозяйства Волги; читатели поймутъ—какую важную роль въ гигантской хозяйственной производительности играетъ нѣмой Игнатъ, способный на самыя удивительныя, геройскія дѣла.

Digitized by Google

VI.

КАКЪ ЗАРОДИЛАСЬ БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.

Внутри Россіи дѣвственныхъ земель уже нѣтъ нигдѣ, но на югѣ и юго-востокѣ ихъ еще довольно много. Тамъ можно любоваться, какъ разстилается эта не тронутая еще ни плугомъ, ни заступомъ дѣвственная цѣлина-степь. Роскошнымъ ковромъ цвѣтетъ она, зеленѣетъ, колышется отъ вѣтра, блещетъ бѣлыми остьями ковыля. Много въ ней величавой, царственной красоты.

Что ждетъ въ будущемъ эту красавицу-степь? Придетъ-ли къ ней хозяинъ-земледѣлецъ, съ любовью воздѣлаетъ ее, насадитъ на ней садовъ и рощъ, обольетъ ее своимъ потомъ и придастъ ей еще большую жизненность и красоту? Или она падетъ жертвою экономической извращенности, попадетъ въ загребистыя руки жаднаго арендатора, лишится безвременно своей красоты и жизненной силы, будетъ обезображена и обезчещена? Къ сожалѣнію, послѣднее едва-ли не вѣроятнѣе.

Нужно видѣть—съ какою жадностью, съ какимъ дикимъ азартомъ, хищники - промышленники, наперебой другъ передъ другомъ, гоняются на югѣ Россіи за нетронутой степью. Быстро, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ,

Digitized by Google

уродуютъ они ее и переходятъ въ другое мѣсто. Причина такой гоньбы понятна. Ленъ и золотистая тяжеловѣсная русская пшеница, которые такъ обильно произрастаютъ на дѣвственной почвѣ, всегда высоко стоятъ въ цѣнѣ какъ на русскихъ, такъ и на заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, и цѣлинная земля быстро обогащаетъ жадно набрасывающихся на нее хищниковъ. Арендаторъ-посѣвщикъ, взявъ у земли все, что было можно, обративъ ее въ ничто, бѣжитъ дальше и дальше, не заботясь о правильной обработкѣ земли, а лишь высасывая изъ нея жизненные соки. Арендаторы эти—все народъ тертый, бывалый, умный по своему. З. А. Земля обыкновенно говоритъ о нихъ: „умный ихъ попъ крестилъ, да жаль, что не утопилъ“.

Городъ, куда былъ назначенъ учителемъ уѣзднаго училища бывшій воспитанникъ гатчинскаго сиротскаго института, Петръ Ивановичъ Волга,—одинъ изъ самыхъ характерныхъ русскихъ степныхъ городовъ.

Съ экономической точки зрѣнія, это — волкъ, тать и разбойникъ страны. Къ нему проведена вѣтвь желѣзной дороги, соединяющая его съ обѣими столицами Россіи и со всѣми торговыми и промышленными пунктами, но самъ по себѣ онъ скорѣе село, чѣмъ городъ. Коренное населеніе его занималось преимущественно земледѣліемъ, скотоводствомъ и отчасти садоводствомъ и пчеловодствомъ. Онъ производилъ и сбывалъ на сторону всевозможные сельскіе продукты въ значительномъ количествѣ, но ничего не обработывалъ даже для собственнаго потребленія. Ни ремеслъ, ни фабрикъ, ни заводовъ здѣсь и въ поминѣ не было. Даже кирпичъ привозился по желѣзной дорогѣ изъ отдаленныхъ мѣстностей, хотя глина и песокъ имѣлись на каждомъ шагу. Мельницъ почти вовсе

Digitized by Google

не было; достаточные классы пользовались мукою, привозимою изъ внутреннихъ городовъ Россіи, бѣдняки же имѣли (да и теперь еще имѣютъ) каждый у себя въ домѣ ручныя мельницы. Изъ мѣстныхъ жителей даже торговлей никто не занимался: вся она находилась въ рукахъ людей, явившихся сюда изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ. Между тѣмъ городъ роскошно одѣвался въ русскія и заграничныя ткани (даже крестьянки носили только французскіе да русскіе морозовскіе яркихъ цвѣтовъ ситцы, другими брезгали), пилъ дорогія и больше заграничныя вина, курилъ въ ужасныхъ размѣрахъ турецкій табакъ и игралъ въ карты по днямъ и по ночамъ. Въ мѣстной торговлѣ вращались громадные капиталы, но населеніе города, собственно, годъ отъ году бѣднѣло и жалобамъ на недостатокъ средствъ, нытью и тоскѣ не было конца. Экономическое положеніе мѣстнаго населенія, дѣйствительно, было ужасно. Приходилось жить только землей, но послѣдняя была опустошена на огромномъ пространствѣ вокругъ. Десять, пятнадцать лѣтъ желѣзная дорога работала тутъ не даромъ. Она увозила лучшіе соки земли — хлѣбъ, мясо, сало и проч. Населеніе, правда, получало за это деньги, но потребности его превышали доходъ. Оно было воспитано такъ, что умѣло только тратить, но не сберегать и составлять капиталы: громадныя деньги, которыя въ теченіи многихъ лѣтъ давала эксплоатація земельныхъ угодій мѣстными силами и отдачей въ аренду стороннимъ промышленникамъ, были сношены въ видѣ дорогаго и моднаго платья, проѣдены, пропиты, проиграны въ карты и сожжены въ видѣ табаку. Словомъ, пѣсенка была спѣта. Послѣ многолѣтней привычки много продавать и еще

Digitized by Google

больше покупать—какова должна быть тяжесть лишеній, когда продать нечего, а купить многое нужно!...

Рядомъ съ экономическимъ упадкомъ этой мѣстности шелъ также и величайшій упадокъ нравственный. Вообще, степныя поселенія въ Россіи въ нравственномъ отношеніи представляютъ чрезвычайную пестроту. Здѣсь очень часто можно встрѣтить два рядомъ лежащія, почти даже одинаковой величины, при совершенно одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, казачьи или крестьянскія поселенія, но съ діаметрально-противоположнымъ нравственнымъ направленіемъ. Всей-то и разницы бываетъ между такими поселеніями лишь то, напримѣръ, что одно изъ нихъ лежитъ на скотопрогонной дорогѣ, по которой идутъ гурты скота съ юга во внутренніе города; а другое расположено нѣсколько въ сторону. И что-же? Въ послѣднемъ, благодаря земельному приволью, всѣ жители какъ наподборъ народъ зажиточный, семейственный, почтенный и нравственный; въ первомъ же всѣ жители поголовно бѣдняки, едва пробивающіеся изо дня въ день, страшные пьяницы, развратники и чуть не поголовно воры. Они имѣютъ значительный доходъ отъ скотопрогонной дороги, и это отвлекаетъ ихъ отъ хозяйственнаго труда, портитъ. Съ гуртовщиковъ они взимаютъ деньги за попасы, водопой, перегонъ скота черезъ рѣчки; деньги эти въ большинствѣ случаевъ пропиваются сообща всѣмъ поселкомъ. Во время пьянства, нерѣдки у нихъ драки съ гуртовщиками, обоюдные грабежи и пр. Почти то-же самое случается и съ болѣе или менѣе значительными по населенности городами.

Весьма многоразличны причины, по которымъ общественная нравственность какой-либо мѣстности или находится на почтенномъ уровнѣ, или глубоко падаетъ на

Digitized by Google

нѣсколько поколѣній. Уровень народной нравственности въ описываемомъ городѣ стоялъ довольно высоко; можно сказать, что здѣсь царила патріархальная чистота нравовъ, пока не пришелъ сюда и не былъ расквартированъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ пѣхотный полкъ. Съ этого времени все пошло вверхъ дномъ. Явленіе—поразительное по своему вліянію на народные нравы и своимъ послѣдствіямъ, отразившемся на семейномъ и общественномъ бытѣ. Полкъ совершенно изуродовалъ и развратилъ городъ. Кажется, ни между дворянками, ни между крестьянками не было ни одной непавшей молодой женщины и дѣвицы изъ совершеннолѣтнихъ, а если которая нибудь изъ нихъ и не пала, то только ждала удобнаго къ тому случая...

Этотъ городъ былъ на мѣстѣ родины П. И. Волги, такъ что онъ попалъ на службу въ родныя мѣста. Но какая поразительная разница была между тѣмъ, что онъ видѣлъ здѣсь ребенкомъ, и тогда когда онъ явился сюда служить!... Весь складъ мѣстной жизни оттолкнулъ, даже испугалъ его, такъ что на первыхъ порахъ онъ хотѣлъ бѣжать, но кончилъ, однако, тѣмъ, что ушелъ въ себя и нашелъ въ этомъ величайшее благо. Тамъ онъ создалъ свой особый мірокъ — свѣтлый, чистый, полный порывовъ и добрыхъ стремленій.

Въ уѣздномъ городѣ, прежде всего, опротивѣлъ Петру Ивановичу тотъ напыщенный, кичливый, важный наружно, но въ сущности ничтожный, пустой и безцѣльный чиновничій мірокъ, къ которому Волга по своему званію, долженъ былъ принадлежать. Все это были люди „двадцатаго числа“ и смотрѣли на уѣздное казначейство какъ на мать-кормилицу. Двадцатое число каждаго мѣсяца было днемъ полученія жалованья,—днемъ облегче-

Digitized by Google

нія для этого мрачнаго міра. Въ этотъ день онъ сіялъ, кипѣлъ радостью, тогда какъ послѣдніе дни служебнаго мѣсяца были днями унынія, скорби, всевозможныхъ воздержаній. Такимъ образомъ, у этого люда было въ году двѣнадцать своеобразныхъ праздниковъ. Это общество считало отвернувшагося отъ него П. И. Волгу страннымъ, глупымъ, даже помѣшаннымъ. Онъ же въ свободное отъ службы время или находился въ ближайшемъ, глубокомъ, лѣсистомъ буеракѣ, гдѣ завелъ маленькую пасѣку для пчелъ, или бродилъ по открытымъ степямъ сводя знакомства съ пастухами и земледѣльцами на мѣстѣ ихъ занятій. У одного онъ разспрашивалъ о непонятныхъ ему явленіяхъ въ хозяйственной жизни, другому совѣтовалъ сдѣлать пробу посѣва какихъ-либо замѣчательныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ и т. д. Крѣпко полюбилась ему простота нравовъ и нравственная чистота этихъ людей, и у него явилось желаніе принять непосредственное участіе какъ въ радостяхъ, такъ и горестяхъ и неудачахъ этого пастущескаго и земледѣльческаго круга, увлекавшаго его упорствомъ, терпѣніемъ въ трудѣ, а также осмысленностью его жизни. Владѣя отъ природы смѣлымъ и рѣшительнымъ характеромъ, онъ разомъ принялся за все; засѣялъ полдесятины земли пшеницей, купилъ двѣ колодки пчелъ, пару телятъ, три овцы. Все это стоило недорого, и онъ имѣлъ возможность сдѣлать эти закупки въ первый же годъ своей службы, такъ какъ живя просто и скромно, изъ небольшаго жалованья своего, 300 руб. въ годъ, сдѣлалъ значительныя сбереженія. Принялся онъ за дѣло энергически, вложилъ въ него всю душу и сердце,—и все у него „пошло въ руку“, какъ говорили тамъ крестьяне. Кое-что онъ производилъ наемнымъ трудомъ въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ, а

Digitized by Google

больше дѣлалъ самъ лично: косилъ, городилъ, носилъ, словомъ—исполнялъ всякую черную работу. Дѣла своего по службѣ онъ не бросалъ и у начальства своего былъ на лучшемъ счету. Правда, служба его и требовала-то отъ него очень мало: всего два часа въ день, въ недѣлю—12 часовъ, да и то въ теченіи девяти только мѣсяцевъ въ году, такъ что лѣто, каникулярное время, было у него совершенно свободно.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ удачно сдѣланнаго въ хозяйствѣ начала, П. И. Волга имѣлъ уже хуторъ въ степи, на арендованной землѣ, свой плугъ воловъ, до пятидесяти головъ гулеваго рогатаго скота, 300 овецъ и столько-же ульевъ пчелъ. Имѣлъ онъ также нѣсколько лошадей для ѣзды и полное (среднихъ размѣровъ) хуторское хозяйство. Тутъ у него уже жилъ и смотрѣлъ за пчелами слѣпой плотникъ Софронъ, а также чабанъ Игнатъ и еще одинъ крестьянинъ съ семействомъ, пахавшій его плугомъ и сѣявшій хлѣбъ изъ-полу.

Гибельное, ведущее къ разоренію края направленіе землевладѣнія въ той мѣстности было понятно П. И. Волгѣ на первыхъ же порахъ, тревожило, волновало его. Онъ сразу-же лицомъ къ лицу столкнулся съ хищническимъ арендаторствомъ, уродованіемъ земли,—и душа его ныла, болѣла за родной край, за темный, рабочій людъ, составляющій земледѣльческое населеніе этого края, которое издревле любило и любитъ эту землю, облитую его потомъ и кровью, которому великій Царь - Освободитель возвратилъ человѣческія и гражданскія права, но у котораго, тѣмъ не менѣе, неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ отнималась всякая возможность свободнаго труда, какъ основы благополучія и счастья. И П. И. Волга, наединѣ съ самимъ собою, далъ великую клятву—высту-

Digitized by Google

пить на борьбу съ хищничествомъ, принести себя, такъ сказать, въ жертву.

Недалеко отъ города У—на, гдѣ служилъ Волга, лежало большое помѣщичье имѣніе. Когда-то это имѣніе было первымъ въ губерніи по плодородію земли и хозяйственному благоустройству. Прежній владѣлецъ его былъ рѣдкимъ хозяиномъ и хорошимъ помѣщикомъ для крестьянъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ хлѣбосолъ и жилъ на широкую барскую ногу. Однихъ дворовыхъ было у него до тысячи человѣкъ, какъ-то: собственные музыканты, хоръ пѣвчихъ, актеры домашняго театра, цѣлыя партіи всевозможныхъ ремесленниковъ и мастеровъ и т. п. Усадьба его поражала и привлекала своимъ благоустройствомъ. Домъ стоялъ у сада, въ которомъ было устроено нѣсколько бесѣдокъ; вездѣ были разбросаны клумбы роскошныхъ цвѣтовъ; посерединѣ сада стояла на четырехъ столбахъ вышка, съ которой во всѣ стороны были протянуты веревки, привязанныя къ гремушкамъ, балберкамъ и колокольчикамъ. Садовникъ пугалъ птицъ съ этой вышки. Онъ потряхивалъ на вышкѣ концы веревокъ—и по всему саду раздавался трескъ и звонъ. По праздникамъ и во время пріема гостей садъ украшали фонарями. Всего подъ фруктовымъ садомъ, дубами и вязами было около 10-ти десятинъ земли. Дальше сада, надъ рѣкою, тянулась версты на двѣ вербовая и тополевая роща. Помѣщичій домъ выходилъ балкономъ въ садъ. Онъ былъ на довольно высокомъ фундаментѣ; изъ сада къ балкону вели до тридцати широкихъ приступокъ обширной лѣстницы, сдѣланной во всю длину фасадной стороны дома. Это придавало очень величавый видъ дому. Бока балкона покрывали кусты акаціи и дикаго винограда; передняя же сторона балкона и крыльцо были от-

Digitized by Google

крыты, и кругомъ около самыхъ приступокъ лѣстницы стояли столѣтніе дубы и громадные вязы съ раскидистыми вѣтвями. Съ другой стороны дома, къ степи, была устроена большая башня съ разными выступами и углубленіями. Въ этомъ имѣніи было около семнадцати тысячъ десятинъ земли, дававшей изумительные урожаи хлѣба и травы.

Такъ было при старомъ помѣщикѣ; но совсѣмъ иные порядки пошли, когда имѣніе перешло къ сыну. Наслѣдникъ былъ женатый, семейный человѣкъ, но велъ дружбу съ полковымъ офицерствомъ и предавался безобразнымъ кутежамъ. Это было въ самомъ концѣ существованія крѣпостнаго права. Не проходило ни одной недѣли, чтобы у молодаго и веселаго помѣщика не было бы двухъ, трехъ оргій, на которыя со всей слободы сзывались черезъ старосту молодыя крестьянскія бабы и дѣвушки для пѣсенъ, пляски и хороводовъ. Всѣмъ женщинамъ большой слободы, которыя обладали какими-нибудь особыми достоинствами въ отношеніи женскаго естества и красоты, помѣщикъ велъ списокъ, къ которому и прибѣгалъ въ нужныхъ случаяхъ. Кромѣ того, разъ въ годъ, обыкновенно весной, онъ дѣлалъ смотръ всѣмъ крестьянскимъ дѣвушкамъ, достигающимъ зрѣлаго возраста, и составлялъ имъ особый разрядный списокъ. Эти несчастныя часто вдругъ, безотлагательно требовались къ помѣщику по одной или по нѣскольку. Первый разъ уводили дѣвушку къ помѣщику насильно, тащили ее, обливающуюся горькими слезами; во второй разъ она уже шла сама безъ проводника и съ веселымъ лицомъ, если ее требовали. Въ этомъ отношеніи помѣщикъ „умѣлъ,—какъ говорится,—такъ щипать гуся, что онъ не кричалъ“. Обыкновенно, если въ домѣ помѣщика была пирушка и бабьи

Digitized by Google

хороводы, то для хороводницъ привозили изъ лавокъ цѣлые возы красныхъ лентъ, орѣховъ, пряниковъ и сладкихъ сосулекъ. Крестьяне были такъ пріучены къ этому, что если бывало ночью вдругъ залаютъ собаки, то вся семья вздрогнетъ и станетъ переглядываться: всѣ подумаютъ, что это непремѣнно староста ѣдетъ звать молодыхъ бабъ и дѣвокъ къ барину. Случалось, что какой-нибудь отецъ семьи не пуститъ на ночной хороводъ молодой снохи или дочери-дѣвушки. За такую вольность мало того что нещадно драли несчастнаго, а на слѣдующее же утро баринъ отдавалъ приказъ перерѣзать всю его скотину и устроить пиръ для слободы. А то бывало и такъ, что баринъ приказывалъ сжечь избу ослушника, со всѣми принадлежащими къ ней постройками; такъ какъ при этомъ пожаръ могъ распространиться на сосѣднія избы и строенія, то ихъ предварительно раскрывали. Такъ, по одному слову помѣщика, нерѣдко до основанія разорялись домовитые, зажиточные старики хозяева. Словомъ, самодурству, необузданности и жестокости не было предѣловъ. Барскій домъ стариннаго дворянскаго рода былъ загрязненъ дѣлами величайшей подлости. Тамъ, гдѣ при отцѣ въ роскошныхъ залахъ, на дорогой мебели, сиживали благородныя дамы и лучшіе люди губерніи, при сынѣ сидѣли непотребныя крестьянскія бабы въ котахъ, съ пьяными нахальными лицами, и лежали борзыя собаки. Въ глухую ночь часто хозяинъ подъѣзжалъ къ дому на нѣсколькихъ тройкахъ, съ толпою офицеровъ и хороводами бабъ. Жена его съ дѣтьми (ихъ было трое или четверо) запрется бывало и не пускаетъ мужа; но это сопротивленіе оканчивалось всегда тѣмъ, что отрывались ставни оконъ, выламывались двери, и компанія врывалась въ домъ.

Digitized by Google

Но вотъ насталъ конецъ крѣпостному праву, и разоренное имѣніе было отдано въ опеку. Нельзя было безъ жалости смотрѣть на это благоустроенное прежде и богатое имѣніе, разрушенное и обезображенное наслѣдникомъ. Домъ полусгнилъ, окна разбиты, каменныя службы при домѣ превратились въ груды развалинъ, плодовыя деревья повымерли и растасканы крестьянами на дрова. Но въ самомъ ужаснѣйшемъ положеніи была земля и прочія хозяйственныя угодья. Дорогой и рѣдкій въ той сторонѣ лѣсъ былъ истребленъ наголо; даже пни были выкопаны, и тѣ мѣста, гдѣ росъ лѣсъ, обратились въ сыпучіе пески; пашенная и сѣнокосная земля производила только колючій бурьянъ, чернобыльникъ и другія сорныя травы. Земля эта побывала въ рукахъ нѣсколькихъ арендаторовъ и, послѣ ихъ хозяйничанья, рѣшительно уже никуда не годилась. Она ходила по цѣнѣ 5 коп. за десятину и употреблялась только подъ попасъ скота, да и для того мало было пригодна. Если въ самый плодородный годъ здѣсь и родилась кое-гдѣ съѣдобная трава, то она была такъ рѣдка, что безъ грабковъ ее нельзя было косить, потому что она не ложилась въ рядъ.

Въ это время, Петръ Ивановичъ Волга вполнѣ уже успѣлъ опредѣлить направленіе своей хозяйственной дѣятельности, чтобы повліять по возможности на народное хозяйство въ краѣ, измѣнить его ходъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ владѣльцемъ пострадавшей земли, намѣреваясь или взять ее въ долгосрочное владѣніе на первый разъ, или съразу пріобрѣсти въ собственность. Послѣднее можно было сдѣлать даже совсѣмъ безъ денегъ. Можно было купить эти несчастныя 17,000 десятинъ съ такою неслыханною разсроч-

Digitized by Google

кою платежей на десятки лѣтъ, что, старательно распоряжаясь землей безъ всякаго даже капитала, можно было окупить ее получаемыми съ нея доходами. Чтобы вызвать къ жизни запустѣвшую мѣстность, П. И. Волга создалъ такой планъ. Онъ предположилъ раздѣлить всю землю на четыре части: на одной пасти рогатый скотъ и овецъ, удобряя ее такимъ образомъ посредствомъ попаса; другую засѣять корнеплодными растеніями, третью —лѣсомъ; на четвертой сдѣлать пробу посѣва кормовыхъ травъ, такъ какъ въ той мѣстности никто о послѣднемъ не имѣлъ еще и понятія. Для производства всѣхъ этихъ операцій нужно было сдѣлать заемъ, чтобы не разстраивать существующее уже хозяйство.

При министерствѣ государственныхъ имуществъ есть такъ называемый хозяйственный капиталъ сельской промышленности. По уставу, изъ этого капитала могутъ быть производимы ссуды лицамъ, имѣющимъ возможность выполнить всѣ установленныя формальности, по двѣнадцати рубрикамъ: 1) разведеніе овецъ; 2) населеніе пустопорожнихъ земель; 3) рыболовство на морскихъ берегахъ; 4) пчеловодство; 5) учрежденіе конскихъ и рогатаго скота заводовъ; 6) лѣсоразведеніе съ степныхъ мѣстахъ; 7) садоводство; 8) улучшеніе земледѣлія; 9) винодѣліе; 10) заведеніе мельницъ, прудовъ и вырытіе колодцевъ; 11) разведеніе красильныхъ и масличныхъ растеній и 12) учрежденіе фабрикъ и заводовъ. По ходатайству П. И. Волги, ему разрѣшена была ссуда изъ этого капитала въ количествѣ пяти тысячъ рублей. Уже кончались переговоры съ владѣльцемъ земли, какъ вдругъ начальство учебнаго округа повысило Волгу по службѣ. Ему предложено было мѣсто завѣдующаго калмыцко-русскимъ училищемъ въ степяхъ Астраханской губерніи. Онъ принялъ это

Digitized by Google

предложеніе, и тамъ, на вольныхъ степяхъ, еще не убитыхъ окончательно купеческой арендой, хозяйственнымъ дѣламъ его пришлось принять совсѣмъ другое направленіе и другіе размѣры. Дѣла его пошли такъ успѣшно, что, черезъ три съ небольшимъ года, ему уже былъ открытъ кредитъ въ государственномъ банкѣ на сто тысячъ рублей, и онъ имѣлъ земли, скота и другаго хозяйственнаго обзаведенія тысячъ на триста рублей.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что Волга давно уже былъ женатъ и имѣлъ семейство. Еще въ самомъ началѣ своей службы онъ намѣревался обзавестить семьей, но жениться ему было довольно трудно, такъ какъ онъ имѣлъ совершенно своеобразный взглядъ на женщину. Калмыцкіе бакши и степные моралисты говорятъ, что у женщины красота лица ничего не значитъ, что она должна быть здорова, сильна, стройна какъ пава, кротка какъ агнецъ, осторожна какъ мышь, правдива какъ вѣрное зеркало, чиста какъ рыбья чешуя; должна тосковать по мужу, какъ верблюдица *), и быть въ отсутствіи его или по смерти — какъ облинявшая птица. Понятія Петра Ивановича о женщинѣ-женѣ какъ-разъ подходили подъ этотъ идеалъ калмыковъ. Понятно, не легко было ему найти такую партію въ окружавшей его средѣ, но случай помогъ.

На юго-востокѣ Россіи довольно сильно развито подвижничество—„трудъ для Бога“. Въ гористыхъ мѣстностяхъ по Волгѣ, Дону, Донцу и другимъ рѣкамъ рѣдко можно встрѣтить болѣе или менѣе населенную мѣстность,

*) Нѣтъ ничего, кажется, печальнѣе и заунывнѣе тѣхъ протяжныхъ, почти безпрерывныхъ стоновъ, которые издаетъ верблюдица, потерявшая верблюженка. Она кричитъ особенно по зарямъ и недѣли двѣ, три наводитъ уныніе на всю окрестность.

Digitized by Google

чтобы въ буеракѣ или подъ горою, въ глубокой пещерѣ не пріютился какой-нибудь дряхлый старичекъ, у котораго стоятъ вездѣ иконы и горятъ неугасимыя лампады. Онъ день и ночь въ трудахъ—то молится Богу, то копаетъ пещеру дальше въ глубь и выноситъ изъ нея землю. По праздникамъ,—а кому возможно и въ будни,—къ нему приходятъ многіе изъ окрестныхъ поселеній потрудиться и помолиться. Какая-нибудь, напримѣръ, молодая казачка, во время продолжительнаго отсутствія мужа, согрѣшитъ противъ нравственности и супружескихъ своихъ обязанностей,—и, ради искупленія грѣха, обрекаетъ себя трудиться въ пещерѣ сряду три, пять и болѣе праздничныхъ дней. Она работаетъ тамъ неустанно, не пивши, не ѣвши весь день, чуть не до кроваваго пота. Точно такъ-же поступаютъ и для искупленія другихъ грѣховъ. Много также можно встрѣтить здѣсь обрекающихъ себя сходить пѣшкомъ ко святымъ мѣстамъ для молитвы. Часто ѣдетъ по какой-нибудь глухой дорогѣ телѣга, полнымъ-полно наложенная сумками съ сухарями и разнымъ платьемъ, а позади ея идетъ большая толпа людей разныхъ возрастовъ съ костыликами въ рукахъ. Это идутъ въ „Божій путь“ люди, жаждующіе примиренія съ Богомъ и освобожденія отъ грѣховъ. Въ первый годъ службы Петра Ивановича, чрезъ У—нъ проходила одна изъ такихъ партій. Она возвращалась изъ Кіева на родину въ Сибирь, куда-то въ отдаленное мѣсто Тобольской губерніи. Въ числѣ составлявшихъ ее паломниковъ были два старичка-генерала. Карета ихъ ѣхала впереди, а сами они всю дорогу шли пѣшкомъ, въ бѣлыхъ парусинныхъ костюмахъ, въ шляпахъ съ широкими полями и въ лаптяхъ. Лапти въ такихъ случаяхъ незамѣнимы. Въ нихъ чрезвычайно легко и свободно но-

Digitized by Google

гамъ. Они не давятъ, не трутъ, и ноги въ нихъ не прѣютъ.

Въ У—нѣ эта партія оставила, на попеченіе надежныхъ лицъ, тяжко заболѣвшую въ пути молодую дѣвушку. Этой-то дѣвушкѣ и суждено было сдѣлаться женою Петра Ивановича Волги. Съ нею онъ былъ счастливъ въ полномъ смыслѣ слова. Она была хорошо воспитана, принадлежала къ хорошей семьѣ, всей душей восприняла его планы и стремленія—и дружно шли они въ жизни. Но случайность, которыми такъ полна человѣческая жизнь, надломила здоровье молодой женщины — и она преждевременно сошла въ могилу. Петръ Ивановичъ остался одинъ. Пусто, темно и холодно стало вокругъ него, но онъ перенесъ этотъ жестокій ударъ, отдавшись всецѣло трудамъ и планамъ, прибавивъ паровъ къ своимъ стремленіямъ.

Digitized by Google

VII.

УСЛОВІЯ ЖИЗНИ ВЪ СТЕПИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. И. ВОЛГИ.

Училище, порученное завѣдыванію Петра Ивановича Волги, было въ самомъ жалкомъ видѣ. Оно было открыто лѣтъ сорокъ раньше, собственно для калмыцкихъ дѣтей, съ цѣлью обрусенія ихъ и распространенія между ними знанія русскаго языка; но дѣятельность его была почти безрезультатна. Богатые калмыки вовсе не считали нужнымъ учить дѣтей, бѣдные не имѣли къ тому средствъ, такъ что отдавали дѣтей въ училище кое-кто изъ людей средняго состоянія. Обыкновенно дѣтей отдавали въ училище только по настоятельному требованію начальства, иначе-же училище въ иной годъ было-бы совершенно пусто. Какъ-только въ началѣ учебнаго года получалось въ улусахъ предписаніе объ отдачѣ дѣтей въ училище, калмыки съѣзжались изъ своихъ кочевыхъ хутуновъ на сотенные сходы къ хуруламъ, составляли списокъ всѣмъ семействамъ, въ которыхъ есть дѣти подходящаго возраста, и, назначивъ—сколько дѣтей на этотъ разъ должно быть доставлено въ училище, метали жребій — кому взять на себя это бремя. Если жребій падалъ на сына богатаго калмыка, то онъ откупался; если-же на бѣд-

Digitized by Google

няка, то его непремѣнно отвозили въ школу, часто насильно, посадивъ, напримѣръ, въ бурдюкъ и перевѣсивъ черезъ сѣдло коня или спину верблюда. Родители отказывались содержать дѣтей, — ихъ содержали на общественный счетъ. Побѣги учениковъ изъ школы были чрезвычайно часты: можно даже сказать, что ученики только тѣмъ и занимались, что бѣгали изъ школы. Какъ-только увидишь бывало въ степи человѣческую фигуру, поспѣшно пробирающуюся окольными скрытыми путями, почти навѣрное можно было сказать, что это убѣгающій изъ школы ученикъ. Станешь подъѣзжать къ бѣглецу, — онъ припадетъ въ траву, лежитъ, какъ заяцъ или волченокъ, и дико злобно смотритъ на подъѣзжающаго. Если попробовать заговорить съ нимъ, — онъ вскочитъ, побѣжитъ и опять упадетъ въ какой-нибудь кустъ бурьяна. Часто бѣглецъ сбрасываетъ бывало съ себя сапоги, шапку, бешметъ и бѣжитъ въ одномъ бѣльѣ. Если бѣжать ему было далеко, примѣрно верстъ сто и болѣе, то въ рукахъ у него непремѣнно высушенный мочевой коровій пузырь, наполненный водою. Это — чрезвычайно удобная вещь. Когда пузырь свернутъ, — онъ не болѣе сложеннаго листа писчей бумаги, такъ что его удобно носить въ карманѣ; если-же раздуть пузырь, то онъ можетъ вмѣстить въ себя около полуведра воды. Лишь-только проходилъ слухъ о появленіи въ окрестностяхъ школы оспы или другой какой-нибудь повальной болѣзни, — изъ училища моментально исчезали всѣ до одного калмычата. Ихъ можно было опять собрать въ школу только посредствомъ предписанія начальства. Были въ училищѣ и русскія дѣти, но очень мало. Училище считалось четырехкласснымъ (уѣздное и приходское вмѣстѣ), но въ немъ обыкновенно было не болѣе 40—50 учени-

Digitized by Google

ковъ, изъ русскихъ и калмыковъ. Короче сказать, это учебное заведеніе, въ теченіе десятковъ лѣтъ, поглотило не мало матеріальныхъ средствъ, а между тѣмъ не только не приносило пользы, не только не оказывало вліянія на жизнь того народа, для котораго было создано, но, напротивъ, обременяло его безполезными заботами, считалось обузою, тяжелою повинностію.

Во время открытія училища, въ калмыцкихъ кочевьяхъ не было еще никакихъ признаковъ осѣдлости. Въ настоящее-же время во многихъ мѣстахъ въ степи есть калмыцкіе зимники-хутора, состоящіе изъ землянокъ и деревянныхъ домовъ, а также и деревянные хурулы (капища), похожіе архитектурой на православныя церкви, но, разумѣется, безъ крестовъ, украшенные на крышѣ и по угламъ птицами, драконами и разными фантастическими существами. Украшенія эти отлиты въ ростъ 4-хъ и болѣе аршинъ изъ мѣди и другихъ металловъ съ позолотой и стоятъ вертикально, съ распущенными крыльями, раскрытою пастью и высунутымъ языкомъ. Училище для калмыковъ было открыто въ ближайшей къ степямъ крестьянской Н—ской слободѣ, принадлежавшей нѣсколькимъ помѣщикамъ. Слобода эта находится въ самомъ центрѣ юго-восточныхъ степей, составляющихъ какъ-бы продолженіе пустынныхъ азіатскихъ степей. Не въ далекомъ отъ слободы разстояніи сходятся въ одинъ общій узелъ границы трехъ большихъ русскихъ степныхъ губерній. Тутъ наиболѣе возвышенное мѣсто этихъ обширныхъ степей. Н—ская слобода расположена подъ скатомъ возвышенности, съ которой открывается обширнѣйшій горизонтъ на югъ, востокъ и западъ. Только съ сѣверной стороны горизонтъ ограниченъ проходящимъ съ востока на западъ горнымъ кряжемъ, составляющимъ

Digitized by Google

водораздѣлъ между рѣками Волгой, Дономъ и Кумою, а также Каспійскимъ и Азовскимъ морями. На югъ, въ разстояніи не болѣе 5—6-ти верстъ отъ слободы, тянутся безпрерывною цѣпью большіе лиманы, извѣстные подъ общимъ именемъ Маныча. Здѣсь, по причинѣ возвышенности мѣста, Манычъ, какъ-бы соединяющій Каспійское и Азовское моря и имѣющій видъ рѣки, хотя и не вездѣ текущей, какъ-будто переламывается, дѣлится на двѣ части: одна часть его направляется теченіемъ къ Каспійскому морю, другая—къ Дону и Азовскому морю. Если-же пройти на сѣверъ отъ слободы версты три и подняться на самую вершину находящейся тутъ возвышенности, можно видѣть обширныя пространства степей, тянущихся на сѣверъ, такъ что взору представится на всѣ четыре стороны неоглядная степная даль. Въ ясный день отсюда можно видѣть невооруженнымъ глазомъ верстъ на сто.

Этой мѣстности придаютъ какое-то особое величіе курганы. Противъ самой слободы два кургана; вдали-же ихъ виднѣется множество. Они — безспорно насыпные, дѣла рукъ человѣка. Почти около каждаго кургана находится низина, углубленіе, изъ котораго, повидимому, брали землю для насыпки. Около иныхъ кургановъ углубленіе это бываетъ такъ значительно, что весною образуется глубокій разливъ и къ кургану нельзя подойти. Многіе изъ кургановъ, для предохраненія ихъ отъ размыванія дождемъ, сверху-донизу усыпаны и убиты кирпичемъ и щебнемъ. Большинство кургановъ увѣнчаны каменными истуканами (бабами), представляющими изображеніе мужскаго или женскаго бюста; на иныхъ курганахъ красуется каменное изображеніе коня. Насыпь съ такимъ

Digitized by Google

истуканомъ называется въ народѣ „конь-курганъ“ *). Многіе курганы, по всей вѣроятности, первоначально имѣли чрезвычайно красивый видъ: при громадной высотѣ (построены какъ-бы въ нѣсколько этажей) они состоятъ изъ перемежающихся поясовъ земли и камня, кирпичей или разноцвѣтныхъ кафлей; сначала была насыпана земля аршинъ на десять, далѣе сложена цѣлая стѣна изъ тесанаго камня или кирпича въ аршинъ и болѣе высотой, а затѣмъ опять насыпь земли и т. д. Все это теперь или вросло въ землю и мало замѣтно, или разрушено и разобрано мѣстными жителями на печи и домашнія постройки. Многіе изъ степныхъ обитателей, какъ-только понадобились имъ кирпичи или камни, направляются въ степь и безжалостно разрушаютъ курганы—эти мѣстные памятники, служащіе вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ украшеніемъ степей. Нѣкоторые полагаютъ, что курганы насыпаны жившимъ прежде здѣсь воинственнымъ и торговымъ народомъ, для обозначенія пути въ степяхъ (т. е. какъ примѣты дороги), а также и для наблюденія за непріятелемъ, т. е. какъ сторожевые и оборонительные пункты, вблизи которыхъ были и торговые станы. Но съ этимъ нельзя согласиться. Вовсе не матеріальные разсчеты руководили людьми, воздвигавшими эти насыпи. Это видно уже изъ того старанія, съ какимъ устроены онѣ, а также изъ болѣе или менѣе живописнаго расположенія ихъ—по нѣскольку въ рядъ,

*) Курганы носятъ самыя разнообразныя названія; по большей части ихъ называютъ по виду: широкій, высокій, голый, круглый, острый, плоскій, каменный, кирпичный, четырехъ-угольный, маяцкій, караульный, красный, синій. Много кургановъ съ татарскими и монгольскими именами мужскими и женскими: Темиръ, Гобунъ, Орша, Фатьма; нѣкоторые изъ нихъ названы по имени звѣря и птицы: лисица, верблюдъ, бугай, орелъ, соколъ, перепелка, гусь.

Digitized by Google

группами и на самыхъ открытыхъ, красивыхъ мѣстахъ. Надо полагать, что происхожденіемъ своимъ они обязаны человѣческой скорби и памяти дорогихъ, близкихъ и милыхъ сердцу.

Съ кургановъ, расположенныхъ на возвышенности, находящейся на сѣверъ отъ Н—ской слободы, взору представляется гладкая травяная равнина, имѣющая въ отдаленіи возвышенности, поднимающіяся мѣстами до полуверсты и болѣе и также сплошь покрытыя травою. Степь тутъ кажется зеленымъ моремъ, особенно когда вѣтеръ колышетъ густую траву и гигантскій, разбросанный кое-гдѣ кустами бурьянъ, а солнце играетъ въ блестящихъ пушинкахъ колеблемаго вѣтромъ ковыля *). Сюда какъ съ южной, такъ и съ сѣверной стороны подходитъ своими вершинами безчисленное множество водныхъ и сухихъ балокъ и логовъ. Отсюда-же берутъ начало цѣлые десятки мелкихъ рѣчекъ. Однѣ изъ нихъ текутъ на югъ и впадаютъ или въ лиманы Маныча, или въ рѣку Куму и Каспійское море; другія—на востокъ и впадаютъ въ озера и соленыя грязи, или просто теряются въ сыпучихъ пескахъ; третьи текутъ на сѣверъ и впадаютъ въ рѣку Салъ, а чрезъ нее въ Донъ. Тутъ-же беретъ свое начало и рѣка Салъ, протекающая по совершенно открытымъ степямъ на разстояніи 1,000 верстъ, образуя причудливые зигзаги, съ обширными поемными лугами кругомъ и займищами.

---

*) Степь еще во многихъ мѣстахъ сплошь застлана и серебрится ковылемъ, растеніемъ многолѣтнимъ, образующимъ большіе кусты. Для внутренней Россіи ковыль—рѣдкость и невидальщина. Пучки его съ бѣлыми пушистыми остьями, привозимые купцами и извощиками изъ южнаго края, затыкаются за иконы; на югѣ и юго-востокѣ, гдѣ въ буеракахъ нѣтъ и въ поминѣ сосны, за иконы затыкаютъ сосновыя вѣтки.

Digitized by Google

На югъ отсюда мѣстность замѣтно понижается до самыхъ манычскихъ лимановъ, открытыхъ какъ на ладони. Здѣсь между плоскими возвышенностями, въ ложбинахъ, разбросано безчисленное множество лимановъ, западинъ, котловинъ и озеръ. Многіе изъ нихъ извѣстны подъ именами самосадочно-соленыхъ. Весною всѣ эти водовмѣстилища наполняются водою, а затѣмъ одни изъ нихъ, высыхая среди лѣта, покрываются густою луговою растительностію, другія остаются почти обнаженными солончаками, третьи покрываются толстымъ, бѣлымъ какъ снѣгъ, слоемъ соли, которая и берется мѣстными жителями для потребленія. Низкія и болотистыя мѣста почти сплошь бываютъ покрыты камышемъ и луговою травою выше человѣческаго роста. Камышъ играетъ здѣсь чрезвычайно важную роль. Онъ употребляется какъ строительный матеріалъ—на покрытіе строеній, для огораживанія стѣнъ или обставленія ихъ ради сохраненія теплоты, на устройство стѣнъ въ турлучныхъ хатахъ. Въ зимнее время, камышъ служитъ пищей для скота, когда отъ морозовъ и сырости стебли его становятся мягкими и сочными. Наконецъ, камышъ идетъ на чубуки и мундштуки къ трубкамъ, для выдѣлки самодѣльныхъ музыкальныхъ инструментовъ, въ родѣ дудки и т. п. Миріады комаровъ, мошекъ и разныхъ другихъ насѣкомыхъ ожесточенно нападаютъ на все живое, особенно же ночью. Привычныя, воспитавшіяся здѣсь животныя выносятъ борьбу съ ними, животныя же изъ другихъ мѣстъ часто гибнутъ. Чумаки, останавливающіеся на ночлегъ недалеко отъ этихъ мѣстъ, часто къ утру находятъ воловъ своихъ мертвыми: комары и мухи всю ночь кусали и мучили ихъ до потери силъ; наконецъ, набившись кучами въ ноздри, удушили ихъ.

Вообще, Манычская низменность представляетъ собою

Digitized by Google

мѣстность характерную во многихъ отношеніяхъ. Не лишена она интереса и въ геологическомъ отношеніи. По мнѣнію ученыхъ, Астраханская губернія и большая часть Ставропольской, а также часть Донской области были раньше морскимъ дномъ; Черное, Азовское и Каспійское моря составляли одно цѣлое. Впослѣдствіи, дѣйствіемъ подземныхъ силъ, дно моря поднялось и образовались степи съ соляными озерами, лиманами, грязями и рѣчками съ соленою же водою. Въ этомъ отношеніи Манычъ кажется неудавшимся проливомъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Довольно давно уже бродитъ мысль — обратить Манычъ въ каналъ для соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ и Чернымъ. Это можно сдѣлать съ небольшою сравнительно затратою времени и капитала. Тутъ же, по сосѣдству съ Манычемъ, находится созданное П. И. Волгою селеніе Школа,—сельскохозяйственное, торговое и промышленное село.

Въ Н—ской слободѣ каждое утро и вечеръ воздухъ оглашается крикомъ и свистомъ лебедей, журавлей, утокъ и др. птицъ, перелетающихъ утромъ съ лимановъ Маныча на долины нагорной стороны, а вечеромъ обратно къ лиманамъ на ночлегъ. Здѣсь водится множество мелкихъ дикихъ животныхъ: зайцевъ, полевыхъ мышей, хомяковъ, сусликовъ, и это привлекаетъ сюда стаи хищныхъ птицъ, съ крикомъ вьющихся въ воздухѣ. Не говоря уже о пасущихся вездѣ стадахъ и ватагахъ домашняго скота и изобильно плодящихся сѣрыхъ, черныхъ и чернобураго цвѣта волкахъ, а также желтыхъ и чернобураго цвѣта лисицахъ и корсакахъ, здѣсь можно видѣть косяки дикихъ лошадей торпановъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, подходящихъ цвѣтомъ шерсти подъ цвѣтъ степной растительности и только мелькающихъ вдали какъ тѣни,

Digitized by Google

такъ что и самому зоркому глазу трудно бываетъ разглядѣть ихъ. Тутъ можно видѣть стада и шайки дикихъ козъ (сайгаковъ), которые то исчезаютъ, то вновь появляются во множествѣ. Раннею весною они иногда пасутся здѣсь ватагами головъ въ тысячу и болѣе. Въ глухой степи изрѣдка случается попасть въ равнину, всю покрытую ими, точно ватагою овецъ. Слышится крикъ матокъ, зовущихъ дѣтенышей; пока дальніе спокойно пасутся, ближніе моментально отпрянутъ въ сторону, образовавъ кругъ около непрошеннаго посѣтителя, съ радіусомъ въ полуверсты. Дикія утки, гуси и журавли размножаются здѣсь въ огромномъ количествѣ и страшно вредятъ хлѣбнымъ посѣвамъ, выбивая иногда десятки и сотни десятинъ. Жителямъ часто приходится во время созрѣванія хлѣба приставлять къ полямъ караульныхъ; караулятъ только днемъ, и обязанность эту въ большинствѣ случаевъ исполняютъ дѣти. Но просо все-таки не удается уберечь: на него съ жадностью нападаютъ утки, крадучись утренней зарею. Хозяинъ воображаетъ, что у него въ полѣ все благополучно, — и вдругъ оказывается, что все просяное поле его сбито утками.

Словомъ, въ лѣтнюю пору степь переполнена жизнью, — и въ этомъ невыразимая ея прелесть. Даже и зимой, когда снѣгъ засыпаетъ курганы, овраги, равнины и всѣ причудливые лабиринты логовъ, степь не лишена прелести. Но въ эту пору степь имѣетъ своеобразнаго, лютаго, сильнаго, безпощаднаго врага—бурю, особенный бурный, сухой и коловратный вѣтеръ, свойственный юговосточнымъ русскимъ степямъ. Онъ дуетъ съ востока и лѣтомъ производитъ губительную засуху, когда растительность выгораетъ, все чахнетъ, мертвѣетъ, скотъ худѣетъ и падаетъ, питаясь только толстыми стеблями бурьяна, кор-

Digitized by Google

нями травы, захватывая ихъ вмѣстѣ съ землею, съѣдая иногда кучи гнилой соломы и старыя крыши хатъ. Въ это время люди чувствуютъ себя мрачно и уныло; у непривычныхъ кожа на тѣлѣ сохнетъ до мучительнаго лихорадочнаго состоянія. Лѣтомъ иногда вѣтеръ этотъ дуетъ не повсемѣстно и не въ одномъ направленіи, а бѣжитъ по степи то тамъ, то здѣсь, въ видѣ страшнаго вихря; взвиваетъ пыль и сухую траву, раскидываетъ копны, разваливаетъ стога, срываетъ крыши со строеній и перевертываетъ мельницы, обламывая имъ крылья. Подхватывая тяжелые предметы, въ томъ числѣ и людей, швыряетъ ихъ, кружитъ въ высотѣ. Онъ летитъ то прямо, какъ стрѣла, то крутится въ разныхъ направленіяхъ. Мѣстные сельчане въ простотѣ душевной убѣждены, что это нечистый духъ, носясь вверхъ ногами и внизъ головой, руками касается земли, кувыркается и хватаетъ съ земли все, что ни попало. Многіе, желая обезоружить вихрь, ставятъ ножъ колодочкой внизъ и остріемъ вверхъ и послѣ будто бы находятъ ножъ окровавленнымъ. По ихъ мнѣнію, это—кровь нечистаго духа, ранившаго себѣ голову или руки. Зимою этотъ же самый восточный вѣтеръ приноситъ страшный, рѣжущій холодъ, со свистомъ взметаетъ цѣлыя облака снѣгу, все рветъ, ломаетъ, засыпаетъ и губитъ, раскрываетъ и разрушаетъ зданія, а кибитку инаго калмыка (если она некрѣпко со всѣхъ сторонъ привязана бичевами и арканами за вбитые въ землю колышки) перевертываетъ на-бокъ и укатываетъ вдаль, оставляя хозяина съ семьей на снѣгу и вьюгѣ. Въ это время нерѣдко день бываетъ темнѣе ночи, воздухъ и земля обращаются въ одно снѣжное море.

Вообще климатъ юго-восточныхъ нашихъ степей отличается самыми рѣзкими неровностями и непостоян-

Digitized by Google

ствомъ погоды. Лѣтомъ здѣсь чуть не африканскій зной, зимой — почти полярный холодъ. Время зимы и лѣта чрезвычайно продолжительно, доходя до 5 мѣсяцевъ каждое, тогда какъ весна и осень коротки. Обыкновенно весна начинается въ послѣднихъ числахъ марта, а лѣто съ половины мая, и самыя большія жары стоятъ съ послѣднихъ чиселъ мая по сентябрь. Случается, что, среди самой лютой зимы, вдругъ подуетъ южный вѣтеръ и совершенно обнажитъ землю отъ снѣга, наоборотъ же— лѣтомъ, въ самое жаркое и душное время (май и іюнь), при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, идетъ съ градомъ и крупою дождь, становится такъ холодно, что пастухи въ степи, не захватившіе теплаго платья, замерзаютъ, недавно остриженныя овцы (ихъ обыкновенно стригутъ здѣсь въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ началѣ мая) гибнутъ цѣлыми тысячами: въ этомъ случаѣ овцы устремляются по направленію вѣтра, пока хватаетъ силъ, и, утомившись, падаютъ кучами и гибнутъ всѣ до единой. Отъ цѣлой отары овецъ остаются лишь кучи бѣлѣющихъ костей, тянущихся на десятокъ и болѣе верстъ въ одномъ направленіи. Немало гибнетъ также въ это время телятъ, жеребятъ и даже лошадей всѣхъ возрастовъ. Нужно замѣтить, что только-что явившійся на свѣтъ жеребенокъ переноситъ даже сорокаградусный сухой холодъ, но не можетъ перенести продолжительной сырости или даже суточнаго дождя съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ. Весьма интересный видъ представляетъ въ это время долина, гдѣ развелось много сусликовъ, гдѣ вся земля покрыта ихъ вертикальными норами. Суслики, залитые въ норахъ и дрожа отъ холода, выползаютъ наружу, но дождь засѣкаетъ ихъ, и они лежатъ, покрывая собою землю, словно войлокомъ, а въ иныхъ мѣстахъ — даже кучами. Если

Digitized by Google

дождь и холодъ продолжаются много дней, то суслики такъ и пропадаютъ,—степь на много лѣтъ освобождается отъ этихъ хищниковъ; если-же черезъ день, два дождь прекратится и проглянетъ солнце,—всѣ эти мертвецы начинаютъ позѣвывать, вздрагиваютъ и потягиваются; затѣмъ встанутъ пошатываясь и попрячутся въ норы.

По точнымъ метеорологическимъ наблюденіямъ извѣстно, что въ степяхъ дуютъ большіе вѣтры въ теченіе двухсотъ и болѣе дней въ году; тихихъ-же, совершенно безвѣтренныхъ дней бываетъ очень мало. Дожди бываютъ рѣдко, непродолжительные, но сильные. Это и дѣлаетъ степь чрезвычайно измѣнчивою: она иногда перемѣняетъ свой видъ много разъ въ одно лѣто или зиму. Такъ весною, вслѣдстіе обилія влаги и солнечнаго тепла, растительность развивается съ такою быстротою, что буквально „оглобля за ночь обростаетъ травою", т. е. выросшая за ночь трава скрываетъ въ себѣ лежащую на землѣ оглоблю. Но вотъ пахнулъ удушливый восточный вѣтеръ, свѣжая зелень быстро желтѣетъ, листва осыпается и обращается въ пыль, бурный вѣтеръ ломаетъ стебли и былинки травы; все—голо, печально, мертво. Въ это время въ рѣкахъ и источникахъ пропадаетъ вода; земля высыхаетъ и даетъ трещины и щели, какъ зимой отъ мороза; пыль, образовавшаяся отъ высохшихъ растеній и пересохшей въ золу земли, ложится толстыми слоями и кучами, подобно наметамъ и сугробамъ снѣга. Но стоитъ только подуть западному или южному вѣтру,—воздухъ становится влажнымъ, набѣгаютъ дождевыя тучи, и, подъ вліяніемъ благодатнаго дождя, степь быстро преображается: ее опять покрываетъ роскошная, изумрудно-зеленая трава, пестрѣющая всевозможными цвѣтами.

При такихъ условіяхъ климата и природы въ этой

Digitized by Google

сторонѣ, веденіе хозяйства хотя чрезвычайно выгодно, но для вполнѣ удачнаго веденія его требуется большая осмотрительность, сопряженная съ большими, безпрерывными тревогами и подавляющими заботами на каждомъ шагу. Нельзя не пожалѣть, что коренное мѣстное населеніе здѣсь не развито, въ большинствѣ случаевъ, даже и до половины той предусмотрительности и заботливости, какая тутъ необходима; напротивъ, оно на каждомъ шагу поражаетъ самою удивительною безпечностью. Большинство хозяевъ, какъ калмыковъ, такъ и русскихъ, не запасаются достаточнымъ количествомъ корма для скота даже и на одну зиму. Когда выпадаетъ сухое лѣто, трава вовсе не выростетъ (что въ десять лѣтъ бываетъ непремѣнно раза два и болѣе) и покоса дѣлать не приходится,— двѣ трети хозяевъ остаются совершенно безъ запасовъ, и зимой обязательно разыгрывается въ степяхъ страшная драма. Какъ на бѣду еще, зима послѣ сухаго и жаркаго лѣта всегда бываетъ особенно тяжелая—съ большими морозами, мятелями и вьюгами; наоборотъ-же, послѣ плодороднаго, благопріятнаго лѣта зима бываетъ легкая, почти безснѣжная, и хозяева весь годъ держатъ скотъ на подножномъ корму. Часто на слѣдующій годъ опять бываетъ урожай травы, но тѣ изъ хозяевъ, у которыхъ остался кормъ отъ предъидущей зимы, часто и не думаютъ производить покоса, чтобы запастись двойнымъ количествомъ корма на зиму. Изъ калмыковъ многіе такъ удивительно безпечны и лѣнивы, что вовсе не заготовляютъ сѣна, надѣясь и въ продолжительную, суровую зиму прокормить скотъ то камышемъ лимановъ, то бурьяномъ, то вѣтками тростника и т. п. Зимою-же, не находя даже и этого корма и видя неминуемую гибель своего скота, калмыкъ, поправляя на головѣ свою махлу (шапка съ

Digitized by Google

ушами изъ лисьяго или волчьяго мѣха), говоритъ:—„Эхъ, я бы теперь косилъ! Шубу-бы снялъ да косилъ!“ Но приходитъ лѣто—и онъ опять не коситъ. Райское лѣтнее время (для калмыка рай — ничегонедѣланіе, покой, нирванна) заставляетъ его забыть бѣдствія, пережитыя зимою, и онъ опять блаженствуетъ въ кибиткѣ, лежа на койкѣ или сидя предъ дымящимся среди кибитки огонькомъ, куритъ трубку и пьетъ раку дома, а не то ѣдетъ ради этого къ сосѣду.

Большое значеніе имѣетъ тутъ также топливо. Обыкновенно топятъ въ степяхъ камышемъ, бурьяномъ и соломой, но больше всего кизякомъ, получаемымъ изъ скотскаго навоза, который вырѣзаютъ плитами на базахъ лѣтомъ, или лѣпятъ въ особыхъ станкахъ въ формѣ кирпичей. Собираютъ также скотскій пометъ по степямъ въ сухое, благопріятное время года. Но случается, что въ иной годъ запастись топливомъ бываетъ совсѣмъ невозможно, запасовъ же этого продукта также какъ и корма для скота, не дѣлается, — и вотъ для степняковъ опять страшное бѣдствіе. Это обыкновенно бываетъ въ тѣ именно годы, когда до половины лѣта царитъ засуха, хлѣбъ погибаетъ, трава не выростаетъ, не выростаютъ также камышъ и бурьянъ, которые могли бы послужить топливомъ. Въ началѣ второй половины лѣта, съ іюня, когда обыкновенно заготовляютъ кизячное топливо, начинаются дожди и сырость до осени, такъ что нельзя запастись топливомъ. Цѣна на этотъ продуктъ необыкновенно возрастаетъ, но его все-же почти никто не продаетъ. Многіе хозяева такъ нуждаются, что сжигаютъ все, что есть у нихъ деревяннаго. Прежде всего, жгутъ вѣтряныя мельницы, у кого онѣ есть, затѣмъ—телѣги, какъ не нужныя зимой, базы, избы и проч. Калмыки въ такихъ случаяхъ

Digitized by Google

сжигаютъ свои жилыя кибитки, и сходятся въ одну кибитку по два, по три и болѣе семействъ.

Случается и такъ, что заготовлено достаточное количество корма для скота и топлива, но все это находится въ полѣ, около хлѣбныхъ токовъ и лѣтнихъ стоянокъ; между тѣмъ выпадаетъ такой снѣгъ, что ни на волахъ, ни на лошадяхъ, ни пѣшкомъ нельзя добраться до этихъ запасовъ, такъ что корма припасено много, а скотъ все-же гибнетъ отъ безкормицы. Но у предусмотрительнаго хозяина, ведущаго свое хозяйство толково, есть выходъ изъ такой бѣды. Все спасеніе въ такихъ случаяхъ въ верблюдахъ, безъ которыхъ рѣшительно нельзя въ этой мѣстности обходиться во многихъ случаяхъ. Эти животныя, благодаря высотѣ ногъ и ширинѣ ступни, не боятся никакого снѣга. Они по снѣгу въ два аршина глубиною идутъ почти такъ-же свободно, какъ по чистому мѣсту. И вотъ ихъ-то, во время глубокихъ снѣговъ, и употребляютъ на перевозку сѣна. Обыкновенно подгоняютъ къ стогу сѣна верблюда, заставляютъ его лечь, поддѣвъ ему подъ брюхо бичеву, и, связавъ двѣ огромныхъ вязанки сѣна, перекидываютъ ихъ черезъ горбъ верблюда, такъ что одна вязанка съ одной стороны горба, а другая—съ другой. На эти вязанки кладутъ еще цѣлую копну сѣна, пудовъ 25, увязываютъ его и поднимаютъ верблюда. Если ему трудно встать, то пособляютъ иногда рычагомъ. Трудно нагруженному такимъ образомъ верблюду подняться, а ношу онъ непремѣнно донесетъ, не смотря на глубокій снѣгъ. Есть верблюды, поднимающіе такимъ образомъ до 100 пудовъ, но съ такой поклажей верблюдъ часто ложится отдыхать. Нагруженнаго сѣномъ верблюда можно вести въ поводу, а можно и сѣсть на него. Иногда можно встрѣтить въ степи цѣлые караваны съ сѣномъ.

Digitized by Google

Верблюды тихо, твердымъ шагомъ идутъ одинъ за другимъ по глубокому снѣгу, а погонщики лежатъ въ разныхъ положеніяхъ на высокихъ горахъ навьюченнаго на нихъ сѣна. Иногда караванъ,—спѣша, чтобы спасти погибающій гдѣ-нибудь вдали скотъ,—не смотря на глубокій снѣгъ, бѣжитъ рысью; въ такомъ случаѣ верблюды издаютъ громкій, верстъ на пять кругомъ слышный крикъ, похожій на крикъ стаи лебедей.

Принимаясь за дѣло на новомъ мѣстѣ, П. И. Волга прежде всего познакомился съ хозяйственнымъ состояніемъ края, сдѣлавъ съ этою цѣлью нѣсколько отдаленныхъ поѣздокъ по калмыцкимъ степямъ и затѣмъ уже принялся за дѣло. У него въ это время было, сказано выше, триста ульевъ пчелъ, пятьсотъ овецъ, плугъ воловъ, до пяти десятковъ головъ гулеваго рогатаго скота и пять тысячъ рублей наличными деньгами, взятыми имъ заимообразно изъ хозяйственнаго капитала министерства государственныхъ имуществъ. На новомъ мѣстѣ пасѣку свою, приносившую въ хорошій годъ до 1,500 руб. чистаго дохода, онъ оставилъ въ прежнемъ видѣ, помѣстивъ ее въ удобномъ луговомъ мѣстѣ, насадивъ кругомъ клену и насѣявъ разныхъ медоносныхъ растеній. Пополняя хозяйство, онъ прикупилъ еще плугъ воловъ, до десятка коровъ, нѣсколько десятковъ телятъ, сто овецъ ярокъ, двухъ верблюдовъ (самца и самку, чтобы они и работали и плодились), табунъ лошадей изъ шестидесяти матокъ-кобылицъ и четырехъ производителей-жеребцовъ. Онъ покупалъ для хозяйства только молодыхъ животныхъ, держась правила, которое довольно часто повторяетъ и З. А. Земля: „На молодой скотинѣ никогда убытку не будетъ: молодую купи, а старую хвали да съ базу на продажу гони“. Петру Ивановичу

Digitized by Google

удалось на первыхъ порахъ купить у калмыцкихъ гелюновъ (*) телятъ по цѣнѣ отъ 4-хъ до 6-ти руб., что онъ продолжалъ дѣлать и въ послѣдующіе годы. Во многихъ хурулахъ гелюны сами не ведутъ никогда хозяйства, между тѣмъ держатъ лѣтомъ по десятку и болѣе коровъ, которыхъ на зиму передаютъ кому-нибудь пасти и, если окажется нужнымъ, кормить; телятъ же отъ этихъ коровъ они большею частію продаютъ. Продаютъ они также и тѣхъ телятъ, которыхъ въ значительномъ количествѣ ежегодно жертвуютъ имъ прихожане за исполненіе требъ. Такихъ-то телятъ и купилъ у гелюновъ Волга. Онъ у нихъ-же покупалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока продолжалъ обзаводиться хозяйствомъ, цѣлыми десятками жеребятъ отъ тѣхъ кобылицъ, которыхъ гелюны покупаютъ каждую веснупо десятку, по два на хурулъ, держатъ для кумыса, а на зиму или продаютъ или рѣжутъ на мясо. У нихъ можно купить жеребятъ хорошей породы по цѣнѣ около десяти рублей, которые часто черезъ годъ уже идутъ по сту рублей и дороже. Вообще же купить въ степяхъ хорошаго завода молодую лошадь очень трудно. Въ табунахъ обыкновенно огуломъ продаются молодыя лошади ремонтерамъ или купцамъ, партіей—весь приплодъ извѣстнаго года, то есть годовики или третьяки и далѣе, полагая двѣ, три штуки браку на сотню головъ. Цѣны обыкновенно отъ 75 руб. сер. до 120 за голову. Но если попробовать купить у коннозаводчика жеребенка, хотя-бы еще сосущаго мать, то онъ не отдастъ его и за полтораста, двѣсти руб., такъ какъ въ такомъ случаѣ предполагаетъ, что покупателемъ выбирается лучшій жеребенокъ, который можетъ

*) Гелюнъ—духовное лицо у калмыковъ, жрецъ.

Digitized by Google

въ будущемъ скрасить всю партію и поднять ея цѣну. Въ табунахъ жеребята цѣнятся почти такъ же, какъ и взрослыя уже лошади. Принимается, конечно, во вниманіе и то, отъ какой матки и жеребца жеребенокъ. По калмыцкому обычаю, жеребенокъ высоко цѣнится даже и тогда, когда онъ еще не успѣлъ явиться на свѣтъ. Поэтому, если кто-нибудь причинитъ какимъ-нибудь образомъ чужой кобылицѣ такой вредъ, что она выкинетъ жеребенка, то виновный платитъ хозяину кобылицы за выкинутаго жеребенка столько, сколько стоитъ жеребецъ, въ косякѣ котораго ходила пострадавшая матка. Если отецъ выкидыша не извѣстенъ, то виновный платитъ за него столько, сколько стоитъ мать.

Съ землею для веденія хозяйства П. И. Волга устроился по существующему тамъ обычаю и порядку. Минуя на первый разъ земли частныхъ владѣльцевъ, онъ поселился на вольныхъ еще въ то время калмыцкихъ степяхъ. Подобно многимъ другимъ мѣстнымъ хозяевамъ, онъ заключилъ съ однимъ калмыцкимъ обществомъ условіе, по которому имѣлъ право: поселиться въ извѣстномъ мѣстѣ; пахать землю, гдѣ захочетъ и сколько успѣетъ двумя или тремя плугами; пасти до ста штукъ рогатаго скота, тысячу и болѣе штукъ овецъ, а также имѣть сѣнокосъ, сколько пожелаетъ пасти скотъ и овецъ съ весны до 1-го сентября только въ извѣстныхъ мѣстахъ, назначенныхъ для того; съ 1-го же сентября и въ теченіе зимы имѣть попасы, гдѣ сочтетъ для себя удобнымъ, на всемъ пространствѣ калмыцкихъ юртовъ. За все это онъ, по условію, долженъ былъ платить калмыкамъ 100 руб. въ годъ и, кромѣ того, долженъ былъ въ удобныхъ мѣстахъ устроить для себя два пруда, съ тѣмъ чтобы и калмыки безпрепятственно пользовались изъ нихъ водою.

Digitized by Google

Подъ попасъ табуна въ тѣхъ мѣстахъ даже и теперь еще всякому желающему можно получить землю даромъ. Въ одной изъ описываемыхъ губерній, при обиліи свободныхъ казенныхъ степей, было обращено правительствомъ особенное вниманіе на разведеніе лошадей. Поэтому въ губерніи этой существуютъ такія правила, что всякій, желающій заняться коневодствомъ и заявившій объ этомъ правительству, получаетъ въ свое распоряженіе 2,400 десятинъ удобной земли, если только купитъ и представитъ для осмотра особому приставу 60 кобылицъ, годныхъ для приплода, и 4-хъ къ нимъ жеребцовъ. Кто пожелаетъ имѣть два такихъ участка земли, тотъ долженъ купить 120 кобылицъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ жеребцовъ. Участковъ этихъ можно имѣть сколько угодно. Черезъ 4 года на каждомъ участкѣ должно быть съ приплодомъ лошадей 200, и въ этой нормѣ хозяинъ долженъ держать ихъ въ теченіи всего времени владѣнія землей. Землю онъ можетъ и пахать, сколько потребуется ему на хозяйственный обиходъ, а также разводить тутъ овецъ и рогатый скотъ сколько пожелаетъ, но отнюдь не стѣсняя табуна. За каждый участокъ въ 2,400 десятинъ коннозаводчикъ платитъ въ казну по 72 руб. сер., т. е. по 3 коп. за десятину. Если онъ не соблюдаетъ установленныхъ условій относительно содержанія лошадей, если лошадей у него не полное число (можно, впрочемъ, на время осмотра пригонять въ табунъ чужихъ лошадей, даже затавривъ ихъ своимъ тавромъ такъ, что присмолится только шерсть, на тѣлѣ же не будетъ и слѣда тавра), то земля у него отбирается. Петръ Ивановичъ въ первый же годъ обзаведенія хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ купилъ по случаю, и весьма дешево, болѣе 60 кобылицъ и 4-хъ жеребцовъ,

Digitized by Google

и получилъ 2,400 десятинъ прекраснѣйшей цѣлинной земли. Теперь же у него, при табунѣ въ 4,000 головъ, состоитъ во владѣніи казенной земли 20 коннозаводскихъ участковъ, т. е. 48,000 десятинъ, не считая нѣсколькихъ тысятъ десятинъ неудобной земли.

Всѣ обстоятельства сложились для П. И. Волги какъ нельзя болѣе счастливо. Въ то время цѣна на рогатый скотъ, лошадей и овецъ стояла низкая, и это дало ему возможность дешево прикупить требуемое количество скота для приплода. Затѣмъ, во время обзаведенія имъ хозяйствомъ, два года сряду были весьма урожайные на хлѣбъ и траву. Два плуга его, отданные въ работу изъ-полу принятымъ имъ къ себѣ на землю крестьянамъ, отлично работали, и посѣвъ хлѣба у него давалъ блестящіе результаты. Между тѣмъ въ оба эти года главнѣйшею заботою его было заготовленіе запасовъ топлива и сѣна, какъ предметовъ первѣйшей важности. Такъ какъ онъ былъ новый хозяинъ и у него не могло быть занавоженныхъ базовъ, то, для изготовленія кизяка станками, онъ купилъ нѣсколько базовъ у сосѣдей, другіе же просто даромъ отдавали ему заваленные навозомъ базы, лишь-бы только онъ очистилъ ихъ. Благодаря этому, онъ заготовилъ большіе скирды топлива. Сѣна онъ накашивалъ въ оба эти года въ десять разъ больше того, сколько требовалось для его скота. Между тѣмъ рогатый скотъ кормился у него соломой, да и той выходило не много, вслѣдствіе мягкости зимъ; сѣно же почти все было цѣло, такъ какъ въ эти двѣ зимы овцамъ и лошадямъ оно вовсе не требовалось; кормить имъ приходилось только телятъ да захудалыхъ или безматочныхъ, закупленныхъ на сторонѣ жеребятъ. Такъ, къ началу третьяго года Петръ Ивановичъ имѣлъ у себя сѣна, запасеннаго въ удобныхъ

Digitized by Google

мѣстахъ, до двадцати тысячъ копенъ. Оно стоило ему около 5,000 руб., такъ какъ косьба и уборка копны обходилась по 20—25 коп.

Лѣто же третьяго года, вслѣдствіе засухи, было неурожайное на хлѣбъ и траву, и къ концу его страшная тревога овладѣла мѣстнымъ населеніемъ. Всѣ калмыцкіе бакши и гадатели, на вопросъ: „откуда будетъ зима?"— въ одинъ голосъ отвѣчали: „съ востока и Сибири!" Это поражало всѣхъ, какъ громомъ. Дѣйствительно, положеніе большинства хозяевъ было ужасно. Сѣна и соломы въ запасѣ не было; между тѣмъ всѣ признаки указывали на то, что зима предстоитъ безпримѣрно тяжелая, лютая. Шерсть у рогатаго скота, овецъ и даже лошадей выростала въ космы и лохмы; пуху у козъ, лисицъ и волковъ было вдвое болѣе обыкновеннаго; зайцы были необыкновенно жирны; мыши устраивали гнѣзда къ зимѣ только на высокомъ бурьянѣ, аршина два отъ земли; гнѣзда ежей были входомъ на югъ, и т. д. Всѣ эти признаки грозили бѣдою. Наиболѣе рѣшительные изъ хозяевъ, не имѣвшихъ запасовъ, спѣшили сбыть весь скотъ за баснословно дешевую цѣну, а если и оставляли у себя кое-что, то лишь въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ были увѣрены прокормить. Многіе изъ хозяевъ, забравъ весь скотъ, откочевали далеко на югъ—къ Кубани и Кавказскимъ горамъ, такъ какъ тамъ и въ самыя суровыя зимы бываетъ теплѣе да и корму закупить легче. Всѣ готовились къ тяжелой борьбѣ съ могучимъ, всесильнымъ врагомъ; готовился къ ней и П. И. Волга. Онъ свозилъ сѣно въ наиболѣе удобные пункты; городилъ базы для овецъ и скота въ наиболѣе высокихъ мѣстахъ, куда можно было бы перегнать скотъ въ случаѣ заноса снѣгомъ обыкновенныхъ базовыхъ мѣстъ въ затишныхъ низинахъ; къ де-

Digitized by Google

сятку уже бывшихъ у него ѣздовыхъ верблюдовъ онъ прикупилъ еще десятокъ и приказалъ учить ихъ ходить подъ вьюкомъ. Самыя дальнія мѣста своихъ попасовъ, на восточную сторону, оставилъ нетронутыми, въ разсчетѣ на самое тяжелое время зимы и бурь; рогатый же скотъ, овецъ и лошадей пасли только на западъ и югъ отъ жилья. Разсчетъ былъ дѣльный и вѣрный. Держать табуны и скотъ во время бурной зимы на востокъ отъ жилья—это означаетъ иначе обезпечить себя отъ потерь: если животныя, во время зимней пастьбы, не въ состояніи будутъ устоять противъ бури и начнутъ отступать по направленію вѣтра, то все-же они будутъ подвигаться къ жилью, гдѣ на долгое время могъ найтись кормъ, а также и защита въ базовыхъ затинахъ. Словомъ, все было предусмотрѣно.

Вотъ, наконецъ, настала и со страхомъ ожидавшаяся зима. Сначала она была довольно сносна: ноябрь и декабрь прошли благополучно. Снѣгъ былъ небольшой и мягкій, такъ что лошади и овцы свободно пользовались подножнымъ кормомъ; даже рогатому скоту приходилось давать кормъ только на ночь, при загонѣ его въ теплые базы. Но въ половинѣ января снѣгу прибавилось, случилась гололедица, снѣгъ затвердѣлъ сверху, и овцамъ стало совсѣмъ невозможно быть на подножномъ корму; даже и лошади уже паслись съ большимъ трудомъ,—имъ приходилось копытами пробивать обледенѣлый снѣгъ, чтобы добыть кормъ. Заботливые хозяева, какъ, напримѣръ, Волга, чтобы не дать табунамъ ослабѣть, выбиться изъ силъ, хотя и продолжали держать ихъ на подножномъ корму, но по временамъ давали имъ сѣна. Самое лучшее, конечно, было-бы, если-бы настала оттепель, размягчила-бы и уничтожила ледяную кору. Но этого не

Digitized by Google

случилось; морозы все время стояли крѣпкіе. Въ концѣ же февраля наступило то именно, чего ожидали по примѣтамъ еще въ началѣ зимы. Сначала загудѣли особеннымъ образомъ бугры и курганы, потомъ повалилъ хлопьями снѣгъ, подулъ сильный, сѣверо-восточный, холодный сибирскій вѣтеръ и началась буря. продолжавшаяся ровно девять дней. Даже самые давніе сторожилы не могли припомнить болѣе двухъ, трехъ такихъ лютыхъ зимъ. Вьюга засыпала всѣ неровности въ степяхъ, равняла бугры съ буераками и логами, взметала цѣлыя горы снѣгу, крутила и била сверху, снизу и со всѣхъ сторонъ. Смѣло можно сказать, что въ одну эту зиму мѣстность опустѣла по крайней мѣрѣ на двѣ трети всего своего живаго населенія. Буря подхватила табуны лошадей и ватаги овецъ, съ невѣроятною силою погнала ихъ впередъ, по направленію вѣтра. Чѣмъ сильнѣе дулъ холодный вѣтеръ, тѣмъ быстрѣе неслись впередъ табуны и двигались, какъ вода, ватаги овецъ, не разбирая дороги и препятствій. Все это безвозвратно погибло то въ незамерзшихъ соляныхъ озерахъ и лиманахъ, то въ Азовскомъ морѣ, едва покрытомъ тонкимъ льдомъ, то въ буеракахъ, набитыхъ вровень съ буграми снѣгомъ. Само собою разумѣется, что путь отступленія животныхъ на десятки верстъ также усѣянъ былъ трупами, гдѣ въ-одиночку, гдѣ кучками. Многіе изъ хозяевъ загоняли табуны въ затишныя мѣста балокъ и буераковъ, но тамъ ихъ заваливало снѣгомъ и они погибали; другіе загоняли въ базы, но и базы также заваливало снѣгомъ. Кромѣ того, лошади, не привычныя къ базу, не видавшія во всю свою жизнь никакой изгороди, бились о заборы и стѣны, мяли другъ друга, страшно потѣли и гибли. Удерживаемыя на волѣ, около жилья, въ затишныхъ мѣстахъ, лошади и

Digitized by Google

овцы также въ большинствѣ случаевъ не всѣ оставались цѣлы: часть ихъ, на которую доставало защищеннаго мѣста оставалась невредимою, остальныхъ же, т. е. незащищенныхъ, подхватывала буря и угоняла безслѣдно. Уцѣлѣла вполнѣ лишь часть изъ тѣхъ табуновъ и овечьихъ ватагъ, которые передъ бурей были въ степи на полосѣ хорошихъ попасовъ, при которыхъ было не менѣе трехъ чередовавшихся перемѣнъ табунщиковъ и караульныхъ и къ которымъ подвозили на волахъ или верблюдахъ сѣно и солому; но и ихъ, однако, буря далеко отбросила отъ тѣхъ мѣстъ гдѣ они находились при началѣ ея.

Рогатый скотъ пострадалъ сравнительно меньше овецъ и лошадей. Онъ большею частію, при началѣ бури, былъ при жильяхъ; скотъ же, застигнутый въ степи, за рѣдкими исключеніями воротился домой благополучно. Вообще, рогатый скотъ во время бури и всякой другой опасности обнаруживаетъ больше смѣтливости, чѣмъ лошади и овцы. Въ такомъ случаѣ, онъ непремѣнно направляется къ дому, хотя-бы и противъ вѣтра. Стадо выстраивается въ стройную колонну. Впереди идутъ самые сильные и господствующіе надъ стадомъ быки, идутъ по три, по четыре и болѣе въ рядъ, смотря по составу стада; за ними идутъ коровы посильнѣе и, наконецъ, слабѣйшая часть стада. Быки, идя противъ вѣтра, по глубокому снѣгу, мотаютъ головами, съ облѣденѣлыми шеями и мордами; на груди у нихъ и между переднихъ ногъ понамерзаютъ большія льдины и трутъ имъ ноги до ранъ и крови; но они только сопятъ, мычатъ особеннымъ образомъ и идутъ напроломъ... Бѣда, если стадо найдетъ въ пути на скользкій ледъ или на буеракъ, занесенный снѣгомъ, и загрузнетъ: тогда оно погибло. На льду первыми упадутъ,

Digitized by Google

разодравъ ноги и поломавъ копыта, передніе тяжелые быки; за ними распластается и погибнетъ бо́льшая половина стада и лишь немногія уцѣлѣютъ.

Волга перенесъ бурю вполнѣ благополучно. Мало того: онъ еще отбилъ у свирѣпаго врага богатую добычу. Лошадей своихъ, которыхъ у него было въ это время около трехсотъ, онъ держалъ въ открытой степи, приставивъ къ нимъ достаточное число табунщиковъ. Онѣ находились у него на мѣстахъ, гдѣ лѣтомъ не была сбита трава, и, не сморя на бурю, доставали себѣ кормъ. Кромѣ того, у него тутъ-же, недалеко, было запасено сѣно, подвозившееся къ табуну на нѣсколькихъ парахъ воловъ. Табунщики также не бѣдствовали у него; они были снабжены всѣмъ необходимымъ и, кромѣ того, имъ ежедневно возили пищу. Рогатый скотъ онъ держалъ при жильѣ на волѣ, гдѣ ему давали кормъ; только телята загонялись въ теплыя кашары. Съ овцами было больше всего хлопотъ. Сначала ихъ держали въ нижнемъ базу; когда же базъ стало заносить снѣгомъ, — ихъ перегнали на базъ съ высокими стѣнами изъ дерна, гдѣ держались въ зимнее время захудалыя лошади и рогатый скотъ; но и тутъ овецъ стало засыпать. Тогда ихъ помѣстили въ базъ, устроенный на самый крайній случай, въ разстояніи версты отъ жилья, на высокомъ, открытомъ для вѣтра бугрѣ. Тамъ изъ досокъ и бревенъ устроили прочную загородь, гдѣ овцы могли быть въ совершенной безопасности отъ заноса снѣгомъ. Столбы тутъ закапывались въ землю на два аршина и болѣе, иначе сильные порывы вѣтра могли бы выворачивать ихъ. Загородь была сдѣлана только съ трехъ сторонъ: со стороны, обращенной къ вѣтру, и съ боковъ; сторона же подвѣтренная была оставлена открытою. Сторона обращенная къ вѣтру, была

Digitized by Google

сдѣлана изъ досокъ вышиною аршинъ 6-ть. Это необходимо было для того, чтобы буря, перенося черезъ нее снѣгъ, поднимала его высоко и перебрасывала на далекое разстояніе, саженъ на тридцать, гдѣ онъ и ложился огромнымъ, отвѣснымъ сугрубомъ. Мѣсто между сугрубомъ и стѣною оставалось свободнымъ, такъ что здѣсь не было ни одной снѣжинки. Здѣсь овцамъ выдавался кормъ, и онѣ были въ теплѣ и безопасности. Стѣны были сколочены изъ досокъ, плотно пригнанныхъ одна къ другой и, кромѣ того, обложенныхъ съ наружной стороны камышомъ и соломой. Овцы, такимъ образомъ, были защищены отъ холоднаго вѣтра; сверху на нихъ не падалъ снѣгъ, не набивался имъ въ шерсть и онѣ не мокли, какъ это обыкновенно бываетъ въ такое время, когда овцы стоятъ въ обыкновенныхъ базахъ и сараяхъ.

Не обошлось, впрочемъ, и въ хозяйствѣ Волги безъ нѣкоторыхъ потерь и несчастій. Его стадо рогатаго скота было застигнуто бурей далеко отъ жилья. Хотя оно къ вечеру того-же дня и пришло домой, но въ немъ не оказалось лучшаго заводскаго быка, а также и пастуха, молодаго парня изъ калмыковъ. Весной быкъ и пастухъ были найдены замерзшими верстахъ въ семи отъ дома. Насколько можно было судить, погибшій быкъ по дорогѣ взошелъ на ледъ, поскользнулся, упалъ и вывихнулъ себѣ ногу. Пастухъ остался при немъ и усиливался поднять его, но уморившись, желая согрѣться, легъ около быка и замерзъ. Былъ еще и такой случай. Двое изъ лучшихъ ѣздовыхъ верблюдовъ были забыты у стѣны овечьяго база; въ какіе-нибудь десять часовъ ихъ засыпало снѣгомъ, навалило на нихъ сугробъ саженъ въ двадцать высотою. Верблюды были старые; они, конечно, не допустили бы себя до этого, если-бы не были привязаны.

Digitized by Google

Всѣ считали ихъ погибшими; но, къ удивленію, весной, когда растаялъ снѣгъ, они оказались еще живыми, проведя полтора мѣсяца подъ снѣгомъ, но, конечно, исхудалыми и истощенными до крайности. Они съѣли конопляныя веревки, которыми были привязаны, изгрызли доски и столбы, бывшіе вблизи, и объѣли на себѣ шерсть, такъ что весь передъ и бока у нихъ были оголены.

Между жителями степей весьма распространены глазныя болѣзни, особенно между калмыками. Главная причина глазныхъ болѣзней—вѣтры, жара и сухость воздуха лѣтомъ, бури и снѣжныя мятели зимою. Пастухи обыкновенно или теряютъ зрѣніе на нѣсколько недѣль, или оно у нихъ до такой степени разстраивается, что имъ все кажется въ превратномъ видѣ: малое — большимъ, большое—малымъ, близкое—далекимъ и т. д, Петръ Ивановичъ, еще задогло до бури, запасся нѣсколькими десятками особыхъ, предохранительныхъ очковъ. Поэтому какъ онъ самъ, такъ и всѣ люди его, работавшіе въ степи во время бури, были спасены отъ глазной болѣзни: тогда какъ всѣ сосѣди, кому тоже пришлось бороться съ бурей, цѣлый мѣсяцъ потомъ лишены были способности видѣть: ихъ водили подъ руки, они не могли переносить свѣта и огня.

Чего только не надѣлала въ степяхъ въ этотъ разъ буря! Атары овецъ были у многихъ хозяевъ и дóма, въ базахъ, но были засыпаны снѣгомъ, вмѣстѣ съ базами и сараями и погибли. Сараи отъ тяжести снѣга обрушились давили все, что въ нихъ было. Послѣ бури ихъ откапывали и нѣкоторыхъ животныхъ находили еле живыми. Многіе, видя, что овецъ заваливаетъ снѣгъ, выгоняли ихъ изъ базовъ и держали при жильѣ, но не могли

Digitized by Google

удержать,—ихъ угоняло вѣтромъ. Цѣлыя громадныя состоянія погубила буря и разбросала по степи въ видѣ труповъ.

Лошади въ бурю прятались въ буераки, балки и подъ крутые косогоры, но ихъ тутъ засыпало снѣгомъ. Весною находили погибщихъ лошадей тѣсною кучкой — гдѣ косяки лошадей, гдѣ цѣлый табунъ. Тутъ-же лежали трупы сайгаковъ, зайцевъ, полевыхъ мышей и другихъ животныхъ. Жители весной съ возами ѣздили по степи, сдирали съ труповъ кожи, выпарывали изъ матокъ ягнятъ и жеребятъ. Много послѣ нашили яргаковъ, шубъ и др. платья.

Всѣ населенные пункты казачьи и крестьянскіе, лежащіе на юго-западъ отъ степи, къ берегамъ Азовскаго моря, были во время бури биткомъ набиты лошадьми, овцами и рогатымъ скотомъ. Многіе хозяева находили тутъ послѣ бури остатки своихъ табуновъ и ватагъ и рады были, если оставалась десятая, двадцатая часть. Немало хозяевъ поплатились жизнью, спасая свое имущество; иные смѣло шли на всякую опасность, выносили невѣроятные труды и лишенія, но напрасно. Одинъ изъ хозяйствовавшихъ по сосѣдству съ Волгою купцовъ, пріѣхавъ въ бурю на свою кашару и узнавъ, что ватага его вырвалась изъ-подъ присмотра работниковъ и ушла подъ бурю, тотчасъ велѣлъ наложить около десятка возовъ сѣна и ѣхать въ слѣдъ за нею. Понятно, нельзя было и думать догнать ватагу на волахъ, съ тяжелыми возами, но купецъ рѣшился бороться азартно, до послѣдней крайности. Работники, выѣхавъ въ степь и видя, что дороги нѣтъ и нельзя ѣхать по причинѣ глубокихъ снѣжныхъ наметовъ, отказались служить и воротились домой. Тогда хозяинъ пошолъ одинъ въ слѣдъ за вата-

Digitized by Google

гой, безъ всякаго запаса, пошелъ на явную смерть. Долго шелъ онъ по пути, устланному оставшими и павшими овцами, но наконецъ сбился съ дороги, долго блуждалъ и, по счастливой случайности, наткнулся на кибитку какого-то калмыка, который и привезъ его обратно домой, взявъ за это неслыханную плату.

Особенно памятна гибель въ эту зиму хозяйства знаменитаго нѣкогда коннозаводчика, помѣщика Скачкова. Самъ хозяинъ, за годъ передъ этимъ, умеръ, оставивъ имѣніе въ наслѣдство и распоряженіе молодой жены, не имѣвшей никакого понятія о хозяйствѣ. Поручивъ управленіе дѣлами прикащикамъ, молодая, богатая и бездѣтная вдова поселилась въ ближайшемъ губернскомъ городѣ и зажила весело, широко, беззаботно. На требованіе денегъ, для производства въ лѣтнее время покоса, она ничего не отвѣчала своему повѣренному а къ осени сама еще стала требовать отъ него денегъ. Зимой ей посылались письмо за письмомъ, телеграмма за телеграммой. Наконецъ, въ началѣ самой бури, она пріѣхала въ имѣніе, чтобы лично распорядиться хозяйствомъ. Пріѣхала она окруженная блестящею свитою гостей, порѣшивъ, между прочимъ, доказать, что съ умѣньемъ и въ степи можно жить весело. Во время самаго бѣдствія, нѣсколько разъ табунщики пріѣзжали къ хозяйкѣ съ заявленіями, что табуну нуженъ кормъ, что лошади гибнутъ и начинаютъ есть другъ друга; но каждый разъ она отсылала ихъ, говоря, что ей сегодня некогда, что она распорядится завтра. Самъ старикъ Скачковъ былъ опытный, твердый, энергическій хозяинъ и держался надежныхъ и вѣрныхъ людей. И при наслѣдницѣ всѣ табунщики были еще тѣ-же, что служили при самомъ хозяинѣ. Они мужественно бились съ бурей удерживая рвущійся подъ вѣтеръ табунъ, но были остав-

Digitized by Google

лены безъ всякой помощи. Табунщики питались только лошадинымъ мясомъ, прирѣзывая тѣхъ изъ лошадей, которыя уже погибали отъ голода и стужи. Ѣли они мясо сырое, согрѣвая его подъ сѣдлами на горячихъ спинахъ лошадей и помазавъ лошадинымъ потомъ и пѣной. Въ послѣднюю ночь главный табунщикъ еще разъ поѣхалъ къ хозяйкѣ, но у ней былъ балъ, весь домъ пылалъ огнями и она могла только сказать вѣрному калмыку: „Поди прочь! Ты видишь—мнѣ сегодня не до тебя!“ Между тѣмъ всѣ табунщики окончательно выбились изъ силъ и ослѣпли; къ утру этой ночи они ничего уже не могли дѣлать и пустили табунъ на произволъ судьбы. Лошади такъ ослабѣли, что не могли бѣжать, а шли подъ вѣтеръ шагомъ, напирая одна на другую. Вѣтеръ дулъ по направленію къ Скачковской усадьбѣ, и табунъ шелъ прямо къ хозяйскому двору, какъ нарочно, чтобы показаться хозяйкѣ передъ послѣднимъ своимъ издыханіемъ. Къ половинѣ того дня и буря утихла, небо прояснилось, сдѣлалась оттепель. Хозяйка проснулась послѣ бала часовъ въ 12 дня. Когда ей доложили, что табунъ подходитъ къ дому, она со своими гостями вышла на крыльцо. Табунъ подходилъ къ самому крыльцу. Такъ какъ во дворѣ не было ни клочка сѣна или соломы (всѣ дворовыя постройки были раскрыты и ободраны), купить корму негдѣ было, да и не на что, то лошадей и не думали удерживать при дворѣ. Онѣ шли мимо, но въ какомъ ужасномъ видѣ были эти породистыя, прекрасныя прежде, три тысячи лошадей!... Онѣ шли дрожащія, исхудалыя, истощенныя до-нельзя, съ взъерошенною шерстью, съ объѣденными хвостами и гривами. У нѣкоторыхъ шерсть во многихъ мѣстахъ была оборвана зубами другихъ лошадей вмѣстѣ съ кусками кожи. Нѣ-

Digitized by Google

которыя тутъ же падали и околѣвали. Видъ лошадей былъ такъ ужасенъ, что госпожа Скачкова, не смотря на все свое легкомысліе, заплакала. Такъ какъ у ней не было возможности спасти хотя-бы одну лошадь изъ всего громаднаго табуна, то она велѣла оповѣстить по всѣмъ ближнимъ поселкамъ крестьянъ и казаковъ, чтобы брали лошадей, кто сколько хочетъ, и ей потомъ возвратили весной хоть сотую часть.

Точно такъ-же погибла и ватага овецъ Скачковой. Когда настала буря, чабаны около сутокъ бились и кружили овецъ на одномъ мѣстѣ, а потомъ, будучи не въ силахъ и не ожидая ни откуда помощи, пустили ватагу подъ вѣтеръ. Овцы шли, за ними ѣхала арба, шли погибать вѣрные пастухи и собаки. Долго еще пастухи отворачивали овецъ отъ буераковъ и другихъ опасныхъ мѣстъ и такъ прошли около 70 верстъ. Наконецъ, переднія овцы загрузли въ крутой балкѣ, заднія пошли черезъ нихъ и тоже загрузли. Такъ остановилась ватага, остановилась арба. Если-бы буря вскорѣ прекратилась, то пастухи могли-бы спастись, спасли-бы они и часть ватаги, повытаскавъ овецъ изъ снѣга за шерсть, но буря продолжалась еще семь дней послѣ этого и—все погибло. Весною уже найдены были овцы, стоящія тѣсною стѣною въ снѣгу, и арба съ замерзнувшими пастухами и волами. Остались живы однѣ только собаки. Онѣ попрежнему стерегли мертвую ватагу, питаясь трупами, и не отлучались отъ мѣста своей службы до самаго лѣта, когда увезли съ поля арбу, за которою пошли и онѣ.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ погибающій табунъ Скачковой прошелъ мимо ея усадьбы, къ ней явился калмыкъ съ рябымъ, страшно корявымъ и безобразнымъ, сердитымъ лицомъ. Это былъ знаменитый

Digitized by Google

Эле Сенаторовичъ Емченовъ. Онъ, въ высокой лисьей калмыцкой шапкѣ и въ буркѣ, набитой снѣгомъ, съ нагайкой въ рукѣ, вошелъ прямо въ роскошную залу Скачковой и, не скрывая злобы и глубокаго презрѣнія къ хозяйкѣ и ея гостямъ, началъ рѣчь о цѣли своего посѣщенія. Въ нѣсколько секундъ онъ началъ и кончилъ со Скачковой торговую сдѣлку, купивъ у ней, отъ имени Волги, полторы тысячи головъ табуна. Если въ табунѣ окажется лошадей, могущихъ быть спасенными отъ гибели, больше этого числа, то за нихъ будетъ доплачена соотвѣтствующая сумма. Послѣ этого онъ выбросилъ Скачковой на столъ 4,500 руб., считая по 3 руб. за лошадь, и ускакалъ.

Буря совершенно утихла; солнце сіяло на небѣ. Табунъ Скачковой продолжалъ идти и погибать, хотя его уже и не гналъ вѣтеръ. Въ это время вдали за табуномъ показался караванъ штукъ въ 20 верблюдовъ, которые то шли шагомъ по глубокому снѣгу, то бѣжали рысью. Верблюды эти несли на своихъ горбахъ болѣе 500 пудовъ сѣна. На переднемъ верблюдѣ сидѣлъ, поверхъ сѣна, нѣмой Игнатъ. На лицѣ его и во всей фигурѣ выражались нетерпѣніе и страданіе, а глаза, кажется, пожирали пространство, отдѣлявшее караванъ отъ табуна. Тутъ-же были на другихъ верблюдахъ, Эле Емченовъ и самъ Волга. Дальше за караваномъ показывались одинъ за другимъ калмыки, призванные на помощь изъ ближнихъ хутуновъ и съ трудомъ пробиравшіеся верхами на лошадяхъ по глубокому снѣгу.

Какъ-только караванъ съ сѣномъ и сопровождавшіе его люди очутились впереди табуна,—началась сортировка. Отбирали и останавливали только тѣхъ лошадей, которыхъ была надежда спасти; остальнымъ же предо-

Digitized by Google

ставляли идти далѣе. Обреченіе на жизнь или смерть каждой лошади предоставлено было нѣмому Игнату. Онъ сталъ впереди табуна, и мимо него пропускали одну за другою всѣхъ лошадей. Каждую онъ окидывалъ взглядомъ, заглядывалъ ей въ глаза и—почти безошибочно однѣхъ обрекалъ на смерть, за другими признавалъ право жить. Отобранныхъ лошадей разбивали кучками штукъ по двадцати, тридцати, и кормили сѣномъ изъ рукъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ нихъ получила на первый разъ не болѣе двухъ фунтовъ, потому что если голодной лошади дать сразу много сѣна, то она непремѣнно околѣетъ. Такимъ образомъ спасено было болѣе 2,000 лошадей. Привезеннаго сѣна стало на два дня, а потомъ его подвозили. Затѣмъ табунъ повернули на мѣста, назначенныя съ лѣта для зимнихъ попасовъ; лошади начали бить копытами снѣгъ и доставать подножный кормъ. Послѣ этого вся опасность миновала, и табунъ зажилъ обычною жизнію.

Подобная-же операція была сдѣлана Волгою по пріобрѣтенію овецъ и лошадей въ другихъ мѣстахъ. Начало весны застало у него уже около 3,000 головъ табуна и такое-же количество овецъ. Послѣ бури, на другой-же день, снѣгъ размякъ и быстро сталъ исчезать, такъ что кормить скотъ дальше пришлось не болѣе одной недѣли. У Волги на продовольствіе бывшаго у него съ осени скота, а также и закупленнаго теперь—пошло не болѣе четверти его запасовъ корма, и онъ продалъ пятнадцать тысячъ копенъ одного сѣна. Онъ отдавалъ его и въ мѣну на овецъ и рогатый скотъ, но больше было продано за деньги. Цѣна-же на сѣно въ это время стояла неслыханно-высокая. Копна сѣна въ 10 саженъ продавалась по 10—12 руб., обыкновенная семисаженная

Digitized by Google

копна (три сажени черезъ верхъ и четыре кругомъ) шла по семи руб.; стоги сѣна, при огульной продажѣ, обходились по 1 р. 50 к.—2 рубля за кубическую сажень, такъ что стогъ въ 40 копенъ цѣнился въ 250—300 р., тогда какъ въ обыкновенныя зимы цѣна ему 15—20 рублей.

Послѣ этого Волга разомъ сталъ въ ряду первѣйшихъ хозяевъ и богачей той стороны, и нечего говорить, какъ пошли съ тѣхъ поръ его дѣла. Теперь онъ смѣло принялся за осуществленіе своихъ экономическихъ плановъ, — и прежде всего отъ него почувствовали тѣсноту хищные арендаторы земель. На обширное пространство вокругъ него хищниковъ какъ бурей снесло. Волга скупилъ огромное количество земли частію на наличныя деньги, частію разными другими сдѣлками, съ разсрочкою платежей на большое число лѣтъ. Онъ оставилъ казенную службу, но предварительно устроилъ бывшее въ его вѣдѣніи училище согласно своимъ видамъ и планамъ. По ходатайству его, оно было преобразовано изъ уѣзднаго въ сельско-хозяйственное и ремесленно-земледѣльческое. Курсъ его былъ расширенъ примѣнительно къ курсу земледѣльческихъ училищъ, но оно имѣетъ и нѣкоторыя особенности. Петръ Ивановичъ построилъ для училища удобное помѣщеніе, устроилъ при немъ общежитіе для калмыцкихъ дѣтей. Теперь училище стоитъ къ народу ужъ далеко не такъ, какъ прежде. Теперь калмыки ужъ не насильно, не по предписанію начальства и жребію отдаютъ дѣтей въ него, а везутъ ихъ добровольно. Являясь къ попечителю училища, т. е. къ П. И. Волгѣ, калмыкъ обыкновенно говоритъ: „Петръ Ивановичъ, бачка нашъ, это мой сынъ, маленькій Учуръ (по-калмыцки алмазъ),

Digitized by Google

сдѣлай изъ него человѣка!“ Бѣдныхъ Петръ Ивановичъ содержитъ на свой счетъ.

Училище Волга устроилъ не въ самой Н—ской слободѣ, а верстахъ въ семи отъ нея. Слобода построена еще помѣщикомъ, на высокомъ и глинистомъ косогорѣ, на берегу небольшой рѣчки съ горькосоленою водою. Помѣщикъ сдѣлалъ это для сбереженія болѣе удобной земли, и крестьяне не имѣютъ при домахъ ни огородовъ, ни садовъ. Они даже водой изъ рѣчки пользуются только для скота; сами же берутъ ее изъ колодцевъ, выкопанныхъ верстахъ въ трехъ отъ слободы, гдѣ у нихъ коекакіе и огородишки. Петръ Ивановичъ построилъ училище на принадлежащей ему плодоноснѣйшей равнинѣ, около широкаго лога съ богатыми родниками прекрасной прѣсной воды. Это даетъ возможность при каждой усадьбѣ имѣть рощу, садъ, цвѣтникъ, огородъ. Теперь здѣсь образовалось многолюдное и благоустроенное поселеніе „Школа“. Самое училище составляетъ первѣйшую заботу Петра Ивановича. Оно поставлено такъ, что всѣ обучающіеся въ немъ лучшіе ученики, тотчасъ по окончаніи курса, получаютъ въ управленіе фермы съ полнымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ и владѣютъ ими въ качествѣ арендаторовъ; черезъ нѣсколько же лѣтъ успѣшнаго управленія получаютъ ихъ, на особыхъ правилахъ и условіяхъ, въ вѣчную и потомственную собственность.

Кромѣ того, нужды и потребности мѣстнаго быта заставили Петра Ивановича предпринять много еще и другихъ дѣлъ, дающихъ уже и теперь въ экономическомъ отношеніи великіе результаты. По недостатку мельницъ, мука въ степяхъ обыкновенно цѣнится почти вдвое дороже зерна; бываютъ же и такіе годы, что ржаная, напримѣръ, мука доходитъ въ цѣнѣ до 3 руб. 50 коп. за

Digitized by Google

пудъ, тогда какъ въ то-же время мѣра ржи, вѣсомъ болѣе пуда, стоитъ всего 40 коп. Это побудило Петра Ивановича устроить паровую мукомольную мельницу о шести поставахъ, и она не только обмалываетъ теперь, въ нужныхъ случаяхъ, все населеніе верстъ на 200 кругомъ, но еще переработываетъ въ муку простаго и пеклеваннаго помола до 50 тысячъ четвертей пшеницы для сбыта во внутренніе города Россіи.

Прежде овечья шерсть сбывалась здѣсь промышленникамъ-скупщикамъ, которые брали ее по чемъ хотѣли. Не только крестьяне, но и крупные овцеводы, при нуждѣ въ деньгахъ на покосъ и другія полевыя работы, продавали шерсть по два рубля за пудъ, тогда какъ на рынкѣ цѣна ей стояла 6—7 рублей. Петръ Ивановичъ устроилъ мойку, гдѣ моетъ шерсть и потомъ отправляетъ ее на рынки внутреннихъ городовъ Россіи. Тутъ-же, при мойкѣ, онъ устроилъ для желающихъ складъ шерсти на коммисію. Сдающіе сюда шерсть получаютъ, во время сдачи, половину рыночной за нее цѣны, а потомъ, по отправкѣ шерсти и послѣ продажи ея, они получаютъ и другую половину, за вычетомъ коммиссіонныхъ 20%. Такимъ образомъ крестьяне, вмѣсто того, чтобы продать шерсть скупщикамъ и перекупщикамъ по 2 руб. 50 к. за пудъ, сдаютъ ее въ складъ и получаютъ за пудъ 3 р. 50 к., а потомъ, послѣ продажи шерсти по 7 руб. за пудъ, получаютъ еще, за вычетомъ 1 руб. 40 коп., 2 р. 10 к.

Цѣна на домашній скотъ, особенно же на овецъ, подвержена здѣсь большимъ колебаніямъ. Случается, что цѣна за овцу поднимается до 7 руб. и вдругъ черезъ какіе-нибудь полгода падаетъ до 1 руб. 50 коп., тогда какъ цѣна на сало, мясо и овчину не измѣняется. Чтобы край ничего не терялъ отъ такихъ колебаній, Петръ

Digitized by Google

Ивановичъ устроилъ салотопный заводъ, и относительно сбыта овецъ принялъ такую систему. Если цѣна на нихъ высокая, то онъ бьетъ на заводѣ только своихъ овецъ, да и то по выбору, а другую часть продаетъ; если же цѣна на овецъ падаетъ, то онъ не только бьетъ на сало всѣхъ своихъ овецъ, которыхъ не считаетъ выгоднымъ оставить на зиму, но еще и скупаетъ ихъ для этого по нѣскольку десятковъ тысячъ. Часто онъ, перебивъ всѣхъ своихъ овецъ, отдаетъ заводъ и всю посуду въ немъ сосѣднимъ овцеводамъ, которые и бьютъ на немъ своихъ овецъ.

По закону, во всѣхъ крестьянскихъ волостяхъ и казачьихъ станицахъ описываемой мѣстности должны быть, на случай голода, общественные хлѣбные магазины съ извѣстнымъ, по числу душъ населенія, количествомъ четвертей хлѣба. Хлѣбъ магазинный по большей части считался всегда въ недоимкѣ; то-же, что оставалось въ магазинахъ, страшно портилось, утекало въ щели, съѣдалось мышами и т. п. Да и самые магазины стоили очень дорого. Общества обязаны были строить ихъ по извѣстному плану; въ нѣкоторыхъ слободахъ и станицахъ по 4, по 5 магазиновъ, изъ которыхъ каждый стоитъ 5—9 тысячъ рублей. Ихъ нужно еще ежегодно ремонтировать, содержать караулъ при нихъ, сохранять хлѣбъ отъ порчи просушкой, страховать и проч. Волга заявилъ земству и подлежащему начальству, что будетъ навсегда держать для народа при паровой своей мельницѣ, въ устроенныхъ имъ для ссыпокъ громаднѣйшихъ лабазахъ, сто тысячъ четвертей хлѣба въ зернѣ и мукѣ, который будетъ отпускаться при всякомъ нужномъ случаѣ населенію двухъ сосѣднихъ со „Школою“ уѣздовъ, съ надбавкою 10% противъ той цѣны, по какой онъ имъ самимъ скупленъ.

Digitized by Google

Послѣ этого общественные хлѣбные магазины стали ненужны; общества обратили въ капиталъ какъ самые магазины, такъ и находившійся въ нихъ хлѣбъ.

Въ этой глухой мѣстности всегда былъ страшный недостатокъ въ мастеровыхъ и всевозможныхъ ремесленникахъ. Часто, при нуждѣ въ плотникѣ, напримѣръ, его нельзя было отыскать нигдѣ на разстояніи ста верстъ кругомъ; кожи для выдѣлки возили въ Ростовъ-на-Дону, Ставрополь, Астрахань или Царицынъ, т. е. за 300 и болѣе верстъ. Петръ Ивановичъ образовалъ во ввѣренномъ ему училищѣ ремесленные классы. Кромѣ того, онъ тутъ-же въ своемъ селѣ Школѣ, рядомъ съ училищемъ, устроилъ обширнѣйшія помѣщенія для веевозможныхъ мастерскихъ. Тутъ есть мастерскія: плотницкая, столярная, сапожная, шорная, кузня, ткацкая, портняжная, овчинная, кожевенный заводъ, валяльня войлоковъ и теплыхъ сапогъ и проч., и проч. Въ каждой мастерской работаетъ артель, состоящая изъ мастеровъ-товарищей, подмастерьевъ и учениковъ. Все это устроено на манеръ цеховъ. Каждый изъ окружныхъ жителей, какого-бы возраста онъ ни былъ, воленъ поступить въ какую ему угодно мастерскую, и его вездѣ обязаны принять. Для разныхъ возрастовъ установлена разная плата. Всѣ ремесленники—вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцы, имѣющіе въ окружности Школы землю и хозяйство. Они лѣтомъ большею частію работаютъ въ полѣ, а въ ремесленныя мастерскія начинаютъ сходиться къ осени, когда кому болѣе удобно.

Digitized by Google

VIII.

ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ БРАГА.

Василій Степановичъ Брага состоитъ лѣсничимъ казеннаго участка въ одной изъ юго-восточныхъ русскихъ губерній. Недавно онъ получилъ громаднѣйшее наслѣдство. Въ распоряженіи его оказалось вдругъ шестнадцать милліоновъ рублей наличнаго капитала, и случилось это какъ нельзя болѣе кстати. Можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, никогда еще деньги не попадали такъ на дѣло, и не оказывались такимъ могучимъ и благотворнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка, какимъ онѣ обѣщаютъ быть въ этотъ разъ.

Исторія доставшагося Брагѣ наслѣдства представляетъ яркія черты стариннаго русскаго экономическаго быта, и не можетъ не заслуживать нѣкотораго вниманія.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ и дѣйствовалъ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ юговосточнаго края откупщикъ, купецъ Демидъ Захаровичъ Хмѣль. Дѣятельность этого человѣка была необъятна. Онъ держалъ на откупу соляныя озера юговостока и доставлялъ соль въ Петербургъ и другіе внутренніе города, держалъ также на откупу продажу вина въ нѣсколькихъ губерніяхъ; откупалъ рыбныя ловли на всѣхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ только

Digitized by Google

они отдавались на откупъ; далѣе у него въ арендѣ были степи по Дону и въ Приволжьи; онъ торговалъ скотомъ, имѣлъ хлѣбныя конторы во всѣхъ портовыхъ городахъ Азовскаго моря и отправлялъ огромными массами хлѣбъ заграницу; скупалъ почти поголовно молодыхъ лошадей на Дону, а также во всѣхъ калмыцкихъ, киргизскихъ и туркменскихъ ордахъ, и держалъ лошадиное депо, откуда сдавалъ табуны для ремонта русской арміи и цѣлыми тысячами перегонялъ ихъ заграницу. Онъ имѣлъ, кромѣ того, нѣсколько винокуренныхъ заводовъ и вообще захватилъ въ свои руки всѣ самыя крупныя и выгодныя статьи промышленности. У него генералы служили прикащиками и получали жалованья десятки тысячъ рублей: въ конторахъ его принимали отъ повѣренныхъ деньги въ звонкой монетѣ и кредитныхъ билетахъ не счетомъ, а вѣсомъ, на пуды, связками и кипами.

Хмѣль былъ дѣдъ Браги по матери. По происхожденію своему онъ былъ хохолъ и смолоду былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ. Уроженецъ онъ былъ этого-же края и жилъ между 1780 и 1847 годами. Въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія на луганскомъ литейномъ заводѣ можно было видѣть хохла-крестьянина, возившаго тачкою о двухъ колесахъ, и запряженною однимъ воломъ, на заводъ песокъ, уголь и желѣзную руду. Это былъ Хмѣль. Будучи въ то время еще крѣпостнымъ, онъ состоялъ у помѣщика на оброкѣ. Въ 1812 году, во время войны съ французами, когда на русскихъ чугуннолитейныхъ заводахъ были усилены работы, по случаю заготовленія крѣпостныхъ принадлежностей и разныхъ боевыхъ снарядовъ, Хмѣль попалъ въ надсмотрщики за нагрузкой и отправкой чугунныхъ ядеръ къ западнымъ границамъ Россіи.

Съ завода требовалось далеко больше, нежели сколько

Digitized by Google

онъ успѣвалъ заготовить *). Поэтому ядра, пушки и все прочее чуть не горячими, прямо изъ формъ, клались на телѣги и увозились въ дѣйствующую армію къ Смоленску и другимъ пунктамъ. Нагружалось все, что успѣвали заготовить на заводѣ, гдѣ всѣ способы были пущены вь ходъ для усиленія дѣятельности. Каждый день употреблялось подъ кладь сотни телѣгъ, но извощиковъ, желавшихъ брать кладь, были цѣлыя тысячи. Они стояли кругомъ завода и другъ передъ другомъ старались добиться полученія выгоднаго извоза, такъ какъ цѣна была по рублю слишкомъ отъ пуда. Хмѣль воспользовался этимъ и каждый разъ при нагрузкѣ объявлялъ, что кто изъ извощиковъ желаетъ получить кладь прежде другихъ, долженъ свезти и его пудъ. Всякій радъ былъ это сдѣлать, лишь-бы не стоять при заводѣ лишнихъ два-три дня, а не то и цѣлую недѣлю: не терять времени и не тратиться на харчи себѣ и лошади. Ежедневно, за отправленные пуды, цѣлыя пригоршни рублей всыпались въ карманы хохлацкихъ штановъ Хмѣля, а къ концу войны у него оказалось ни больше, ни меньше, какъ тысячъ 50 рублей. Хмѣль послѣ этого выкупился у барина на свободу, сдѣлался купцомъ и пустился въ откупа, и дѣла его быстро пошли въ гору.

Умеръ Хмѣль во всемъ величіи несмѣтнаго богача-откупщика, коммерціи совѣтника, весь увѣшаный орденами и медалями. Онъ оставилъ состояніе милліоновъ въ 30 рублей. Это состояніе, а также всѣ дѣла его, от-

---

*) Тогда было точно такъ-же, какъ и потомъ въ крымскую войну, когда русскіе казенные литейные заводы не успѣвали заготовлять, кажется, половины того количества боевыхъ снарядовъ, какое требовалось, и правительство вынуждено было въ этомъ отношеніи призвать на помощь частную предпріимчивость, что, по горячности дѣла, обошлось недешево.

Digitized by Google

купа и промышленныя заведенія перешли въ руки его сына Марка Демидовича. Хотя у Хмѣля, кромѣ сына, были еще двѣ дочери, но одна изъ нихъ къ этому времени уже умерла, другая (мать Браги) была устроена особеннымъ образомъ и находилась отъ прямаго участія въ наслѣдствѣ въ сторонѣ.

Маркъ Демидовичъ наслѣдовалъ отъ отца въ полной силѣ алчность къ богатству и честолюбіе, но не наслѣдовалъ отъ него той силы предпріимчиваго и дѣятельнаго духа, какою отличался богатырь-хохолъ. Онъ перевелъ всѣ промыслы отца на деньги и занялся ростовщичествомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. На его деньги промышлялъ не только весь уѣздный городъ, гдѣ онъ жилъ, но торговала чуть не половина купцовъ всѣхъ портовыхъ городовъ юго-востока Россіи. Обширныя имѣнія, земельные участки, угольные рудники, сотни домовъ въ каждомъ большомъ городѣ были у него въ залогѣ, и все это часто отходило въ его владѣніе, продавалось и перепродавалось. Маркъ Демидовичъ не бралъ откуповъ, но слѣдилъ за ними неупустительно. По нѣсколько разъ въ годъ онъ или самъ являлся въ Петербургъ, или посылалъ повѣренныхъ на торги по крупнымъ откупамъ. Торговаться онъ никогда и не думалъ, но представлялъ залоги, бралъ каждый разъ отступныхъ по 200, 300 тысячъ руб. и болѣе и уѣзжалъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Подобныя операціи во время существованія откуповъ продѣлывались всѣми капиталистами, у кого только хватало на залоги.

Честолюбіе, а отчасти нѣкоторыя экономическія соображенія и виды увлекли Марка Демидовича сдѣлать одинъ важный промахъ, отравившій всю его жизнь. Онъ захотѣлъ быть дворяниномъ по происхожденію и выдти

Digitized by Google

въ чины. Для этого онъ, по совѣту стряпчаго, купилъ документы у одного бѣднаго дворянина изъ Малороссіи по фамиліи Хмѣленко и сталъ самъ подписываться вездѣ на бумагахъ не Хмѣль, а Хмѣленко. Всѣ удивлялись этой перемѣнѣ, но до истинной причины сначала немногіе додумывались. Далѣе онъ какъ-то устроилъ такъ, что, не бывъ никогда на Кавказѣ, состоялъ тамъ въ одномъ изъ полковъ, отличался въ сраженіяхъ и стычкахъ съ горцами, получалъ раны. За все это ему давали чинъ за чиномъ, и онъ дослужился до полковника. Сначала это доставляло ему большое удовольствіе и весьма потѣшало, тѣмъ болѣе, что по службѣ ему было очень мало работы: онъ раза два въ годъ только подписывалъ нѣсколько бумагъ, которыя ему присылали съ Кавказа. Потомъ же вышло то, что онъ тысячу тысячъ разъ проклялъ тотъ день и часъ, когда пріобрѣлъ себѣ потомственное дворянство.

Трудно представить себѣ, какой адъ создалъ себѣ въ жизни Маркъ Демидовичъ. Онъ подчинялся во всемъ своему стряпчему, который, съ корыстною цѣлью, больше и больше запутывалъ его, заставляя дѣлать подлогъ за подлогомъ. Милліонеръ трепеталъ всякаго, кто только ни вздумывалъ погрозить ему доносомъ. Каждую угрозу, даже какого-нибудь бездѣльника, онъ щедро оплачивалъ. Дошла до того, что не только все уѣздное, но даже губернское крючкотворство сосредоточивалось около него, какъ акулы около раненаго кита, и рвало, кому сколько удавалось. Устроили даже такъ, что онъ попалъ все-таки подъ судъ. Хотя его тутъ-же за милліонную взятку и освободили, но какъ освободили? Его сочли умершимъ и поэтому поводу прекратили производствомъ въ судѣ его дѣло. Несчастный милліонеръ, дворянинъ и полков-

Digitized by Google

никъ былъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ, но продолжалъ жить, и велъ свои денежныя операціи отъ имени жены и дѣтей. Послѣ этого всѣмъ мукамъ его и терзаніямъ не было ужъ никакой мѣры. Онъ писался умершимъ, но его могъ воскресить всякій злоумышленникъ, и послѣдняя вина могла быть для него горше всѣхъ первыхъ. Наконецъ онъ умеръ не фиктивно уже, а настоящимъ образомъ, и похороненъ секретно, подъ чужимъ именемъ. Тутъ тоже потребовались большія взятки и духовнымъ и свѣтскимъ властямъ.

Многимъ въ маленькомъ городкѣ Н... и теперь, да и долго еще будетъ въ памяти жизнь богатой Хмѣлиной и Хмѣленковой семьи. Послѣ смерти стараго Хмѣля долго еще, болѣе 10 лѣтъ, жива была его жена. Это была закоренѣлая хохлушка. Она была уже сѣдая старуха, но все такая-же, какъ и съ молоду, съ твердой поступью, суровая, грубоголосая. Безъ галушекъ она не могла прожить и одного дня. Говорила она до смерти чистымъ малороссійскимъ языкомъ и съ особенною чистотою выговаривала слова: „шо, якъ, се винъ, бисова дѣтына“. Жила она отдѣльно отъ сына, въ другомъ дворѣ и совершенно одна. При ней была только необходимая прислуга. У ней были свои особые обычаи и привычки. Подъ старость пѣшею ее нигдѣ нельзя было увидѣть: она всегда ѣздила на линейкѣ, запряженной бѣлою какъ снѣгъ лошадью, такою-же старою, какъ она сама. Какъ только увидишь бывало бѣлую лошадь, запряженную лѣтомъ въ линейку, а зимою въ открытыя съ высокимъ, росписаннымъ задкомъ сани, тихо, осторожно, будто ощупью идущую по улицѣ города, такъ уже и знаешь, что это Хмѣлиха ѣдетъ къ сыну, въ цер-

Digitized by Google

ковь или въ лавки за покупками. Обыкновенно она только въ эти три мѣста и отлучалась изъ дому.

У старухи въ домѣ были свои обычаи. Когда ребятишки приходили къ ней на рождественскій праздникъ славить Христа, то у ней на этотъ разъ рядомъ вдоль стѣны стояли: большой коричневаго цвѣта сундукъ и три большіе, аршина полтора вышиною, посконные куля. Сундукъ, какъ ребятишками предполагалось, былъ полонъ мѣдныхъ денегъ, а кули были: одинъ съ пряниками, другой съ конфектами и третій съ орѣхами. Всѣхъ ребятишекъ, каждаго отдѣльно, она надѣляла своеручно. Давала сначала, не считая, каждому по горсти денегъ (одною рукою она пріоткрывала немножко крышку сундука, а другою забирала въ сундукѣ денегъ, такъ что бывало въ сундукъ никакъ не заглянешь), а потомъ еще по горсти-же давала изъ каждаго куля того, что въ нихъ заключалось. Если кто изъ дѣтей, при славленіи Христа, особенно ей успѣвалъ понравиться, то она употребляла особый маневръ, чтобы показать свое благоволеніе. Счастливцу она давала изъ сундука двѣ горсти: достанетъ тихо, не торопясь одну горсть, потомъ съ особенными жестами другую. Это всегда разносилось дѣтьми по всему городу и въ тотъ-же день всѣмъ было извѣстно, кто изъ дѣтей удостоился получить отъ Хмѣлихи двѣ горсти денегъ. Но хитрая старуха этимъ маневромъ дѣлала только одну честь и славу: двумя горстями она доставала изъ сундука содержимаго немножко только больше, чѣмъ и одною.

Маркъ Демидовичъ имѣлъ жену и трехъ сыновей. Домъ его одною своею половиною совершенно былъ открытъ для всѣхъ его знакомыхъ. Къ нему приходили, играли въ карты, пили, ѣли и уходили. Онъ же почти

Digitized by Google

никогда и не показывался гостямъ; выходилъ только развѣ въ день своихъ и жениныхъ имянинъ. Постоянно же онъ сидѣлъ все въ своемъ кабинетѣ, писалъ счетныя книги и совѣтывался съ секретаремъ и стряпчимъ. На его половину изъ бывавшихъ у него въ домѣ заходили и видѣлись съ нимъ лично только по очень нужнымъ дѣламъ; все-же остальное устраивалъ его старшій лакей. Послѣдній распоряжался всѣмъ въ домѣ: принималъ гостей и удовлетворялъ всѣ ихъ требованія.

Жена Марка Демидовича была необыкновенно популярна въ народѣ. Она крестила дѣтей почти у всего города: у богатыхъ и бѣдныхъ. На Святую она обыкновенно дѣлала всѣмъ своимъ крестникамъ визиты, и карета ея стоитъ бывало какъ у богатыхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ домовъ и лачугъ. На главные годовые праздники у ней въ домѣ бывалъ весь городъ—какъ мужчины, такъ и женщины. Въ это время она ужъ сама принимала гостей. Вообще она пользовалась величайшимъ почетомъ и вела себя важно, величественно, какъ царица. Окружные помѣщики поэтому никакъ ее и не называли иначе, какъ „Марфа-посадница". Каждый праздникъ она бывала въ церкви и тамъ ей отдавали почетъ, какъ архіерею. Ей отведено было особое мѣсто, дьяконъ торжественно выносилъ ей каждый разъ изъ алтаря на блюдѣ просвиру, а когда она выходила, по окончаніи обѣдни, изъ церкви, то ее со всѣхъ сторонъ подхватывали подъ руки, несли ей шлейфъ. Мужчины и женщины другъ передъ другомъ тѣснились къ ней и цѣловали у ней руку. Такъ какъ желающихъ сподобиться этого была масса, то она держала обѣ руки врозь, протянувъ ихъ въ стороны на всю длину, и двигала ими взадъ и впередъ, смотря по тому, откуда протягивались къ нимъ

Digitized by Google

губы для цѣлованія. Ее почти на рукахъ несли по церкви, по паперти и до самой ея кареты.

Маркъ Демидовичъ жилъ послѣ смерти отца только двадцать лѣтъ. Не устройся его жизнь такъ несчастно, онъ навѣрное удвоилъ бы и утроилъ капиталъ отца. Не смотря на гостепріимство и хлѣбосольство (это дѣлалось съ разсчетомъ и по необходимости), онъ былъ такъ скупъ и скареденъ, какъ и вообразить трудно. Отецъ въ числѣ капитала оставилъ ему билетъ одного изъ русскихъ кредитныхъ учрежденій на 7 милліоновъ рублей. Откупщикъ изъ этихъ денегъ по милліону предназначалъ двумъ своимъ дочерямъ, но Маркъ и не подумалъ удовлетворить и одну, оставшуюся въ живыхъ послѣ смерти отца, сестру. Онъ намѣренъ былъ взять эти деньги и пустить въ оборотъ. Но, къ несчастію его, онъ задумалъ это сдѣлать уже въ то время, когда пріобрѣлъ дворянство и перемѣнилъ фамилію. Ихъ человѣку другого происхожденія не оказалось уже возможнымъ получить. Маркъ устрашился, что этимъ можетъ обнаружится его подлогъ, и счелъ за лучшее скрыть даже отъ своего семейства существованіе этихъ семи милліоновъ.

Трехъ сыновъ своихъ Маркъ Демидовичъ воспиталъ домашнимъ образомъ. Они почти ничему не учились и съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкли мотать и повѣсничать. Еще при жизни отца, матери часто приходилось расплачиваться за ихъ безобразія; когда же отецъ умеръ, то мотовству ихъ ужъ не было удержу и предѣловъ. Они вращались въ высшемъ кругу губернскаго дворянства, часто бывали и въ столицахъ, и ихъ обирали всѣ, у кого являлась только охота. Самый крупный расходъ каждаго изъ нихъ однако былъ на музыкантовъ, актрисъ и цыганокъ.

Digitized by Google

Черезъ десять лѣтъ по смерти несчастнаго Марка Демидовича коллосальнаго состоянія уже не существовало. Не существовало также и всей знаменитой семьи. Конецъ исторіи ея былъ теменъ. Одинъ изъ сыновей, кажется, имѣлъ мужество застрѣлиться; другого, какъ были слухи, отравила жена, третій опился. Мать долго еще жила въ одиночествѣ и крайней бѣдности, а умерла въ губернской богадѣльнѣ. Уже послѣ ея смерти обнаружилось существованіе семи милліоновъ капитала, которые съ процентами за 40 лѣтъ съ лишнимъ и достались теперь Брагѣ.

Василій Степановичъ получилъ воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Онъ окончилъ курсъ въ самомъ началѣ послѣдней русско-турецкой войны и ему пришлось попасть въ дѣйствующую противъ турокъ русскую армію. Онъ служилъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, много разъ отличался въ сраженіяхъ и возвращенъ былъ съ войны въ Россію въ массѣ раненыхъ. Вообще въ полку онъ—вѣрный тому закалу и направленію, какіе получилъ въ года своего воспитанія—былъ солдатъ настоящій: неусыпно дѣятельный, энергическій, безстрашный. Въ послѣдній разъ онъ былъ въ ротѣ субалтернъ-офицеромъ. Ротѣ, въ которой онъ находился, пришлось идти первою на одинъ турецкій окопъ. Старшіе офицеры были убиты, Брага остался одинъ и велъ свою роту на сильнѣйшій непріятельскій огонь. Рота бѣгомъ спѣшила добраться до окопа; многіе изъ солдатъ падали на пути убитыми и ранеными. Брага тоже вдругъ былъ раненъ и упалъ. Солдаты смѣшались и готовы были повернуть назадъ, но Брага вскочилъ, выхватилъ у одного изъ убитыхъ солдатъ штыкъ и, опираясь на него, какъ на костыль, прыгалъ на одной

Digitized by Google

уцѣлѣвшей ногѣ дальше и кричалъ: „впередъ, братцы, Богъ намъ поможетъ!“ Солдаты съ ревомъ, какъ львы, бросились за нимъ и ворвались въ окопъ.

Послѣ войны Брага скоро оправился отъ полученныхъ имъ ранъ и поступилъ на правительственную службу. Онъ перепробовалъ множество всевосможныхъ профессій по службѣ, нѣсколько лѣтъ велъ скитальческую жизнь изъ края въ край Россіи, и наконецъ очутился на теперешнемъ мѣстѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ передъ собою тотъ путь и тотъ родъ дѣятельности, къ которымъ стремилась его душа съ ранней молодости. Но прежде, нежели говорить о дѣятельности Браги въ это время, необходимо пояснить дѣтство его, жизнь въ родной семьѣ и воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ.

Отецъ Василія Степановича былъ русскій помѣщикъ и то, что онъ былъ зятемъ богатой семьи, оказывалось для него величайшимъ несчастіемъ. На югѣ-востокѣ строеніе семьи еще нѣсколько патріархальное, и старшій въ крѣпко держащейся семьѣ имѣетъ совершенно деспотическую власть. Случается, что мать, оставаясь въ семьѣ безъ отца старшею, бьетъ сына, иногда заслуженнаго офицера, полковника, даже генерала. „Матушка, вспомните: вѣдь я генералъ“, говоритъ сынъ.—„Я не генерала бью, а моего сына!“ отвѣчаетъ мать. Поэтому здѣсь положеніе принятаго въ семью зятя и въ простой земледѣльческой семьѣ весьма тяжело. Тесть обременяетъ его непосильными работами, теща ненавидитъ, жена заставляетъ исполнять всевозможные прихоти и капризы. „Зятнина шуба всегда подъ лавкой, зятнино мѣсто въ красномъ углу, гдѣ рогачи ставятъ, зять ѣстъ коржи съ саломъ“ (ржаныя пышки, когда другіе члены семьи ѣдятъ пшеничныя и съ масломъ)—такъ гласятъ народныя по-

Digitized by Google

говорки. Всякій, увидѣвши куцую собаку, скажетъ: „должно быть въ зятьяхъ была, что хвоста сбыла“. Вообще о слабосильныхъ, забитыхъ и заморенныхъ собакахъ ходятъ въ народѣ множество анекдотовъ и всегда къ нимъ приравнивается положеніе зятя. Такъ, зять съ тестемъ на гумнѣ складывали снопы съ воза. Въ это время собака прыгнула черезъ загородь и, не перепрыгнувъ, свалилась съ забора, упавъ плашмя бокомъ. Тесть замѣтилъ: „Что это съ нашей собакой?“—„Должно быть, она въ зятьяхъ была“, отвѣчалъ зять. Тесть замоталъ себѣ это на усъ и говоритъ послѣ женѣ: „Должно быть нашему зятю у насъ не хорошо — вишь, что онъ говоритъ“. Тещу это взорвало: „Какого же ему еще лѣшаго нужно? вареники варимъ — юшка *) вся за нимъ, раковъ варимъ — тоже юшка за нимъ“.

Таково тутъ положеніе зятя и въ бѣдной чернорабочей семьѣ. Но еще хуже оно въ семьѣ привилегированной и богатой. Здѣсь зять пріискивается какъ тряпье на писчебумажную фабрику, какъ мѣдь въ ломъ, для передѣлки въ другія формы. Таково именно было положеніе двухъ зятьевъ въ семьѣ откупщика Хмѣля. Дочери у него были почти однолѣтки, и онъ выдалъ ихъ замужъ въ одно время, устроивъ ихъ участь сообразно своему идеалу. Онъ подобралъ имъ въ женихи бѣднѣйшихъ дворянъ, служившихъ маленькими чиновничками въ глухихъ уѣздныхъ судахъ. Они оба были красавцы на подборъ, но бѣднѣйшіе-пребѣднѣйшіе, и по нраву своему, казалось, были способны на всякую передѣлку. Могучій хохолъ имѣлъ намѣреніе перемѣнить имъ даже фамиліи на свою и сдѣлать ихъ точь-въ-точь похожими копіями самого

*) Горячая вода, въ которой варились вареники или раки.

Digitized by Google

себя; но перваго однако онъ не сдѣлалъ по нѣкоторымъ важнымъ соображеніямъ, такъ что зятья сохранили свои собственныя прозвища.

Хмѣль купилъ каждому зятю по деревнѣ съ крестьянами, построилъ дома, снабдилъ ихъ роскошною мебелью. Самыя свадьбы дочерей онъ справлялъ съ неслыханною роскошью. Для народа изъ подваловъ его выкатывались бочки съ водкой. По ночамъ кругомъ его дома горѣли десятки смоляныхъ бочекъ. Брачныя постели невѣстъ стоили каждая, кажется, 10 тысячъ рублей. Особеннаго, впрочемъ, въ нихъ ничего и не было. Кровати были изъ орѣховаго дерева. На нихъ сначала былъ положенъ коверъ, а потомъ лежали перины, застланныя батистовыми, обшитыми кружевами, простынями и покрытыя атласными, розоваго цвѣта, одѣялами. Потомъ лежали шесть подушекъ съ тюлевыми бѣлаго цвѣта наволоками и въ розовыхъ тафтяныхъ чехлахъ, обшитыхъ широкимъ рюшемъ. Надъ кроватями были занавѣсы изъ малиноваго штофа, обшитые широкою, малиноваго цвѣта, бахрамой.

Въ приданое къ невѣстамъ зятья получили отъ Хмѣля по 300 тысячъ рублей. Кромѣ того тесть въ это же время обѣщалъ давать каждому рожденному дочерьми ребенку на зубокъ по 30 тысячъ руб., а въ случаѣ его смерти дочери должны были получить отъ брата еще по милліону рублей ассигнаціями (тогда деньги на серебро еще не считались). Можно бы, кажется, и тутъ сказать: „какого имъ еще лѣшаго было нужно—юшки имъ много. Но богатство и роскошная обстановка несовсѣмъ-то сладко пришлись обоимъ зятьямъ. Дѣло въ томъ, что Хмѣль умѣлъ брать людей въ тиски, обставлять ихъ и управлять ими—какъ никто. Зятьямъ пришлось такъ солоно, что они не знали, что и дѣлать. Черезъ годъ же семей-

Digitized by Google

ныя дѣла одного изъ нихъ, мужа старшей дочери Хмѣля, сложились такъ, что онъ сошелъ съ ума и, зарѣзавъ жену, вскорѣ умеръ и самъ, не оставивъ наслѣдниковъ. Брага устоялъ, да и то только благодаря мягкому и ласковому нраву крѣпко привязавшейся къ нему жены. Онъ долженъ былъ служить у тестя по откупамъ, исполнялъ обязанности ревизора и по настоянію его устроилъ два винокуренные завода. Но, при его кроткомъ нравѣ и религіозномъ направленіи, это непонутру было ему, и онъ отводилъ душу во всевозможныхъ благотвореніяхъ крестьянамъ. Онъ устроилъ въ слободѣ своей церковь, завелъ школу, держалъ пѣвчихъ. Между прочимъ онъ держалъ домашнюю аптеку и лѣчилъ крестьянъ. Былъ онъ всѣми чтимъ и уважаемъ и умеръ скоропостижно, отравившись лѣкарствомъ, которое приготовлялъ для больныхъ крестьянъ. Обыкновенно онъ приготовлялъ лѣкарства по народнымъ рецептамъ, существующимъ у знахарей и лѣкарокъ, куда часто входятъ значительными дозами сулема, вострая водка, ртуть, семибратская кровь, кучелёбы, нефть и проч. Прежде, чѣмъ давать такой составъ больнымъ, онъ отвѣдывалъ его самъ, и если лѣкарство было слишкомъ крѣпко, то ослаблялъ. Въ послѣдній разъ онъ отвѣдалъ настолько крѣпкаго состава, что его спасти не могло уже никакое противоядіе.

Покойный послѣ смерти своей оставилъ жену съ восьмилѣтнимъ сыномъ при хозяйственныхъ дѣлахъ, крайне разстроенныхъ. Милліона рублей, завѣщаннаго Хмѣлемъ, имъ не удалось получить отъ брата; между тѣмъ винокуренные заводы дѣйствовали уже много лѣтъ въ убытокъ. Брага и послѣ освобожденія крестьянъ, не желая нарушать установившійся уже въ той мѣстности экономическій порядокъ, продолжалъ имѣть заводы

Digitized by Google

и курилъ водку, когда акцизъ на нее возвысился, а рожь, вслѣдствіе заграничнаго торга хлѣбомъ, стала доходить въ цѣнѣ до 9 руб. за четверть. Такимъ образомъ онъ и накурилъ себѣ большой бѣды.

По смерти мужа, Анна Демидовна—такъ звали мать Василія Степановича Браги—сочла за лучшее сбыть имѣніе и переѣхать для образованія сына въ губернскій городъ, что она и сдѣлала. Потомъ она переѣхала съ сыномъ и въ столицу. По уплатѣ бывшихъ на имѣніи долговъ, у ней остался небольшой капиталъ; она помѣстила его въ кредитныя учрежденія и жила на проценты, получая что-то около 500 руб. въ годъ.

Съ ранняго дѣтства у Василія Степановича обнаруживалась натура дѣятельная и чрезвычайно любознательная. У него было странное, необъяснимое стремленіе къ крестьянской жизни и крестьянскому труду. Самое большое удовольствіе было для него—дѣлать что-нибудь такое, что похоже на крестьянскую работу. Поэтому любимыя игры у него были: копать колодцы, строить пруды, избы, пахать, молотить или, нарядившись бурлакомъ, косаремъ, съ косою черезъ плечо, идти въ дальнюю сторону на заработки. Когда нянька, разсказывая ему сказки, спрашивала его, кѣмъ-бы онъ желалъ быть, когда выростетъ большой, то онъ отвѣчалъ: „я желаю быть крестьяниномъ, и придутъ ко мнѣ другіе крестьяне, и мы построимъ множество крестьянскихъ деревень“. Мысль дѣлать, строить, садить и сѣять не покидала его маленькую головку ни во-снѣ, ни на-яву. Любознательность его доходила до болѣзненности. Во все онъ хотѣлъ проникнуть, всѣмъ владѣть. Такъ, отъ матери онъ на-

Digitized by Google

учился еще 6 лѣтъ отъ роду вязать иглами и шить, и мать говаривала, видя его за работой: „тебѣ, Васинька, быть бы только дѣвочкой“. Отъ няньки своей и дворовыхъ крестьянскихъ бабъ онъ научился въ это-же время прясть и даже ткать. Учась въ гимназіи въ губернскомъ городѣ, онъ перебывалъ много разъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась какая-либо работа; любимымъ дѣломъ его было снимать гимназическую форму и, одѣвшись подходящимъ образомъ, отправляться въ какую-нибудь мастерскую—сапожную, кузнечную или столярную—и тамъ или присматриваться къ работѣ, или работать наравнѣ съ подмастерьями. Поэтому, когда онъ получилъ отъ гимназіи аттестатъ въ знаніи науки, то въ то-же время ему можно было выдать такой-же аттестъ и въ знаніи всѣхъ народныхъ и мастерскихъ работъ, какія только производились въ той мѣстности. Онъ отлично могъ: отбить косу, приправить ее къ косью и косить, наладить крестьянскій плугъ; нехудо владѣлъ топоромъ, пилой и долотомъ, а также молотомъ и клещами, иглой и шиломъ. Сапоги онъ могъ сшить, правда, некрасивые, но самые крѣпкіе въ мірѣ; подковать же лошадь, напрутить косу, насталить топоръ и лемехъ онъ могъ, какъ искуснѣйшій мастеръ.

Въ высшемъ учебномъ заведеніи духъ практической любознательности не покидалъ Брагу. Онъ пробылъ въ заведеніи 6 лѣтъ, и каждое лѣто, кромѣ лѣта перваго и послѣдняго годовъ, какъ только наступали каникулы, онъ уходилъ изъ столицы на югъ и удовлетворялъ своей странной жаждѣ неустаннаго физическаго труда. Это не было съ его стороны потѣхой и шуткой и въ дѣтскіе года, теперь же, когда онъ былъ уже мужчиной съ мощною физическою силой, это былъ регулярный упорный

Digitized by Google

трудъ дающій результаты. Онъ странствовалъ по югу и юго-востоку, какъ рабочій, въ толпѣ чернаго люда, а въ концѣ лѣта возвращался—истощенный, загорѣлый—въ учебное заведеніе продолжать науки. Никто и не подозрѣвалъ, какое подвижничество выносила каждый разъ эта молчаливая и скромная личность, какія могучія воспринимала впечатлѣнія, сколько тратила физическихъ силъ.

Василій Степановичъ выросталъ и развился безъ всякой помѣхи. Въ учебныхъ заведеніяхъ онъ держался особнякомъ. Товарищества у него не было. Изъ учителей тоже никто на него не имѣлъ особаго вліянія. Послѣднее если и было, то со стороны кроткой, молчаливой, глубоко-набожной и любящей его матери. Мать и сынъ безъ словъ понимали другъ друга и чувствовали одинъ другаго и на далекомъ разстояніи въ разлукѣ. Даже и потомъ, когда Брага въ зрѣломъ уже возрастѣ, въ трудахъ и подвигахъ, стремился къ осуществленію своихъ идей, онъ никогда не переставалъ чувствовать, что тамъ далеко, въ отдаленной улицѣ бѣлокаменной и златоглавой Москвы, въ чистой и уютной комнаткѣ, горятъ неугасимыя лампады, льются горючія слезы и возсылаются за него молитвы къ небу. Старушка давно уже умерла, но Брагѣ и теперь представляется ея образъ—худой, истощенный, благословляющій и падающій ницъ предъ иконой Спасителя.

Старуха много лѣтъ подъ конецъ жизни была молчальницей по обѣту. Она не давала сыну наставленій, ни о чемъ его не разспрашивала и глядѣла только на него съ какою-то безпредѣльною мукой и тревогой. Брага читалъ въ глазахъ матери всѣ ея мысли, и ни одинъ мудрецъ міра не могъ сказать ему такъ много, такъ наэлектризовать его, какъ этотъ нѣмой взглядъ матери. Молча она

Digitized by Google

благословляла его, молча давала иногда деньги и говорила только: „да, нѣтъ, возьми, приходи, не надо“. Когда Брага первый разъ отлучался надолго, она благословила его иконой Сергія Радонежскаго, а на шею ему повѣсила ладонку, состоявшую изъ двухъ деревянныхъ дощечекъ въ вершокъ длиною и полвершка шириною, сложенныхъ ящичкомъ, задѣланныхъ въ кожу и всунутыхъ въ сумочку малиноваго бархата. Въ самомъ ящичкѣ находился листъ бумаги и на немъ мелкимъ, но четкимъ почеркомъ были написаны первоначальныя молитвы: Іисусу Христу, Духу Святому, Пресвятой Троицѣ, молитва Господня и нѣкоторыя другія; въ концѣ же псаломъ 90-й. Въ послѣднемъ были подчеркнуты слова: „Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится, яко Той избавитъ тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна; плещма Своима осѣнитъ тя и подъ крилѣ Его надѣешися; оружіемъ обыдетъ тя истина Его. Не убоишися отъ страха ночнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тьмѣ приходящія, отъ сращя и бѣса полуденнаго. Падетъ отъ страны твоея тысяща и тьма одесную тебе, къ тебѣ же не приближится. На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія. Яко на Мя упава, и избавлю, и покрыю, яко позна имя Мое. Воззоветъ ко Мнѣ и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, и изму его, и прославлю его. Долготою дней исполню его и явлю ему спасеніе Мое“.

Входя въ комнату Анны Демидовны, нельзя было не чувствовать какого-то трепетнаго благоговѣнія. Все было тутъ тишина, миръ, благословеніе. Это была именно комната русской религіозной женщины, и все въ ней имѣло глубокій смыслъ. Въ ней было три окна, и горѣло неугасимо три лампады. Она была уставлена иконами,

Digitized by Google

между которыми, кромѣ иконъ Спасителя и Пресвятой Дѣвы, были иконы всѣхъ великихъ святыхъ подвижниковъ Россіи, начиная отъ Владиміра Святаго, Антонія Печерскаго, митрополитовъ Петра и Алексѣя, святыхъ Зосима и Савватія и до Митрофанія Воронежскаго и Тихона Задонскаго. Но на первомъ планѣ послѣ Спасителя почему-то были иконы Сергія Радонежскаго и святыхъ Авраамія Трудолюбиваго и Онуфрія Молчаливаго, мощи которыхъ почиваютъ въ Кіевѣ, въ трапезѣ преподобныхъ печерскихъ.

Анна Демидовна проводила время въ постоянномъ трудѣ. Она кажется вовсе не спала. Постоянно она молилась, читала псалтырь и евангеліе или занята была вязаньемъ чулокъ и косынокъ, которые приготовляла по заказу купцовъ. За работу эту она брала дешево, но зарабатывала довольно много. Эти трудовыя свои деньги она употребляла на масло для лампадъ и свѣчи, раздавала нищимъ, а не то всѣ цѣликомъ отдавала сыну. Старушка держала прислугу-женщину, которую нашла гдѣ то въ больницѣ, умирающею отъ неизлѣчимой болѣзни. Она взяла ее къ себѣ, вылѣчила, и та жила у ней до самой ея смерти.

Втеченіи четырехъ лѣтъ своей учебной жизни въ столицѣ Брага перебывалъ во всѣхъ мѣстностяхъ юга и юва-востока Россіи и перепробовалъ всѣ промыслы и занятія народа. Работу себѣ онъ вездѣ находилъ легко, такъ какъ за заработной платой не стоялъ, а дѣлать былъ радъ все, что подвернется. Всѣ похожденія его въ это время были для него весьма важны въ томъ отношеніи, что сближали его съ народомъ и посвящали его во всѣ сокровеннѣйшія тайны его жизни. Такъ какъ все переиспытанное имъ въ то время отражается на харак-

Digitized by Google

терѣ его теперешней дѣятельности, то нельзя хоть вкратцѣ не коснуться всѣхъ многообразныхъ его похожденій.

Въ первый годъ Василій Степановичъ плылъ на бѣлянѣ *) и плотахъ по Волгѣ до Царицына. Эта первая служба его была для него какъ нельзя болѣе удачною. Обыкновенно бурлаки на плотахъ бываютъ или коренные, взятые съ мѣста на весь путь, съ дачей имъ задатковъ **), или добавочные, взятые временно, гдѣ понадобится, безъ сроку и безъ задатка. Брага поступилъ на бѣляну добавочнымъ бурлакомъ, но въ короткое время прошелъ всѣ бурлацкія должности: онъ былъ въ лямкѣ и коснымъ (въ хвосту шеренги бурлаковъ, при тягѣ свариваюцій бичеву: должность самая низкая), и шишкой (передовой въ лямкѣ), и водоотливомъ, и наконецъ въ послѣднее время пути исправлялъ должность даже лоцмана. Какъ всѣ бурлаки, онъ носилъ присвоенный знакъ: ложку на шляпѣ.

Въ Царицынѣ Брага первый разъ увидѣлъ массу бродячаго русскаго рабочаго люда. Пестрѣе и разнохарактернѣе толпы трудно себѣ и представить. Каждую весну, съ открытіемъ навигаціи, сюда сползаются десятки тысячъ чернаго люда. Рабочіе идутъ сюда, а также въ Дубовку, Саратовъ, Калачъ, Ростовъ, Таганрогъ и др. пункты

---

*) Бѣляна—самая большая барка, бѣлая, несмоленая. Это плоскодонное, неуклюжее, и самой грубой работы рѣчное судно. Бѣляны сплавляются весной по Волгѣ съ лѣсомъ, смолою, лыками и рогожами; за ними часто идутъ и плоты того-же хозяина.

**) Получивши задатокъ, бурлакъ уплачиваетъ подати, повинности, покупаетъ себѣ нѣсколько паръ лаптей, лямку и проч. Рогожные лапти стоятъ тутъ 4 коп. сер., а хорошая лямка (новая и широкая, не способная натирать грудь и плечи до боли и дѣлать на нихъ темный рубецъ) стоитъ отъ 2 до 3 руб. сер.; плохая лямка (узкая или подержанная) 30—40 к.

Digitized by Google

сухимъ путемъ, ѣдутъ пароходами, плывутъ на плотахъ изъ губерній пензенской, симбирской, саратовской, воронежской, курской, тульской и другихъ. Въ общемъ вся эта толпа тратитъ страшную массу времени, нравственныхъ и физическихъ силъ, прибывая сюда ежегодно весной и уходя обратно осенью. Большая часть рабочихъ, по недостатку денегъ, проходитъ пѣшкомъ 1000 и болѣе верстъ весной и столько же при обратномъ слѣдованіи осенью. Многіе большею частью еще дома въ селахъ группируются въ партіи большія и малыя, соединяются человѣкъ по 5—10 и болѣе, справляютъ плохенькую лошаденку, телѣжку и отправляются въ путь. Лошадь покупаютъ самую дешевую, рублей въ 5 — 6, лишь-бы она шла шагомъ и везла не тяжелую телѣгу съ харчами и лишнимъ платьемъ. Многіе рабочіе воронежской и тульской губерніи соединяются человѣкъ по 10—20 и болѣе мужчинъ и женщинъ (многіе рабочіе бываютъ съ женами), покупаютъ лодку рублей за 10—15, или дѣлаютъ ее сами, кладутъ въ нее свои пожитки и плывутъ внизъ по Дону до низовыхъ казачьихъ станицъ и городовъ Ростова и Таганрога. Это бываетъ для нихъ далеко дешевле, нежели-бы они ѣхали желѣзною дорогой или пароходомъ. Въ пути своемъ они не лѣнятся, попеременно работаютъ веслами и достигаютъ предначертаннаго мѣста нисколько ие медленнѣе, какъ ѣхали бы на пароходѣ. Тамъ на мѣстѣ, въ низовьяхъ Дона, они не безвыгодно сбываютъ свою лодку, покупаютъ лошаденку и углубляются въ степи.

Уходя изъ дому рабочіе совершенно не знаютъ, что именно ихъ ожидаетъ на тѣхъ мѣстахъ заработковъ, куда они стремятся. Это бываетъ причиною, что здѣсь часто разыгрываются тяжелыя драмы. Въ урожаи на хлѣбъ и

Digitized by Google

траву, а также въ годы промышленнаго и торговаго оживленія на пристаняхъ Волги и въ портахъ юго-востока, сотенъ тысячъ приходящаго сюда народа оказывается еще мало. Цѣны на рабочія руки поднимаются страшно. Въ Царицынѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ и другихъ пунктахъ одинъ работникъ вырабатываетъ въ сутки 5—6 руб. Въ степяхъ цѣна косарю доходитъ до 3 и $3^1/_2$ р. сер. въ день, гребельщицѣ — до 1 р. 50 к., а парами мужчина и женщина—до $4^1/_2$ и 5 руб. Между хозяевами и рабочими въ такихъ случаяхъ начинается борьба, и—кому взять верхъ — рѣшаютъ обстоятельства. Рабочіе, нанятые на срокъ, большею частью разбѣгаются, разсчитывая на болѣе высокій заработокъ поденно. Иногда цѣлыя партіи рабочихъ, забравъ деньги впередъ, снимаются и исчезаютъ. Мировые судьи и всѣ правленія бываютъ завалены разборомъ дѣлъ по объявленіямъ о сбѣжавшихъ. Розыскивать и возвращать бѣжавшихъ бываетъ безполезно; переписка же продолжается цѣлые годы и хорошо еще, если кончается возвращеніемъ забранныхъ и неотработанныхъ денегъ. О томъ, что рабочіе своимъ уходомъ причинили вредъ хозяину несвоевременною уборкой хлѣба и порчей его, ужъ въ большинствѣ случаевъ и рѣчи не заводится: доказать убытки нечѣмъ и взять съ рабочихъ нечего.

Нельзя не признать, что положеніе степнаго хозяина при урожаѣ часто бываетъ печально до трагическаго. Чтобы спасти хозяйство, онъ долженъ сносить пьянство, лѣнь, грубости, оскорбительныя выходки рабочихъ и всякія безпорядки. Пришельцы рабочіе берутъ верхъ и пользуюясь своею силой ужъ безъ всякой сдержанности: хозяинъ положительно у нихъ въ рукахъ. Ходъ отношеній въ такихъ случаяхъ именно таковъ. Нанята пар-

Digitized by Google

тія сроковыхъ рабочихъ отъ Троицы до 1 октября по 60—70 руб. Имъ выданы на руки задатки, и до страдной поры ихъ занимаютъ какими нибудь домашними работами. Живутъ они мирно и работаютъ усердно, пока не опредѣлится урожай на травы и хлѣба. Если урожай плохъ или посредственъ — рабочіе проживутъ все лѣто; если же онъ хорошъ, то, какъ только опредѣлится поденная цѣна, которая обыкновенно вдвое или втрое выше сроковой,—со стороны рабочихъ начинаются неудовольствія, капризы, пьянство и распущенность въ исполненіи работъ. Придирки доходятъ до того, что рабочіе заставляютъ хозяевъ давать имъ по 4 раза въ день горячую пищу, а работаютъ такъ, что 25—30 человѣкъ убираютъ въ день по 2 и по $2^1/_2$ десятины, тогда какъ въ самое дорогое время уборка десятины стоитъ около 15 руб. Всѣмъ этимъ рабочіе доводятъ хозяина до того, что онъ ихъ разсчитываетъ; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то рабочіе бѣгутъ, оставивъ свои письменные виды.

Какъ рабочими, такъ и хозяевами здѣсь выработаны особыя системы найма и отношеній. Самымъ удобнымъ временемъ для найма сроковыхъ и годовыхъ рабочихъ считается святая и троица. Обыкновенно въ сроки на лѣто нанимаютъ съ этого времени и до успенья, покрова, филипповскихъ заговень, а если на годъ, то непремѣнно съ святой и до святой, или съ троицы до троицы. Если съ покрова или филипповскихъ заговень нанимаютъ, то никакъ не иначе, какъ на срокъ до святой или до троицы, т. е. до опредѣленія степени горячности рабочаго времени; на годъ же съ этого времени никогда не нанимаютъ: хозяину назначить работнику въ это время настоящую годовую плату невозможно, такъ какъ онъ не знаетъ, каковъ будетъ урожай и нуженъ-ли ему еще

Digitized by Google

будетъ рабочій; рабочій, съ своей стороны, за безцѣнокъ кабалить себя на годъ не согласится. Поэтому сдѣлокъ и не бываетъ. Существуютъ особые пункты, куда съ обширныхъ окружностей сходятся для найма тысячи народа, а также пріѣзжаютъ и хозяева-наниматели. Это всегда такія мѣста, гдѣ существуютъ весеннія ярмарки*): георгіевская 23 апрѣля, никольская 9 мая и троицкая. Всѣ въ окружности, находящіеся въ сроковыхъ и поденныхъ работахъ, рабочіе, а также и вновь прибывшіе изъ внутреннихъ губерній, спѣшатъ къ сроку въ такіе пункты, видятся другъ съ другомъ, узнаютъ цѣны, спросъ на работы, разныя новости, а также получаютъ вѣсти съ родины отъ пришедшихъ оттуда земляковъ. Даже работники и работницы, живущіе уже по нѣскольку лѣтъ у хозяевъ, и тѣ въ такое время уходятъ въ ближайшій ярмарочный пунктъ, гдѣ хотя и опять нанимаются къ тому-же хозяину, но по новой сдѣлкѣ, совершенной въ этомъ обычномъ мѣстѣ. Окружные хозяева, кому нужны сроковые и годовые рабочіе, тоже ждутъ этого времени и являются къ сроку. Непосредственно самимъ имъ однако трудно бываетъ подобрать себѣ рабочихъ, и поэтому на это здѣсь существуютъ особые комиссіонеры изъ мѣстныхъ жителей—мужчины и женщины. Если кому нужно нанять даже одну кухарку, то самому все-таки это бываетъ трудно. Самое лучшее—дать рубль какой-нибудь мѣстной старухѣ и поручить ей эту операцію. Этотъ агентъ энергически ринется въ цѣлое море работниковъ и работницъ, отыщетъ непремѣнно подходящую женщину и возьметъ ее. При этомъ

*) Весенними ярмарками край весьма богатъ. Такъ, въ Донской области, въ разныхъ мѣстахъ георгіевскихъ ярмарокъ 23 апрѣля существуютъ 15, никольскихъ 9 мая—13 и троицкихъ—11.

Digitized by Google

старуха будетъ лгать немилосердно, не будетъ щадить словъ, чтобы расхвалить хозяина, поручится за него, хотя часто видитъ его первый разъ въ жизни.

Въ концѣ лѣта, начиная съ успенья, въ хорошій годъ рабочій людъ ворочается съ юго-востока домой съ хорошими заработками, веселый, бодрый, хотя долгимъ тяжелымъ трудомъ и истощенный физически. По грунтовымъ дорогамъ тянутся вездѣ толпы пѣшеходовъ; вагоны желѣзныхъ дорогъ и пароходы по Волгѣ и Дону биткомъ набиты чернорабочими пассажирами, возвращающимися со степей во внутреннія губерніи. Вездѣ можно видѣть веселыя лица, слышать пѣсни, гармоники, балалайки. Большинство рабочихъ однако уходитъ пѣшкомъ. Въ этомъ отношеніи часто можно видѣть отсутствіе всякаго соображенія. Такъ, многіе изъ рабочихъ стараются уйти съ заработковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы быть дома къ 1-му сентября; но изъ нихъ только немногіе работаютъ до 28, 29 сентября, заробляютъ по 15—20 руб. лишнихъ, отдаютъ за пароходъ или желѣзную дорогу 5—6 руб. и спокойно въ одинъ или два дни доѣзжаютъ домой; большинство же бросаетъ работу ранѣе, отправляется пѣшкомъ и бываетъ въ дорогѣ двѣ-три недѣли, не разсчитывая, сколько теряетъ времени, расходуется на харчи и бьетъ въ пути обуви.

Благопріятный исходъ лѣтняго путешествія народа на заработки однако бываетъ изъ десяти лѣтъ только три-четыре раза; въ остальные же года картина выходитъ совсѣмъ не такая. Въ портахъ, а также на пристаняхъ и тоняхъ Волги и Дона, никогда и въ хорошіе по торговлѣ и промышленности года не можетъ хватить работы на весь приходящій сюда народъ; въ годы же торговаго затишья и вовсе ея нѣтъ. Въ послѣднемъ слу-

Digitized by Google

чаѣ вся масса народа устремляется въ степи и биткомъ набиваетъ всѣ степныя крестьянскія слободы и казачьи станицы. Приходятъ еще заблаговременно, далеко до начала покоса, и ждутъ времени, когда дѣлается готовою трава и начинается покосъ. Нѣкоторая часть рабочихъ и тотчасъ по приходѣ находитъ себѣ работу: кладутъ у казаковъ изъ камня и дерна стѣны, плетутъ плетни для огорожи базовъ, копаютъ рвы, прудятъ пруды и ставы. Большинство же пришедшихъ ждетъ наступленія покоса безъ всякаго дѣла, питается то милостыней, то на запасенныя съ дому копѣйки. Многіе закладываютъ косы, сапоги, лишнія рубашки, запасныя лапти. Берутъ ссуду подъ залогъ этихъ вещей у лавочниковъ и кабатчиковъ, такъ какъ только эти люди тутъ при деньгахъ. Закладываютъ напримѣръ сапоги, стоющіе 3 р., за полтинникъ, лапти—за 3 к., съ тѣмъ, чтобы при самомъ наступленіи работы черезъ какіе-нибудь три-четыре дня отдать въ выкупъ за первые рубль, а за вторые 7—10 к. При урожаѣ, если на обиліе работы вѣрная надежда, лавочники и кабатчики берутъ въ залогъ и пачпорты и ссужаютъ деньги только ужъ за удвоенный и утроенный противъ вышеозначеннаго процентъ. Гребельщицы закладываютъ платки, косынки, плахты, чулки, даже юбки. Хорошо еще, если послѣ всего этого дозрѣетъ трава и хлѣбъ и начнется покосъ. Косари выкупятъ все и забудутъ нужду, но на половину бываетъ такъ, что передъ самымъ созрѣваніемъ травы и хлѣба вдругъ засуха: трава и хлѣбъ погораютъ, и рабочіе, теряя надежду на работу, въ ужасѣ разбѣгаются, возвращаясь обратно—кто откуда пришелъ. Нѣтъ мѣры лишеніямъ, голоду и всяческимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ, которыя переноситъ въ это время масса народа. По доро-

Digitized by Google

гамъ, въ степяхъ, по рынкамъ и улицамъ поселеній лежатъ и сидятъ обыкновенно больные, исхудалые, прохожіе, возвращающіеся на родину. Многіе тутъ-же умираютъ отъ истощенія силъ и различныхъ болѣзней, зародившихся вслѣдствіе переходящихъ всякую мѣру лишеній. Въ казачьихъ станицахъ и крестьянскихъ слободахъ въ такіе года можно усмотрѣть значительный расходъ изъ общественныхъ суммъ на погребеніе безродныхъ, странниковъ и прохожихъ. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть желѣзныя дороги и особенно много скопляется рабочихъ, какъ напр. въ Ростовѣ и Калачѣ, на Дону и по Волгѣ, движеніе товарныхъ поѣздовъ если не совсѣмъ прекращается, то сокращается на значительную часть. По требованію мѣстнаго начальства, въ такихъ случаяхъ дѣлается усиленное движеніе поѣздовъ пассажирскихъ. Машины увозятъ насчетъ правительства рабочій народъ, спасая его отъ голодной смерти.

Явленіе это всегда поражало народное воображеніе. По Дону въ казачьихъ домахъ, между картинами „Ермака“, „Платова“, „Власова“, „Два дурака дерутся, а третій смотритъ“ (при этомъ на картинѣ бываетъ только два дурака, третьяго нѣтъ; онъ предполагается передъ картиной) — между этими картинами въ домѣ какого-нибудь есаула или сотника можно встрѣтить картину, раздѣленную на двѣ половины съ надписью подъ каждою половиною. Съ одной стороны представленъ путникъ, бодро идущій по дорогѣ. Видно, что это косарь и держитъ дальній путь. За нимъ бѣжитъ собачка; на плечѣ у него коса, на которой виситъ чѣмъ-то наполненная котомка и нѣсколько паръ новыхъ лаптей. На встрѣчу прохожему идетъ мѣстный житель и начинаетъ разговоръ: „Прохожій, куда идешь?“—На Донъ!—„Зачѣмъ?“—

Digitized by Google

Косить!—„А собачку зачѣмъ ведешь?“—Блины ѣсть.—На другой сторонѣ картины представленъ тотъ-же косарь, но худой, истощенный, безъ косы и собачки, съ костылемъ въ рукахъ и пустою сумкой за плечами. Онъ тихимъ шагомъ плетется по дорогѣ, едва, какъ замѣтно, передвигая ноги и переводя духъ. Надпись внизу объясняетъ все: „Прохожій, откуда идешь?“—Съ Дону.—„Что ты тамъ дѣлалъ?—Косилъ.—„А собачку гдѣ-жъ ты дѣлъ?“—Да съѣлъ.

Мѣстные жители въ это время обыкновенно сами нуждаются не менѣе захожихъ рабочихъ. Кто и желалъ бы помочь нуждающимся—не имѣетъ къ тому способовъ. Даже калмыки оказывать помощь въ такихъ случаяхъ считаютъ дѣломъ святымъ и богоугоднымъ, и между ихъ бакшами и обушами существуетъ разсказъ про одного, жившаго между людьми, мудраго и милосерднаго учителя. Онъ воздержался отъ десяти черныхъ грѣховъ, стяжалъ десять доблестей и былъ надѣленъ отъ всевышняго бурхана способностью къ превращеніямъ, могъ, по желанію своему, принимать разные виды. Одинъ разъ онъ встрѣтилъ въ степи умирающаго голодною смертью прохожаго и не могъ ничѣмъ помочь ему. Сострадательный будда (мудрецъ) однако нашелся: онъ обратился въ зайца и отдался въ руки прохожаго, принявъ добровольно муки насильственной смерти, чтобы спасти умирающаго.

Случается, что на другой годъ, послѣ полнѣйшей неудачи заработковъ для народа, юго-востоку угрожаетъ такой-же или еще большій неурожай, надежды на заработки нѣтъ никакой, народъ имѣетъ и слухи объ этомъ, но все-таки идетъ изъ внутреннихъ губерній въ неменьшемъ количествѣ, какъ будто онъ чѣмъ-то обязанъ совершить это ежегодное странствованіе.

Digitized by Google

Вполнѣ обезпечены отъ недостатка работы только тѣ изъ приходящихъ на юго-востокъ рабочихъ, которые знаютъ какое-либо ремесло. Это артели плотниковъ, овчинниковъ, кожевниковъ, полстоваловъ, печниковъ. Они находятъ по ремеслу работу втеченіи всего лѣта, пріѣзжая обыкновенно сюда въ половинѣ или въ концѣ апрѣля, а возвращаясь домой къ масляницѣ. Если покоса и полевыхъ работъ нѣтъ, то они такъ только ремесломъ своимъ и занимаются, получая хорошій заработокъ; если же годъ урожайный, то они на мѣсяцъ и болѣе самаго горячаго времени и высокихъ цѣнъ на полевыя работы бросаютъ свое спеціальное занятіе и нанимаются косить, что для нихъ въ это время вдвое-втрое выгоднѣе ремесла.

Въ Царицынѣ, въ годъ перваго прибытія туда Браги, работы были хотя и выгодны, но ихъ было недостаточно для всей массы рабочихъ. Далеко не всѣ изъ пришедшихъ попадали на заработокъ, и тѣ, которые оставались свободными, толпами шли изъ города, направляясь на югъ — къ кавказской линіи и Дону. Брага счелъ нужнымъ пробыть нѣкоторое время въ Царицынѣ — этомъ чрезвычайно характерномъ съ экономической и промысловой стороны вообще пунктѣ. Онъ, по своей готовности дѣлать все, что подвернется, и за всякую плату, какъ бы она мала ни была, на каждомъ шагу находилъ себѣ работу, тѣмъ болѣе, что здѣсь, кромѣ выгрузки, перегрузки и передвиженія отъ Волги къ станціи желѣзной дороги и обратно всевозможныхъ товаровъ, идущихъ съ Каспійскаго моря, съ верху и низу Волги на Донъ, а также съ Дону, Азовскаго и Чернаго морей на Волгу, для отправленія по ней и желѣзной дорогѣ на сѣверъ и югъ,—кромѣ всѣхъ этихъ работъ, здѣсь существуетъ еще заработокъ разными ремеслами. Довольно обширно раз-

Digitized by Google

виты здѣсь кустарныя ремесла: ковальское, столярное и плотницкое. Промышленники лѣсомъ держатъ въ этомъ городѣ цѣлыя депо готовыхъ домовъ, амбаровъ и другихъ зданій. Они настраиваютъ ихъ десятки и сотни разной величины и формы и потомъ продаютъ ихъ готовыми на свозъ въ степи казакамъ, крестьянамъ и калмыкамъ. Домъ въ длину 12 аршинъ, а въ ширину 8 арш., крытый тесомъ, можно здѣсь купить за 250—300 руб. Это вдвое дешевле того, если бы купить лѣсъ на Волгѣ, свезти его въ степи и нанять къ нему мастеровъ, которыхъ часто въ степяхъ и не найдешь.

На торговыхъ пристаняхъ по городамъ и селамъ, а также и на рыбныхъ тоняхъ очень часто можно встрѣтить рабочихъ одиночекъ; на работахъ же въ степяхъ и въ бурлацкомъ промыслѣ — на баркахъ, расшивахъ, бѣлянахъ и плотахъ—такіе встрѣчаются, какъ самыя рѣдкія исключенія. Здѣсь рабочіе нанимаются партіями или по крайней мѣрѣ по двое. Въ этомъ отношеніи въ народѣ существуетъ правило: „товарищъ въ дорогѣ и въ работѣ необходимъ, такъ-же какъ въ городѣ порука, а въ деревнѣ сосѣдъ“, и принципъ товарищества стоитъ строго. Зачастую плывущіе безостановочно по Волгѣ (остановиться бываетъ убыточно и часто невозможно) плоты и расшивы высаживаютъ гдѣ-нибудь на берегъ трудно-больного рабочаго, но онъ остается не одинъ: съ нимъ высаживается и совершенно здоровый его дорожный товарищъ. У нихъ все пополамъ: и заработокъ и убытокъ, и горе и радость. То-же самое встрѣчается и въ степяхъ. Вообще въ средѣ рабочаго люда на каждомъ шагу чувствуется потребность товарищества для взаимной поддержки.

Брага тоже почувствовалъ необходимость товарище-

Digitized by Google

ства. На первый разъ ему подвернулся въ товарищи человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, показавшійся ему съ перваго-же раза чрезвычайно практическимъ, смышленымъ, трезвымъ и дѣятельнымъ. Онъ и дѣйствительно былъ такимъ, но вскорѣ оказалось, что въ товарищи Браги онъ не годится такъ-же, какъ скоморохъ попу. Онъ былъ дѣленъ по своему. Въ черной работѣ и нѣкоторыхъ ремеслахъ онъ былъ дилетантъ: работалъ только временно, сколько ему взлюбится и схочется; главное же занятіе его было праздничное. Онъ былъ музыкантъ, имѣлъ гармонику и съ помощью ея дѣлалъ значительный заработокъ. По праздникамъ онъ выходилъ на людную площадь, гдѣ было нѣсколько кабаковъ и собирался народъ; садился тутъ гдѣ-нибудь и, когда достаточно собиралось народу, заявлялъ о себѣ игрою на своемъ инструментѣ. Онъ игралъ сначала самую заунывную русскую пѣсню, которая стонала, лилась какъ слёзы и хватала всѣхъ за сердце. Иногда онъ подъ гармонику подпѣвалъ. Это еще лучше выходило, и около него собирался большой кругъ. Дальше онъ игралъ какую-нибудь самую забористую плясовую пѣсню. Игралъ такъ, что многіе не могли удержаться, чтобы не плясать. Площадь покрывалась группами пляшущихъ. Многіе плясали съ великимъ азартомъ и послѣ говорили, что они никогда не могутъ утерпѣть и не плясать при хорошей музыкѣ, потому что имъ, какъ надо полагать, попадаются всегда сапоги изъ кожи бѣшеной коровы: такова уже ихъ участь. Музыкантъ, возбудивъ общій энтузіазмъ, умолкалъ и игралъ уже послѣ этого только тогда, когда ему платили. Охотниковъ всегда было много. За каждую извѣстную пѣсню у него была установлена особая такса, которую онъ по произволу дѣлалъ и больше и меньше, смотря по степени своего

Digitized by Google

утомленія и расположенію къ музыкѣ публики. Нанимали его иногда играть и на часъ, на два, и на цѣлый день. Такъ онъ зарабатывалъ отъ 10 до 20 рублей въ каждый праздникъ. Самая гармоника у него была на славу. Онъ заплатилъ за нее, какъ говорилъ, 30 руб. сер., и по устройству своему она дѣйствительно стоила этихъ денегъ. Она была довольно значительной величины, съ двойными клавишами, а по угламъ ея сверху были приправлены колокольчики, которые въ нужныхъ случаяхъ, по волѣ музыканта, звучно звякали и дѣлали тактъ.

Другой товарищъ Браги былъ молодой парень. Онъ встрѣтилъ его на площади между рабочими и въ первый разъ принялъ за сумашедшаго. Парень одѣтъ былъ только въ одну рубашку и порты, безъ шапки и сапогъ, за спиной и въ рукахъ у него ничего не было. Исхудалое лицо его было черно и подергивалось конвульсіями. Онъ дико смотрѣлъ глазами и все озирался, какъ будто чего-то страшился; обращаясь къ кому нибудь на площади, онъ спрашивалъ что-то и поспѣшно отбѣгалъ въ другую сторону. Никто на него не обращалъ вниманія. Дѣло было въ томъ, что онъ нѣсколько уже недѣль тому назадъ вышелъ на работу одинъ и за все это время не нашелъ никакого заработка. При выходѣ изъ дому цѣль его была добраться до Дубовки на Волгѣ, на переѣздъ куда онъ отдалъ послѣднія деньги. Работы тамъ для него не оказалось, и онъ направился изъ Дубовки деревнями въ Царицынъ. Дорогой его не вездѣ кормили ради Христа, и онъ проѣлъ все: косу, которою собирался на заработкахъ косить, сапоги, шапку, запасное бѣлье и онучи. Наконецъ, на послѣднемъ ночлегѣ казачка взяла у него за ночлегъ и сумку, и онъ остался безъ всего. Брага

Digitized by Google

имѣлъ въ карманѣ до трехъ десятковъ рублей, и такой горемыка какъ разъ подошелъ ему въ товарищи.

Потомъ уже, на дорогѣ изъ Царицына въ степи, Брага и его сотоварищъ сошлись еще съ 10-ю косарями. Это были крестьяне симбирской губерніи, партія—на подборъ молодецъ къ молодцу. Изъ нихъ нѣкоторые были уже пожилые люди, пріѣвшіе зубы въ хожденіи по заработкамъ. Артель эта была за большою славой. Она ежегодно ходила въ одни и тѣ-же мѣста и имѣла обширное знакомство. Между казаками въ донскихъ станицахъ она слыла партіей Алексѣевичей. Казаки другъ передъ другомъ всегда старались нанять косить Алексѣевичей; народъ это былъ—золото: ихъ только поставь, укажи работу и хоть не заглядывай. Многіе отцы, посылая сыновей на базаръ нанимать косарей, говорили: „погляди, не будетъ-ли знакомыхъ Алексѣевичей, что косили у насъ позапрошлый годъ“. Имя партіи этой далъ старикъ Алексѣевичъ, бывшій въ ней старшимъ и вожакомъ когда-то много уже лѣтъ тому назадъ. Давно уже старикъ умеръ на родинѣ въ симбирской губерніи и пересталъ ходить на заработки, а партія его и теперь все партія Алексѣевича. Послѣ—какъ видно будетъ ниже—крестьяне эти основали въ донскихъ степяхъ поселеніе и назвали его поселокъ „Алексѣевичи“. Такъ личныя достоинства и доблести не умираютъ между людьми. Брага и его товарищъ присоединились къ этой артели и не испортили собою десятка. Они тоже стали называться Алексѣевичами.

Работы въ приволжскихъ степяхъ и на Дону еще въ это время не предстояло, такъ какъ было только вторая половина мая. На Дону хотя и былъ хорошій урожай травы и хлѣба, но до покоса оставалось еще недѣли три;

Digitized by Google

поэтому партія Алексѣевичей направилась на линію Кавказа, гдѣ покосъ начинается ранѣе, нежели въ донской области, недѣлями тремя или даже мѣсяцемъ. Путь былъ дальній, а партія спѣшила къ дѣлу, какъ нельзя болѣе. Маршъ былъ самый форсированный: проходили иногда въ сутки по 80 и 90 верстъ. Брага выносилъ тяжкое испытаніе и выдерживалъ пробу: терпѣніе его было такъ же велико, какъ и страсть къ приключеніямъ всякаго рода.

Отбывъ покосъ на Кавказѣ и заработавъ на брата рублей по 50, Алексѣевичи воротились на Донъ въ калмыцкія кочевья и застали еще и тутъ косовицу. Живущіе здѣсь калмыки всѣ и всегда, а коннозаводчики, арендаторы-посѣвщики и казаки почти наполовину, нанимаютъ косарей косить отъ копны. Они приговариваютъ партію косарей и гребельщиковъ, указываютъ имъ траву и тѣ косятъ, гребутъ и кладутъ въ копны. Плату получаютъ отъ копны. Обыкновенно цѣна за копну отъ 20 до 40 к., смотря по урожаю травы. Если трава хороша и при костьбѣ набориста, косарь накашиваетъ въ день десять и болѣе копенъ, то цѣна за копну ниже. Бываетъ же трава урожаемъ такова, что самый хорошій косарь накоситъ въ день только двѣ, три копны. Тогда и цѣна за копну выше. Большею частью въ послѣднемъ случаѣ, если трава ужъ очень плоха, то отъ копны и не нанимаются косить. Косари, прежде нежели наняться, всегда внимательно осматриваютъ траву и уже послѣ этого дѣлаютъ условіе. Условливаются, чтобы копна была семисаженная (3 сажени черезъ верхъ и 4 кругомъ), чтобы принимать хозяину копны, сдѣлать имъ счетъ и мѣрить черезъ два дня не болѣе послѣ ихъ складки и проч. Со стороны недобросовѣстныхъ косарей употребляются часто,

Digitized by Google

при такой работѣ, всевозможныя хитрости. Кладутъ сѣно, давши ему хорошо высохнуть и потопорщиться. Каждый навилень стараются класть сторчь, а не плашмя. Кладутъ копны на кустахъ бурьяна и колючки; начиная копну, первый навилень кладутъ ребромъ, другой къ нему тоже приставляютъ ребромъ и т. д.; сѣно лежитъ въ копнѣ не ровно плашмя, а натопорено туда и сюда; его мало, а копна кажется большою. Стараются сдать хозяину такія копны передъ дождемъ, а не послѣ него, когда онѣ облягутъ. Отъ малѣйшаго дождя онѣ сильно затекаютъ и портятся. Вообще хозяевамъ мало бываетъ разсчета нанимать косарей отъ копны, но все-таки этотъ способъ многими практикуется, особенно калмыками.

Если косари косятъ отъ копны, то харчи обыкновенно у нихъ бываютъ свои, отъ хозяина они часто выговариваютъ только извѣстное число барановъ для мяса. Еще заблаговременно они запасаются въ достаточномъ количествѣ пшеномъ, саломъ, сухою рыбой для постныхъ дней; хлѣбъ же или нанимаютъ печь гдѣ-нибудь въ ближнемъ себѣ за извѣстную плату отъ пуда, или завозятъ съ собой сухари изъ дому, а не то покупаютъ ихъ у священниковъ и дьяконовъ ближайшихъ селъ. Духовенство получаетъ здѣсь доходъ отъ приходовъ деньгами въ самомъ незначительномъ количествѣ; больше имъ платятъ разными продуктами: масломъ, яйцами, мясомъ, животными, хлѣбомъ въ зернѣ и хлѣбомъ печенымъ. Печенаго хлѣба каждый причтъ собираетъ сотню возовъ. Все это дѣлится, сушится и потомъ сбывается прохожимъ, проѣзжимъ и желающимъ изъ мѣстныхъ жителей. У каждаго священника, дьякона и причетника можно найти всегда большіе запасы, цѣлые закромы сухарей. Прода-

Digitized by Google

ются самые лучшіе сухари на мѣру 50—60 коп. и на пудъ 1 р. и 1 р. 20 к.

Въ первой половинѣ іюля партія симбирцевъ-Алексѣевичей спѣшила домой, чтобы поспѣть убирать созрѣвшую къ этому времени рожь у себя дома. Брагѣ было рано ворочаться въ учебное заведеніе, и случай указалъ ему особый путь. Онъ нашелъ для себя удобнымъ наняться въ табунщики къ татарамъ, пріѣхавшимъ изъ Крыма.

На лошадей въ коннозаводскихъ степяхъ Дона всегда существуетъ довольно хорошій сбытъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ коннозаводчики выгоняли лошадей для продажи на ярмарки. Теперь они этого почти не дѣлаютъ. Если и случается встрѣтить на какой-нибудь ярмаркѣ лошадей, то это только бракъ изъ молодыхъ, или старыя, отслужившія уже въ табунахъ свою службу лошади. Годныхъ же лошадей покупаютъ въ табунахъ на мѣстѣ ремонтеры войскъ, барышники и казаки для службы. Ремонтеры и барышники захватываютъ молодыхъ лошадей большею частью годовиками, съ тѣмъ иногда, чтобы взять ихъ изъ табуна черезъ лѣто и зиму весной, т. е. въ то время, когда они будутъ уже третьяками. Отсюда они угоняютъ ихъ въ свои депо и по нѣкоторой выдержкѣ тамъ доставляютъ въ свои части войскъ. Нѣкоторые барышники угоняютъ табуны молодыхъ коней и кобылицъ, годныхъ для ремонта войскъ, заграницу, что въ послѣдніе года воспрещается.

Старыхъ табунныхъ лошадей, негодныхъ уже для приплода, а также и молодыхъ, имѣющихъ какіе-нибудь физическіе недостатки, покупаютъ на зарѣзъ калмыки и татары. Есть и между коннозаводчиками гастрономы, которые употребляютъ въ пищу конину, особенно молодыхъ,

Digitized by Google

сосущихъ еще матерей жеребятъ, находя ихъ мясо вкуснѣе всякаго другого. Нѣкоторые изъ нихъ никакого другого мяса и не употребляютъ. Они рѣжутъ своихъ калѣкъ-жеребятъ, а также скупаютъ такихъ въ чужихъ табунахъ. Любители эти находятъ, что самое вкусное мясо у лошади получается изъ холки и спины.

Но все-таки браковыхъ лошадей, годныхъ только на мясо, оставалось бы еще много отъ мѣстнаго потребленія, еслибы на нихъ не было спроса на сторону. Въ этомъ отношеніи коннозаводчиковъ выручаютъ крымскіе татары. Они пріѣзжаютъ сюда иногда партіями, скупаютъ цѣлые табуны старыхъ, матерыхъ кобылицъ, отгоняютъ ихъ въ извѣстные пункты крымскихъ степей, отгуливаютъ тамъ и бьютъ на мясо. Эти скупщики иногда находятъ для себя выгоднымъ покупать этотъ товаръ по довольно высокой сравнительно цѣнѣ, и они согласны скорѣе купить хотя и ослабѣвшую, старую, но мясистую, громадную кобылицу, нежели молодую и въ полной силѣ. Цѣна на старыхъ кобылицъ опускается до 15—10 руб. и поднимается до 40—50 руб. сер. за голову.

Къ такимъ-то купцамъ-татарамъ Брага поступилъ въ погонщики табуна. Онъ весьма успѣшно сослужилъ эту службу и получилъ хорошій заработокъ. Кромѣ того, такой благопріятный случай далъ ему возможность ознакомиться со степями Крыма и бытомъ татаръ. Изъ Крыма онъ воротился въ великую Россію тоже при дѣлѣ. Онъ былъ рабочимъ при гуртѣ рогатаго скота, который скупили въ Малороссіи и гнали въ Москву коломенскіе купцы.

Подобное-же странствованіе и съ тою-же партіей симбирцевъ (артель сходилась каждый разъ въ условленномъ мѣстѣ) Брага продолжалъ и еще три лѣта. На

Digitized by Google

другой годъ послѣ описаннаго лѣта Алексѣевичамъ однако была полная неудача, какъ и вообще всѣмъ, пришедшимъ въ этотъ край для заработковъ. Годъ былъ самый несчастный. Еще съ зимы начались дурные признаки. Зима была почти безъ снѣгу, хотя и съ большими морозами и частыми гололедицами. То вся земля была покрыта льдомъ, то онъ исчезалъ, вымерзая мало-по-малу. Корму къ зимѣ хотя и было заготовлено въ достаточномъ количествѣ, но такъ какъ, вслѣдствіе гололедицъ, скоту съ самаго начала зимы нельзя было пастись въ полѣ, то онъ и былъ весь стравленъ. У многихъ корму даже не достало на всю зиму: морозы были лютые и скотъ истреблялъ кормъ въ далеко большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ. Весной и въ первой половинѣ лѣта была засуха. Трава не выросла, озимая пшеница и рожь повымерзли еще зимой, а посѣянный весной яровой хлѣбъ не взошелъ и остался въ землѣ. Пашни всѣ чернѣли, точно вчера вспаханныя.

Рабочихъ изъ внутреннихъ губерній сошлось однако въ степи и въ этотъ годъ, какъ обыкновенно. Казалось даже, что ихъ было больше, нежели въ предшествовавшіе года. Узнавъ положеніе дѣлъ, народъ отхлынулъ въ ужасѣ. Это было бѣгство, подобное бѣгству французовъ изъ-подъ Москвы. На самой срединѣ лѣта край представлялъ самый печальный видъ. Народу угрожалъ страшный голодъ, скоту—гибель отъ безкормицы. По степнымъ дорогамъ воровство и грабежи усились до того что никому даже изъ оффиціальныхъ лицъ нельзя было проѣхать безъ усиленнаго конвоя. Денегъ въ народѣ вовсе не было. Продать было нечего, кромѣ скота; между тѣмъ послѣдній цѣнился ни во что. Его выгоняли на ярмарки вдвое-трое противъ обыкновеннаго, но большею

Digitized by Google

частью отдавали въ мѣну на красный и сапожный товаръ, на деготь; многіе промѣнивали цѣлые десятки коровъ и быковъ на табакъ и крендели и послѣ развозили эти продукты для продажи и мѣны по поселкамъ и калмыцкимъ кочевьямъ. Почти всѣ ярмарочные торговцы съ каждой ярмарки гнали гурты скота. Изъ Воронежской и Екатеринославской губерній, а также съ Волги, промышленники привозятъ въ степи множество повозокъ и разныхъ другихъ экипажей. Въ этотъ разъ они мѣняли свои издѣлія тоже на скотъ. Брали за возъ, стоющій 10—12 р., быка въ цѣну 40—50 руб., за повозку 5-рублеваго достоинства—корову въ 30—40 р. Кто привезъ на ярмарку 100 возовъ—тотъ погналъ домой 100 быковъ; кто привезъ 100 повозокъ—100 коровъ.

Хлѣба въ народѣ, такъ-же какъ и денегъ, почти не было. Его имѣла свой собственный, можетъ быть, только пятая часть населенія,—остальнымъ нужно было его покупать. Изъ общественныхъ магазиновъ засыпка хлѣба была вся разобрана еще среди лѣта. Кто только имѣлъ какія-нибудь деньги, то спѣшили закупить хлѣбъ въ Ростовѣ-на-Дону, въ Царицинѣ, Саратовѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ ссыпки хлѣба. Многіе готовились питаться преимущественно мясомъ. Поэтому готовили кадки и чаны для соленья мяса и рѣзали скотину и овецъ еще осенью, пока она не исхудала отъ безкормицы.

Менѣе всего обнаруживали безпокойства изъ мѣстныхъ жителей калмыки. Эти привыкли довольствоваться мясною и молочною пищей, имъ не нужно ни квасу, ни капусты для щей, ни пшена для каши. Хлѣба же имъ надо такъ мало, что на всю зиму примѣрно съ покрова и до святой достаточно бываетъ одного пуда ржаной

Digitized by Google

муки на каждую душу въ семьѣ. Обыкновенно калмыки хлѣба не пекутъ: не умѣютъ, да и посуды у нихъ на это нѣтъ. Вмѣсто печенаго хлѣба они употребляютъ буданъ: кипятятъ воду, сыпятъ туда немного муки и разбалтываютъ. Употребленіе этого кушанья замѣняетъ у нихъ хлѣбъ, хотя и не считается главною пищею, такъ какъ главнѣйшая и самая питательная пища калмыковъ бараній или говяжій шюлюнъ (отваръ, бульонъ), потомъ уже мясо, молоко, лепешки кислаго творогу, замѣняющія у нихъ квасъ и кислую капусту.

Многіе русскіе изъ коренныхъ жителей на юго-востокѣ въ эту зиму жили рѣшительно на калмыцкій манеръ: употребляли въ пищу преимущественно мясо, хлѣба не пекли, а дѣлали буданъ. Недостатокъ квасу (его не изъ чего было варить) и кислой капусты (огородныя овощи въ тотъ годъ тоже не родились) замѣняли арьяномъ (особенно приготовленный изъ кислаго молока напитокъ) и деревомъ-кислицей, барбарисомъ. Послѣдняго еще лѣтомъ и осенью наламывали вѣтками вмѣстѣ съ плодами и листьями, клали въ кадушки и наливали водой, которая черезъ нѣсколько дней дѣлалась кислою, какъ уксусъ. Когда вода вычерпывалась, то кадушку вновь наливали. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ одна большая кадушка съ вѣтками и плодами барбариса служила всю зиму и доставляла квасъ.

Въ послѣдней половинѣ лѣта того года кое-гдѣ въ степяхъ выпадалъ дождь. По дорогамъ и степнымъ низинамъ повыросли лебеда, перекати-поле, колючка, просянка; появился также во многихъ луговыхъ мѣстахъ кустистый бурьянъ-солодникъ. Казаки, крестьяне и калмыки косили и били топорами все это другъ передъ другомъ, возили въ зеленомъ видѣ домой, складывали на

Digitized by Google

сараи и закуты и тщательно сушили. Все это предназначалось частью на кормъ скоту, а частью въ пищу для себя. Съ растеній этихъ по высушкѣ ихъ обивались сѣмена и листья для перемола въ муку. На мельницахъ многіе мололи всевозможную солому и особенно овсяную мякину, подмѣшавъ туда нѣкоторое количество зеренъ пшеницы, ржи или ячменя. Въ лѣсахъ, гдѣ по буеракамъ и рощамъ произростали дубы, собирали жолуди, которые въ тотъ годъ весьма уродились.

Степи къ зимѣ почти опустѣли. Многіе степные поселки крестьянъ цѣликомъ, совсѣмъ съ хатами и домашними животными, скочевали внутрь Россіи, гдѣ больше было шансовъ не умереть съ голоду. Тѣ коннозаводчики, помѣщики и купцы-арендаторы, которые обыкновенно держали по 20—30 и болѣе сроковыхъ и годовыхъ рабочихъ, занимавшихся у нихъ лѣтомъ полевыми работами, а зимой присмотромъ за скотомъ и подвозкой для него корму, теперь оставили изъ 20—двухъ, а изъ 30—трехъ только человѣкъ; остальныхъ разочли и отпустили. Въ эту зиму возить ничего не предстояло: скотъ была только надежда прокормить подножнымъ кормомъ. Большинство разочтенныхъ и отпущенныхъ сроковыхъ рабочихъ посправляли кое-какія телѣжки и кочевали съ семьями на сѣверъ, везя съ собою и весь свой скарбъ. Планъ ихъ былъ тотъ, чтобы пріютиться гдѣ-нибудь на родинѣ около родныхъ, которые не дадутъ все-таки умереть съ голоду на время зимы, а весной опять воротиться на прежнія мѣста.

Симбирцы, товарищи Браги, подобно другимъ рабочимъ, уѣхали со степей: для нихъ происходившее здѣсь было почти обычное явленіе. Но Брага остался: онъ пораженъ былъ и прикованъ къ мѣсту ужасами народ-

Digitized by Google

ныхъ бѣдствій, катастрофами хозяйствъ. Нельзя знать, что было бы съ нимъ, еслибы среди лѣта ему не подвернулись новые товарищи и не увлекли его за собой. Это были шестеро мужичковъ южной окраины Пензенской губерніи. Они ремесломъ были полстовалы. Каждый годъ послѣ покоса у себя въ губерніи ржи, они справляли сообща надежную лошадку (за нею они всѣ въ дорогѣ и на мѣстахъ, гдѣ останавливались, ухаживали съ необыкновенною любовью, другъ передъ другомъ кормили ее сѣчкой изъ ржаной соломы, пересыпанной мукой), отправлялись на Донъ или на Уралъ и тамъ весь остатокъ лѣта, осень и зиму производили свое ремесло. Они работали казакамъ, калмыкамъ и киргизамъ; работы было такъ много, что они не успѣвали все подѣлать. Обыкновенно они били шерсть, валяли теплые сапоги (валенки), ботинки, кеньги, а также войлоки, налавники и проч. Зарабатывали они этимъ промысломъ въ 5—6 мѣсяцевъ на брата по 100 руб. и болѣе. Обыкновенно въ путь изъ дому они отправлялись въ первой половинѣ августа, а ворочались всегда уже къ масляницѣ, такъ чтобы масляницу провести „съ женами“. Это время, когда они съ хорошими заработками ворочались въ родную семью, было для нихъ самое счастливое и веселое въ году время.

Брага присоединился къ этимъ ремесленникамъ. На этотъ годъ пензенцы сочли болѣе для себя удобнымъ отправиться за Уралъ и работали тамъ зиму у казаковъ и киргизовъ довольно удачно. Брага искусился и въ этомъ ремеслѣ. Онъ, попеременно, то работалъ струною шерстобитной балалайки, то валялъ войлоки для калмыцкихъ и киргизскихъ кибитокъ.

Digitized by Google

Все, видѣнное и переиспытанное въ этотъ годъ Василіемъ Степановичемъ Брагой, сильно углубило его. Онъ возмужалъ духомъ, осмотрѣлся, и кругозоръ его въ средѣ народной жизни, ея нуждъ и потребностей широко раздвинулся. Для своей дѣятельности на будущій годъ онъ создалъ ужъ опредѣленный и ясный планъ. У него теперь было въ сберегательной кассѣ около 200 руб., и онъ съ помощью этого капитала придумалъ употребить свой и своихъ товарищей трудъ съ возможно наибольшей выгодой. Судьба благопріятствовала его замысламъ. Слѣдующіе затѣмъ два года были на югѣ-востокѣ урожайные и дали ему возможность привести въ исполненіе задуманный имъ планъ. Онъ незамѣтно теперь сталъ передовымъ вожакомъ, атаманомъ въ партіи Алексѣевичей. Правду сказать, атаманъ былъ хоть куда; еслибы и самъ старый Алаксѣевичъ всталъ теперь изъ гроба, то могучему косарю ничего-бы не оставалось дѣлать, какъ апплодировать, кричать ура и бросать шапку вверхъ. Брага повелъ въ битву небольшую, но храбрую армію!..

На другой годъ Алексѣевичи были на степи недалеко отъ Ростова-на-Дону и сначала сами отъ себя косили и продавали сѣно, а потомъ ловили въ гирлахъ Дона рыбу. На третій годъ они очутились на донскихъ соляныхъ озерахъ и угольныхъ копяхъ и во всѣхъ мѣстахъ этихъ имѣли хорошій заработокъ. Всѣ промыслы эти съ успѣхомъ практикуются многими рабочими крестьянскими партіями и заслуживаютъ вниманія, какъ отраднѣйшее явленіе въ народной жизни. Они являются фактомъ, доказывающимъ пробужденіе и въ средѣ народной массы духа промышленности, сметливости и сообразительности.

Нѣкоторыя крестьянскія партіи около Ростова и Та-

Digitized by Google

ганрога начинаютъ самостоятельныя промышленныя предпріятія, совершенно не имѣя денегъ. Они являются предъ началомъ покоса травъ къ какому-нибудь землевладѣльцу и заявляютъ свое желаніе косить траву съ копны. Косятъ на такихъ условіяхъ: если трава хороша, то съ третьей копны, т. е. хозяину одну копну, а себѣ двѣ; плоше трава, то косятъ съ 4-й копны, или даже съ пятой. Свое сѣно косари тотчасъ, еще зеленымъ, накладываютъ на воза и возятъ въ городъ на базаръ, гдѣ въ это время свѣжее сѣно всегда въ высокой цѣнѣ. Продаютъ они и на мѣстѣ въ степи сѣно копнами и стогами. Заручившись деньгами, они часто перестаютъ уже косить съ копны, а снимаютъ степь за деньги и косятъ ужъ свою траву.

Артель Браги съ перваго раза сняла степь за деньги. Товарищи за 75 руб. сняли степь, гдѣ можно было накосить сѣна болѣе 2000 копенъ. Для возки сѣна на рынокъ одна лошадь у нихъ была, другую они недорого прикупили на первыхъ-же дняхъ работы. При снятіи степи за деньги копна сѣна въ травѣ обходилась имъ около 3 коп., тогда какъ еслибы они косили сѣно съ копны и отдавали бы землевладѣльцу 3-ю копну, то такимъ образомъ приплачивали бы ему за каждую изъ оставшихся на ихъ долю двухъ копенъ по 30—35 коп. Изъ 2 тысячъ копенъ, накошенныхъ ими, двѣсти копенъ у нихъ осталось непроданными. Они сметали ихъ въ стога и отдали для продажи на коммиссію надежному лицу.

Рыболовство на Дону развито только въ низовыхъ станицахъ, особенно у гирлъ Дона. Заниматься имъ могутъ только мѣстные жители-казаки, и каждая станица въ своемъ юртѣ. Правилами и постановленіями станицъ

Digitized by Google

запрещено ловить рыбу чужими неводами изъ части, имѣть промыселъ подъ чужимъ именемъ, а также и принимать въ компанію постороннихъ лицъ. Но во всѣхъ станицахъ многіе изъ казаковъ часто поставлены въ необходимость нарушать эти постановленія. Всѣ обзаведенія для рыбнаго промысла стоютъ не дешево. У хозяина-рыбака должны быть: домъ для помѣщенія рабочихъ, заводъ, т. е. хорошо устроенный сарай, наполненный бутами, комягами, бочками, солилами, шаплыками и другими снарядами для соленія рыбы, бугунъ для сушки рыбы, два по крайней мѣрѣ дуба (плоскодонныя лодки для укладки невода), два и болѣе каюка, сѣжи, вентери, два непремѣнно невода изъ густой и рѣдкой дѣли и одна или двѣ волокуши (тоже неводъ, только въ меньшемъ по длинѣ и ширинѣ размѣрѣ) для мелководныхъ во время половодья тоней. На все это затрачивается 4—5 тысячъ рублей. Далѣе нужно нанять партію рабочихъ, которымъ необходимо почти всегда половину жалованья отдать впередъ. Ихъ нужно одѣть, продовольствовать, выписать паспорты, и это—исторія обширная. Обыкновенно рыбаки забродчики нанимаются на срокъ: отъ масляницы до троицы 35 р., отъ троицы до 8 сентября 50—60 р., отъ 8 сентября до 15 ноября 25—40 руб. и отъ 15 ноября до масляницы 25 руб. Такимъ образомъ простой забродчикъ стоитъ въ годъ отъ 135 до 160 руб.; рыбакъ же заводчикъ (это тоже забродчикъ, но старшій въ партіи, управляющій дубомъ и рабочими) получаетъ въ годъ 300 рублей и болѣе. Всѣ рабочіе бываютъ на своемъ платьѣ. Въ холодное время, болтаясь въ водѣ часто съ пловучими льдинами, они бываютъ буквально обшиты самою лучшею юфтью, не пропускающею воды. Сапоги у нихъ съ голенищами

Digitized by Google

выше колѣна, а сверху въ родѣ шароваръ по поясъ надѣваются юфтовые порты, которые ниже колѣнъ, сверху голенищъ, плотно завязываются шнурками; на рукахъ прочныя рукавицы.

По причинѣ значительности затратъ на этотъ промыселъ донскіе рыбаки большею частью только обзаводятся всѣми необходимыми для рыболовства снастями и препаратами; рабочихъ же часто принимаютъ изъ части: пополамъ, за треть и т. д. Поэтому Брагѣ съ товарищами, имѣвшему около полуторы тысячи заработка сѣномъ, легко было пристроиться къ этому выгодному промыслу.

Алексѣевичи пришли къ гирламъ Дона уже въ то время, когда прошелъ ледъ, прошла холодная вода и начала прибывать теплая. Холодной воды было мало, она не разливалась: во время хода ея берега Дона были на полтора и болѣе аршина видны изъ воды. Теплой воды было нѣсколько больше, но и она выступила только изъ болѣе низкихъ береговъ, высокіе же остались все-таки незатопленными *). Несмотря на позднее для рыболовства время, Алексѣевичи все-таки успѣли поймать около 70 тысячъ разной рыбы и до 150 тысячъ тарани. Первую продавали въ Ростовѣ за тысячу отъ 17 до 34 р., а вторую солили и вѣшали для сушки на рыбоспѣтномъ заводѣ. Выручка дѣлилась съ хозяиномъ завода пополамъ.

Къ концу рабочаго сезона у симбирцевъ оказалось заработка около 4 тысячъ рублей, тогда какъ обыкновен-

*) Весной полая вода въ Дону прибываетъ два раза: первый разъ, какъ только растаетъ снѣгъ въ южныхъ частяхъ Дона; потомъ въ другой разъ, недѣли черезъ три, начинаетъ опять прибывать отъ растаявшаго снѣга въ верховьяхъ Дона. Первая прибыль воды называется холодною, вторая—теплою.

Digitized by Google

нымъ покосомъ даже и въ хорошіе года они не заработывали и тысячи руб. За удовлетвореніемъ обыкновенныхъ своихъ домашнихъ нуждъ они теперь могли имѣть въ остаткѣ около 3 тысячъ рублей. Давно уже они подумывали купить участокъ земли и завести въ степяхъ свои хозяйства, теперь рѣшили этотъ вопросъ окончательно. Выборъ ихъ палъ на одну изъ самыхъ глухихъ мѣстностей донской области. Это былъ отдѣлъ степи, разрѣзанный на участки въ потомственную собственность донскимъ офицерамъ и чиновникамъ. Подходящими къ покупкѣ оказались участки двухъ подполковниковъ, каждый въ 400 десятинъ. Участки эти лежали рядомъ и были нарѣзаны такими длинными и узкими полосами, что ихъ необходимо было покупать только оба вмѣстѣ: на одномъ изъ нихъ отдѣльно нельзя было завести и одного самостоятельнаго хозяйства. Они оба тянулись по длинѣ глубокой и скалистой балки, прилегая къ ней каждый одною своею стороною, такъ что межа между ними проходила по углубленію балки. Мѣстность эта была замѣчательна по своей дикости и пустынности. Природныя свойства ея поверхности, черноземной, но во многихъ мѣстахъ каменистой (по балкамъ вездѣ были высокія скалы), и обитавшія здѣсь дикія животныя давали ей особый отпечатокъ.

Всею окружностью въ избранной симбирцами мѣстности владѣлъ, на правахъ арендатора, купецъ—посѣвщикъ хлѣба и вмѣстѣ скотопромышленникъ. У него въ отношеніи арендованія земли было что-то въ родѣ маніи. Онъ наарендовалъ ея и частной и казенной (войсковой) столько, что и счетъ потерялъ всѣмъ крупнымъ и мелкимъ участкамъ, которые взялъ въ аренду. Въ мѣстности находилось множество участковъ войсковой земли мелкихъ

Digitized by Google

по нѣскольку десятковъ или сотенъ десятинъ. Были такіе-же участки и частныхъ собственниковъ, нарѣзанные на крестьянскіе души по 8 ревизіи. Послѣдніе были величиною начиная съ 15 десятинъ, какъ полагалось на одну душу. Купецъ десятками бралъ такіе участки на торгахъ и столько наарендовалъ ихъ, что нѣкоторые вовсе упустилъ изъ виду и земля иногда много лѣтъ никому какъ-бы не принадлежала и была невладѣемою. Были, можетъ быть, и такіе участки, про которые само правительство забыло и никому ихъ не отдавало въ аренду. Между мѣстными крестьянами, а также проѣзжими чумаками и скотопромышленниками, такія совершенно свободныя мѣста назывались „Божіею землею", т. е. землею, принадлежащею одному Богу. Ими пользовался всякій, кто желалъ; многіе даже тихонько сѣяли на нихъ хлѣбъ и косили сѣно, но всякій разъ старались какъ можно скорѣе копны сѣна и хлѣбъ свезти домой. Проходящіе обозами чумаки ужъ такъ привыкли къ этому явленію, что всегда, желая покормить воловъ, спрашивали: „нѣтъ-ли гдѣ тутъ по близости Божіей земли?" Купецъ, владѣя такъ безпорядочно землею, не былъ однако въ убыткахъ. Онъ арендовалъ всего земли болѣе 200 тысячъ десятинъ по цѣнѣ отъ 5 до 50 коп. Изъ всего этого количества онъ самъ распахивалъ ежегодно около 2—3 тысячъ десятинъ цѣлинной земли; на остальной землѣ косилъ сѣно, пасъ скотъ, отдавалъ подъ попасъ другимъ скотопромышленникамъ и подъ распашку крестьянамъ, возвышая арендную плату за десятину до 12 р. с. Самъ купецъ распахивалъ земли сравнительно весьма мало, такъ какъ обработка десятины обходилась наемными рабочими и волами въ 45 р. За одну распашку десятины цѣлины платилось по 8 р.

Digitized by Google

Подполковникамъ за упомянутые участки купецъ Разбойниковъ *) платилъ по 25 коп. за десятину, а всего каждому за участокъ въ 400 десятинъ по 100 р. Но подполковники отдавали Разбойникову землю только съ тѣмъ, чтобы онъ пасъ на ней скотъ, производилъ сѣнокосъ и распахивалъ ее, если пожелаетъ, но не имѣлъ права бить на ней птицу и звѣрей. Поэтому каждый изъ нихъ бралъ еще плату съ партіи казаковъ-охотниковъ за право бить изъ ружей, ловить капканами, тенетами и сѣтями всевозможную дичь. Казаки платили подполковникамъ по 150 руб. каждому и производили здѣсь свой промыселъ. Такимъ образомъ эксплуатація этой земли выходила весьма оригинальною. Замѣчательно, что подполковники не имѣли совершенно никакого понятія о землѣ и ея свойствахъ. Они нисколько не цѣнили драгоцѣнной дѣвственности и нетронутости земли. Они не додумались даже до того разсчета, что мѣстные крестьяне охотно-бы отдали имъ по 10 руб. аренды за одинъ годъ владѣнія цѣлиной для распашки. Въ условіяхъ аренды неприкосновенность и самой малой части земли не оговаривалось, и купецъ могъ въ первый-же годъ распахать ее изъ конца въ конецъ. Рано или поздно онъ и добрался бы до нея, но покуда еще очередь до нея не дошла, такъ какъ она удалена была отъ населенныхъ мѣстъ на разстояніе около сотни верстъ. Дальше же судьбою назначена была этой землѣ другая участь.

---

*) Такова странная фамилія мѣстнаго арендатора земли. Крестьяне называли его просто Разбойникъ, но чаще почему-то Сахаръ. Послѣднее прозвище дано ему, можетъ быть, оттого, что онъ всегда, если хотѣлъ арендовать у казаковъ нужную ему землю на выгонныхъ кондиціяхъ, то разсылалъ самымъ вліятельнымъ въ ихъ обществѣ головы сахару. Многимъ также въ такихъ случаяхъ онъ дарилъ халаты.

Digitized by Google

Можно сказать, что участки подполковниковъ съ тянущеюся по длинѣ ихъ скалистою балкой были для охотниковъ золотое дно. Они производили здѣсь охоту на всевозможную дичь втеченіи всего года, выѣзжая сюда въ благопріятное для каждаго рода охоты время. И какого только животнаго эти смѣтливые люди не уничтожали здѣсь и не обращали въ свою пользу. Они били желтобрюховъ (большихъ безногихъ ящерицъ, похожихъ на ужей и змѣй и водящихся въ множествѣ по мѣстамъ дикимъ, степнымъ, скалистымъ), сурковъ, ежей, сусликовъ, зайцевъ, лисицъ, волковъ, сайгаковъ, дудаковъ, стрепетовъ, утокъ. Нельзя подробно здѣсь не коснуться этой оригинальной промышленности, которая производится и въ настоящее время на юго-востокѣ, но уже, за недостаткомъ удобныхъ мѣстъ, въ небольшихъ размѣрахъ и въ очень немногихъ мѣстахъ. Спеціалисты-охотники уже весьма рѣдко встрѣчаются между казаками, но они еще есть.

Самый фундаментальный доходъ давала промышленникамъ охота на сурковъ и желтобрюховъ. Сурки (байбаки) водились здѣсь во множествѣ, и степь усѣяна была кургашиками, заключающими ихъ чрезвычайно длинныя, идущія въ землѣ самыми замысловатыми вверхъ и внизъ зигзагами, образующими углы и спиральные круги, норы. Самое гнѣздно сурка бываетъ устроено въ концѣ норы, гдѣ-нибудь надъ самою возвышенною поверхностью земли. Случалось привязывать сурка на арканъ и пускать въ нору—и самаго длиннаго аркана не доставало, чтобы допустить сурка до его гнѣзда. Онъ втягивалъ его въ нору весь. Животное это имѣетъ довольно цѣнную пушную шкуру, величиною бываетъ далеко больше зайца; встрѣчаются особи, достигающія роста средней

Digitized by Google

величины собаки. Лѣтомъ сурки страшно жирны и охотники пользуются отъ нихъ, кромѣ шкурки, еще жиромъ, который цѣнится довольно дорого. Чтобы охотиться на сурковъ, нужна особая сноровка и ловкость. Ихъ трудно застать вдали отъ норъ, когда они кормятся, такъ какъ дѣлаютъ они это ночью и по зарямъ; среди же дня, въ солнечное время, сурки выходятъ изъ норъ на свои кургашки и здѣсь бѣгаютъ другъ за другомъ, кувыркаются, а больше сидятъ около самыхъ своихъ норъ на заднихъ лапкахъ, поднявъ переднія вверхъ, и посвистываютъ. Охотнику нужно подкрасться къ сурку изъ-за другого кургана и выстрѣломъ убить его наповалъ, попавъ въ голову или въ сердце; если-же его только ранить, то онъ моментально опускается въ нору, и оттуда его ужъ не достанешь. Ловятъ также сурковъ капканами, но это не всегда удается; опытнаго сурка въ капканъ не возьмешь, подобно какъ и травленнаго, бывалаго волка.

Охота на желтобрюховъ тоже производится весьма оригинально. Животныя эти въ этой мѣстности нѣсколько лѣтъ тому назадъ водились въ огромномъ количествѣ. Любимые притоны ихъ были каменистыя скалы, расположенныя по балкѣ, съ расщелинами и множествомъ наваленныхъ другъ на друга внизу каменныхъ глыбъ. Желтобрюхи достигаютъ большихъ размѣровъ роста. Средняя и обычная величина ихъ отъ полутора до 3-хъ аршинъ; но они встрѣчаются даже до 5 и болѣе аршинъ. Случается ѣхать на волахъ по дорогѣ и вдругъ, въ то время, когда сидишь на переднемъ возу, а сзади вереницей привязано еще нѣсколько паръ воловъ съ возами, желтобрюхъ или изъ любопытства, или изъ шалости, желая показать свое удальство, подползаетъ къ какому-нибудь заднему возу, взбирается на него и въ то время,

Digitized by Google

когда голова его лежитъ на дышлѣ воза, а туловище тянется по подтокѣ или полудробкамъ, хвостъ виситъ съ воза и тянется по дорогѣ. Часто желтобрюхъ начинаетъ въ такомъ положеніи шипѣть, показывая языкъ и страшно при этомъ пугаетъ воловъ, которые поднимаютъ ревъ, какъ при нападеніи волка. Извиваясь и ползая по возу, онъ иногда нечаянно попадаетъ подъ колесо; оно переѣзжаетъ ему туловище, брюхо или голову, и часто по степнымъ дорогамъ можно видѣть трупы громадныхъ желтобрюховъ, распластанные во всю свою длину. Животное это вообще робкое и безвредное: не имѣя зубовъ оно пастью только щиплетъ. Когда испугается чьего-либо присутствія и спрятаться ему негдѣ, оно поднимаетъ шею и голову вверхъ иногда на аршинъ и болѣе, такъ что самая голова бываетъ всегда выше травы четверти на двѣ аршина, и убѣгаетъ съ необыкновенною быстротою, со свистомъ и шелестомъ качающейся кругомъ травы. Тутъ по немъ можно стрѣлять изъ ружья, но догнать бываетъ трудно и невозможно даже на быстрѣйшей лошади. Издали желтобрюхъ въ такомъ случаѣ кажется торчащимъ изъ травы и съ необыкновенною быстротою удаляющимся коломъ.

Желтобрюхи не всегда однако робки и безвредны. Лошадямъ и скоту не всегда удается спокойно пастись въ томъ мѣстѣ, гдѣ они водятся. Самые большіе изъ нихъ со злостью бросаются на скотъ и лошадей, хватаютъ пастью ихъ за хвостъ и, дѣлая изгибы туловищемъ, опираясь кольцами въ землю, бьютъ животное хвостомъ, какъ кнутомъ или цѣпомъ, съ такою силою, что иногда засѣкаютъ до полусмерти. Лошадь или корова крутясь на одномъ мѣстѣ, брыкается, бросается уходить, а желтобрюхъ продолжаетъ свое, покуда ему

Digitized by Google

заблагоразсудится выпустить изъ пасти хвостъ. Бываютъ случаи, что желтобрюхи нападаютъ даже на людей. Недалеко отъ описываемаго мѣста былъ такой случай. Крестьяне раздѣлили степь на паи и начали косить траву. Одинъ изъ крестьянъ косилъ свой пай поодаль отъ другихъ, и вдругъ его не стало видно. Товарищи сначала думали, что онъ прилегъ отдохнуть; потомъ-же, черезъ нѣкоторое время, порѣшивъ, что онъ болѣнъ, отправились его навѣстить. Оказалось, что онъ лежитъ безъ чувствъ, весь избитый желтобрюхомъ. Самъ желтобрюхъ, избившій крестьянина, тоже былъ мертвъ, перерѣзанный, какъ было видно, стоявшею кверху лезвіемъ косою, на которую онъ упалъ, бросая хвостомъ. Можно было полагать, что крестьянинъ косилъ вблизи гнѣзда ящерицы, и послѣдняя дѣйствовала въ защиту своего жилища и семьи. Крестьянинъ съ перваго раза оторопѣлъ и былъ пришибленъ до безпамятства.

Желтобрюхи питаются насѣкомыми, а также мышами, сусликами, молодыми зайцами, раззоряютъ птичьи гнѣзда и хватаютъ самыхъ небольшихъ птицъ. Случается, что желтобрюхъ схватываетъ какую-нибудь ласточку или шнура, живущихъ обыкновенно въ норахъ по ярамъ балокъ, и схватитъ не съ головы, а съ хвоста; крылья птички въ такомъ случаѣ растопырятся, желтобрюхъ не можетъ ее проглотить, но и выпустить изъ пасти не желаетъ и потому свернется въ кольца и лежитъ въ забытьи иногда по нѣскольку дней. Крылья птички въ это время бываютъ у него растопырены какъ-бы на спинѣ, и онъ кажется крылатымъ.

Желтобрюховъ бьютъ изъ ружей, а больше дубинами и камнями, особенно въ то время, когда у нихъ бываетъ течка. Они тогда собираются большими шайками

Digitized by Google

и ворочаются иногда въ свалкѣ клубомъ. Ихъ топятъ на жиръ. Самый чистый и дорогой жиръ изъ нихъ называется сыротокъ. Онъ получается когда убитыхъ желтобрюховъ вѣшаютъ во всю длину головами вверхъ на жердь, положенную на высокіе подсошки. На землю подъ ними ставятъ горшки, и жиръ течетъ въ нихъ отъ солнечнаго жара.

Ежей берутъ, когда они особенно жирны, начиная съ средины лѣта и до осени. Удобнѣе всего и выгоднѣе брать ихъ изъ гнѣздъ, куда они залѣзаютъ на зиму. Ихъ отнюдь не рѣжутъ ножемъ, а чѣмъ-нибудь пришибаютъ или просто живыми бросаютъ въ котелъ на огнѣ. Если зарѣзать ежа и выпустить изъ него кровь, то онъ даетъ сала почти въ половину менѣе. Во многихъ степныхъ хуторахъ нѣкоторыя казачьи семейства для освѣщенія своихъ избъ не употребляютъ никакого другаго матеріала, кромѣ ежеваго сала. Они нарочно ѣздятъ за ежами въ степь и во множествѣ находятъ ихъ въ старыхъ гумнахъ и токовищахъ, гдѣ они залѣзаютъ на зиму въ кучи половы и въ скирды соломы, особенно старой, перегнившей. Ихъ привозятъ цѣлые воза и сначала бросаютъ въ печь живыхъ, осмаливаютъ съ нихъ иглы и потомъ уже жарятъ для полученія сала. При бросаніи въ печь ежей они развертываются, бѣгаютъ въ огнѣ и кричатъ. Крикъ ихъ въ это время похожъ на крикъ маленькихъ дѣтей. Картина ужасная по своей жестокости.

Сусликовъ охотники тоже били и набирали цѣлыя телѣги, когда ихъ въ неблагопріятную погоду засѣкалъ дождь и они лежали пластомъ, укрывая всю землю. Ихъ топятъ на сало. Если они не особенно жирны, то дерутъ съ нихъ шкурки, выдѣлываютъ и употребляютъ на мѣха подъ легкія шубки, тулупчики, поддевки, кафтаны.

Digitized by Google

Мѣхъ бываетъ подобенъ мѣху изъ сибирскихъ бѣлокъ. Могутъ идти на мѣхъ шкурки сусликовъ не всегда, а только тогда, когда животныя эти не совсѣмъ жирны. При ожиреніи ихъ, шкурка у нихъ не такъ крѣпка и ее не отдерешь отъ мяса и сала.

Волковъ, лисицъ, зайцевъ, сайгаковъ и всевозможныхъ птицъ охотники били въ этихъ мѣстахъ зимою, лѣтомъ и во всякое время во множествѣ. Здѣсь на каждомъ шагу можно было находить волчьи логовища и лисьи норы. Охотники набирали большія партіи волченятъ и лисятъ, свозили ихъ домой въ сапеткахъ, воспитывали въ глубокихъ ямахъ, и когда они осенью достигали полнаго роста и шерсть на нихъ дѣлалась пушистою, убивали ихъ для мѣха. При убиваніи волковъ калмыки пріѣзжали къ казакамъ изъ далекихъ мѣстъ и иногда очень дорого покупали волчью желчь, идущую у нихъ на лекарства.

Такую-то совершенно дикую и необитаемую мѣстность порѣшили пріобрѣсти себѣ въ вѣчную собственность симбирцы. Они сторговали оба участка, всего 900 десятинъ (800 удобной земли и 100 неудобной) за 8,000 рублей и уплатили 3,000 р. съ тѣмъ, чтобы остальныя деньги отдать черезъ годъ. Подполковники, не имѣя никакого понятія о хозяйствѣ, рады были сдѣлать такую продажу, такъ какъ земля надоѣла имъ до смерти и была уже заложена въ банкѣ. Они не платили туда процентовъ и можно было ожидать скорой продажи участковъ съ аукціона. Въ такомъ случаѣ цѣна за десятину могла опуститься до 5—6 рублей, тогда какъ крестьяне дали по 10. Со стороны симбирцевъ былъ нѣкоторый рискъ. Въ случаѣ невзноса остальныхъ денегъ чрезъ годъ, они должны были

Digitized by Google

на всю неуплаченную еще сумму платить большой процентъ.

Чтобы оплатить свою покупку, Брага и всѣ остальные Алексѣевичи порѣшили пристроится къ соляной промышленности и на другой годъ очутились на донскихъ соляныхъ озерахъ. По положенію здѣсь изъ родившейся соли долженъ даваться пай только явившимся на промыселъ кореннымъ жителямъ донской области; но каждый казакъ и донской крестьянинъ можетъ нанять сколько угодно постороннихъ людей или принять въ компанію и получить паи по числу рабочихъ у него. Много хозяевъ изъ казаковъ и крестьянъ въ былые годы имѣли здѣсь хорошій заработокъ. Они принимали человѣкъ по 20—30 рабочихъ, запасались для нихъ мѣсяца на два провизіей и отправлялись съ ними къ озерамъ ко времени садки соли. Получали они тамъ паи по числу рабочихъ въ своей партіи. Многіе дѣлали и такъ, что тамъ, на мѣстѣ добычи, нанимали поденныхъ рабочихъ и платили обыкновенно: рабочему, который возилъ на тачкѣ соль съ озера, по 1 руб. въ день, а тому, который грабками или лопатой сгребалъ ее на мѣстѣ рожденія въ кучки, 70 коп. На харчи тому и другому выходило по 30—40 к. Между тѣмъ они двое добывали и вывозили съ озера 200 пуд. соли и болѣе, которая тутъ-же и сдавалась въ войсковые запасы или частнымъ лицамъ по цѣнѣ отъ 10 до 12 коп. пудъ. Такимъ образомъ хозяинъ-предприниматель, приведши на соляной промыселъ 20 человѣкъ рабочихъ, всегда могъ получить съ нихъ чистой выгоды въ недѣлю до 1,000 и 1,200 руб. сер. Рискъ былъ только въ томъ, что иногда приходилось даромъ приводить на озера изъ-за 150—200 верстъ рабочихъ. Соль въ иной годъ вовсе не сядетъ, по причинѣ дождей, или сядетъ,

Digitized by Google

но рабочимъ долго приходится этого ждать. Иной разъ она уже готовая размывается дождемъ, и опять приходится ждать двѣ-три недѣли. Но изворотливые хозяева и тутъ выходили изъ затрудненія. Покуда соль на озерахъ не садилась, они употребляли приведенныхъ туда рабочихъ на устройство прудовъ и колодезей на участкахъ окружныхъ коннозаводчиковъ, уборку хлѣба, костьбу сѣна. Сѣно въ такихъ случаяхъ кашивали отъ стога. При хозяйской травѣ стогъ величиною 12 саженъ кругомъ и 9 черезъ верхъ накашивали и сметывали за 3 руб.

Брага и его товарищи съ большимъ успѣхомъ работали на соляныхъ озерахъ болѣе пяти недѣль. Соли въ тотъ годъ родилось много; они работали бы и большій срокъ времени, но выпалъ сильный дождь, размылъ соль и наполнилъ русла озеръ рапою. Новой садки соли, по причинѣ близившейся уже осени, ожидать было нельзя, и симбирцы избрали другой, не менѣе выгодный, промыселъ. Они передвинулись отъ озеръ верстъ на 200 въ сѣверозападную сторону и очутились на угольныхъ копяхъ донской-же области. Пристроиться на работу имъ и тутъ было не трудно.

Въ болѣе или менѣе значительныхъ центрахъ угольной промышленности донецкаго бассейна шахты устроены по всѣмъ требованіямъ современной техники. Здѣсь дѣйствуютъ паровыя машины, какъ водоотливныя, такъ и углеподъемныя. Обыкновенно здѣсь хозяева шахтъ приговариваютъ артели рабочихъ выработывать уголь на такихъ условіяхъ, чтобы рабочіе употребляли ихъ орудія, машины, лошадей, канаты и проч., жили въ ихъ землянкахъ и получали за каждый вытащенный изъ-подъ земли пудъ угля по 3—3½ коп. При этомъ хозяева

Digitized by Google

шахтъ получаютъ отъ рабочихъ выгоду еще стороннимъ образомъ. Они держатъ пекарни и мелочныя лавки, и, по условію, артели рабочихъ должны забирать хлѣбъ и все нужное у нихъ. Очень часто при этомъ у хозяевъ съ рабочими выходятъ большіе нелады: хлѣбъ иногда заготовляется сырой и дурнаго качества, между тѣмъ цѣна за него назначается высокая. Также и съ другими продуктами. Выведенные изъ терпѣнія рабочіе начинаютъ брать провизію въ другихъ мѣстахъ, но хозяева все-таки ставятъ имъ въ счетъ и небратое ими. Побѣда всегда на сторонѣ хозяевъ.

Но есть на Дону много еще и такихъ мѣстъ, преимущественно въ станичныхъ юртахъ, гдѣ углепромышленность идетъ еще очень просто. Шахты устроены на скорую руку, часто даже не вертикальныя, а полозовыя. Въ такихъ мѣстахъ нѣтъ уже паровыхъ машинъ, не всегда даже выгрузка угля наверхъ производится лошадиною силою, а чаще посредствомъ ручного ворота, движимаго людьми. Тутъ какихъ-либо приспособленій и орудій, облегчающихъ трудъ человѣка, и вспоминѣ нѣтъ: рабочій вооруженъ только ломомъ, лопатой и клевакомъ. Въ такихъ шахтахъ не бываетъ даже никакой искусственной вентиляціи, и часто среди лѣта, когда воздухъ въ подземныхъ ходахъ холоднѣе, а потому и тяжелѣе внѣшняго воздуха, и не можетъ возобновляться, то работаютъ ощупью, впотьмахъ, такъ какъ свѣчи и жирники перестаютъ тамъ горѣть. Но самое главное препятствіе въ угольныхъ работахъ—вода, которую обыкновенно выливаютъ. На большихъ шахтахъ поэтому существуютъ водоотливныя машины; въ шахтахъ же первобытныхъ нѣтъ никакихъ на это приспособленій, и воду приходится вытаскивать ведрами и бадьями, а потому

Digitized by Google

разработка угля производится тутъ только до перваго притока подземныхъ водъ, и вообще на такихъ углубленіяхъ, на которыхъ не препятствуетъ вода, —саженъ до 7—10 глубины, тогда какъ большія шахты съ паровыми машинами вырабатываютъ уголь на 40—60 саженъ въ глубину.

Въ одно изъ такихъ-то глухихъ мѣстъ, гдѣ едва только начинается добываніе угля, повелъ Брага свою партію. Это былъ юртъ одной донской казачьей станицы. Обыкновенно общества станицъ, имѣющія въ юртахъ своихъ угольныя залежи, богатствомъ этимъ распоряжаются какъ имъ вздумается: отдаютъ на откупъ, или раздаютъ желающимъ изъ своихъ гражданъ. Въ этой станицѣ (куда явились дѣятелями Алексѣевичи) нѣсколько десятковъ лѣтъ уже до того граждане занимались добычею угля, но добывали его только для себя, на отопленіе домовъ и на работы въ кузницахъ. Только съ открытіемъ воронежско-ростовской желѣзной дороги уголь стали добывать и на продажу. Тутъ ужъ оказывалось невозможнымъ брать его вольно, гдѣ кто вздумаетъ, и потому граждане установили такой порядокъ: отводить всѣмъ гражданамъ, кто пожелаетъ, для добычи угля участки, полагая каждый отводъ въ $^1/_4$ квадратной версты. Сначала изъ 4 съ лишнимъ тысячъ паевыхъ гражданъ нашлось охотниковъ взять участки только около 40 человѣкъ. Граждане соединились въ кампаніи, принимали иногородныхъ купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ у нихъ въ станицѣ. Нѣкоторые держали участки и въ одиночку, но выработывали уголь только въ свободное отъ полевыхъ занятій время— осенью и зимою. Но скоро число охотниковъ получать угольные участки стало сильно возрастать. Многіе граждане стали получать отводы подъ шахты не для соб-

Digitized by Google

ственнаго промысла, а чтобы только сдать ихъ съ пользою для себя въ другія руки. Они старались только утвердить за собой участки административнымъ порядкомъ, а потомъ сдавали ихъ чрезъ аренду или продажу гражданамъ другихъ станицъ или иногороднымъ. Сдавали ихъ за самую ничтожную сумму: иногда на такихъ условіяхъ, чтобы арендаторъ выработывалъ уголь какъ знаетъ и сколько можетъ, хозяину же платилъ только въ годъ 10—15 р. При такомъ оборотѣ дѣла граждане чуть не всѣ поголовно стали хлопотать объ отводѣ имъ участковъ, между тѣмъ мѣста съ залежами угля были уже всѣ въ рукахъ иногородныхъ. Граждане взялись за умъ: разрушили всѣ прежнія насчетъ этого дѣла постановленія и сдѣлки и приговорили: отводить угольные участки только тѣмъ изъ гражданъ, которые будутъ заниматься добычею угля сами, хотя и чрезъ наемныхъ рабочихъ.

Симбирцы вошли въ сдѣлку съ однимъ изъ гражданъ этой станицы, имѣвшимъ въ то время шахту. Они условились работать у него на угольномъ отводѣ, какъ сочтутъ для себя удобнымъ и лучшимъ, и платить ему отъ пуда одну копѣйку. На участкѣ шахтъ было двѣ: одна полозовая, шедшая въ косогоръ балки, а другая вертикальная. Послѣдняя была сажень 6 глубиною и только-что начата разработкой. Поэтому работа Алексѣевичей шла необыкновенно успѣшно. Поднимали они изъ шахты уголь лошадью, устроивъ воротъ съ барабаномъ у самой шахты. Работали они полтора мѣсяца и выработали угля около 40,000 пудовъ. Цѣна ему на мѣстѣ была отъ 4 до 6 к. пудъ, но симбирцамъ удалось доставить его наемными фурами къ ближайшей станціи желѣзной дороги, гдѣ они сбыли его по 13 к. пудъ. За всѣми расходами

Digitized by Google

они получили пользы на каждомъ выработанномъ пудѣ около 8 копѣекъ.

Послѣ этого Алексѣевичи очистили купленную ими землю уплатой всѣхъ остальныхъ денегъ, и у нихъ еще осталась нѣкоторая сумма на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ. Пріобрѣтенная ими площадь имѣла поверхность ровную, съ самою незначительною покатостью въ одну сторону. Они устроили на ней запруду въ самомъ низу проходившей по ней балки, такъ что послѣдняя сдѣлалась водною на все свое протяженіе. Далѣе Алексѣевичи распланировали землю на 12 равныхъ частей вдоль по балкѣ и порѣшили имѣть ее въ общинномъ владѣніи, но установить подворную систему хозяйствованія, чтобы землю ужъ не передѣлять, а каждый навѣки поселился бы въ одномъ мѣстѣ и зналъ бы свой участокъ. На каждый изъ дворовъ пришлось немного менѣе квадратной версты. Дѣлили ихъ товарищи между собою по жребію. Брага получилъ часть наравнѣ съ другими. Дворъ его пришелся на самой срединѣ участковъ, и здѣсь онъ хотѣлъ устроить рай своей жизни. Онъ мечталъ года черезъ два жениться и, явившись сюда, создать здѣсь по своему идеалу жизнь и цивилизацію. Но судьба рѣшила иначе.

На другой годъ крестьяне пріѣхали уже съ своими женами и дѣтьми, привезли много всякаго домашняго скарба. Они уже не нанимались работать, а работали на своей собственной землѣ: косили сѣно, сѣяли хлѣбъ, хотя на первыхъ порахъ и въ небольшомъ количествѣ, по недостатку рабочей силы. Для жилья каждый изъ нихъ устроилъ себѣ землянку. Потомъ ими устроены были закуты для мелкихъ домашнихъ животныхъ: свиней, утокъ,

Digitized by Google

гусей, куръ, овецъ; далѣе сараи и базы *). Все это по недостатку деревяннаго строительнаго матеріала дѣлалось у нихъ изъ глины. Матеріалъ этотъ былъ на каждомъ шагу: стоило только сбросить черноземный пластъ въ аршинъ толщиною—и тамъ оказывалась глина. Крестьяне разрыхляли ее лопатами, смѣшивали съ половой и мелкой полуизгнившей соломой, которую брали недалеко на старомъ арендаторскомъ гумнѣ, размѣшивали тутъ-же въ ямѣ волами или лошадью и лѣпили. Послѣ они ямы эти, глубиною иногда сажени въ три, засыпали въ дворахъ всякимъ мусоромъ. Постройки изъ глины съ половой воздвигаются скоро и легко; но арендаторы-купцы въ степяхъ строятъ всѣ зданія въ своихъ хуторахъ еще легче. Они не даютъ себѣ труда даже мѣсить глину, а строятъ иногда громадныя зданія изъ дерну, оголяя десятки и сотни десятинъ земли отъ чернозема. Обыкновенно въ дернъ идетъ верхній слой земли, крѣпко проросшій корнями. Рѣжутъ его квадратными плитами въ $^1/_2$ аршина въ діаметрѣ или четверти въ полторы, при толщинѣ тоже около четверти аршина. Стараются вырѣзать его въ дождь и въ сырую погоду, когда онъ особенно крѣпокъ, возятъ возами и тутъ-же кладутъ въ стѣны. Сырой дернъ меньше крошится и ломается и лучше слегается въ стѣнѣ.

Симбирцы образовали въ степи поселокъ и назвали его „Алексѣевичи“. Это было оригинальнѣйшее поселеніе, расположенное особнякомъ въ глухой, бездорожной, дѣвственной степи. Кругомъ поселка на обширное пространство была могучая растительность. Травы были всевозможныхъ видовъ, но по цѣлинѣ преобладали пырей и ковыль. Послѣднія травы отличаются крѣпостью и скольз-

*) Мѣсто для загона скота.

Digitized by Google

костью. Поэтому крестьяне первые года жизни здѣсь вовсе не употребляли колесныхъ экипажей, а ѣздили зиму и лѣто на саняхъ. Сани по густой растительности шли также легко, какъ и по снѣгу. Даже и теперь крестьяне хлѣбъ на тока лѣтомъ возятъ съ полей на саняхъ *). Сани они предпочитаютъ телѣгамъ и арбамъ потому, что на нихъ ѣздить легче, не нужно покупать дегтю и притомъ хлѣбъ на сани легче накладывать, такъ какъ они ниже, да еще и хлѣбъ въ пути не трясется, не высыпается.

Вообще на Дону въ глухихъ степяхъ существуютъ чрезвычайно разнообразныя поселенія. Въ послѣдніе года много можно встрѣтить именно такихъ поселеній. Земледѣльцы покупаютъ въ собственность землю и селятся на ней или товариществами, или въ одиночку. Есть примѣры, что селятся въ степи одинокими хуторами чиновники, получившіе участки на чины. Но изъ этихъ послѣднихъ $^{9}/_{10}$, устроившись на занятыя большею частью изъ банка деньги, и начавши обработку земли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, черезъ годъ, два бѣгутъ съ хуторовъ, продавая ихъ купцамъ или сдавая въ аренду. Много еще здѣсь большихъ поселеній, устроенныхъ на такихъ началахъ: купецъ арендуетъ большой участокъ войсковой земли на 6—12 лѣтъ, отдаетъ ее въ аренду крестьянамъ подесятинно, селится нерѣдко самъ на ней и занимается посѣвомъ хлѣба, а больше всего старается заманить къ себѣ крестьянъ поселенцевъ и населяетъ ими большія временныя слободы. Можно встрѣтить такія

*) За десять слишкомъ лѣтъ владѣнія землей крестьяне-Алексѣевцы не сгубили еще растительности, укрывающей ихъ землю. Они хотя и разводятъ скотъ, но пасутъ его на своей землѣ мало, больше держатъ вдали отъ поселка на взятомъ въ аренду участкѣ.

Digitized by Google

поселенія дворовъ по 200—300. Иногда по балкамъ (оврагамъ) тянутся безпрерывно временныя поселенія на 10—15 верстъ. Иныя такимъ образомъ живутъ на одномъ мѣстѣ, на отдаваемой въ аренду казачьей станичной или войсковой (казенной) землѣ и переходятъ отъ одного арендатора къ другому. Обыкновенно арендаторы прижимаютъ этихъ поселенцевъ до послѣднихъ предѣловъ. На первыхъ годахъ, при поселеніи крестьянъ, купецъ условливается съ ними брать во весь срокъ аренды извѣстную плату за десятину пахатной и сѣнокосной земли, а также за попасъ скота и овецъ отъ головы; за усадьбу же, огородъ, токъ, гумно не полагаетъ ничего. Объ этомъ или вовсе умалчивается, или упоминается вскользь на словахъ. Потомъ черезъ годъ, два, когда крестьяне устроятся на мѣстахъ и сходить имъ съ участка тяжело и убыточно, купецъ требуетъ и получаетъ съ нихъ за все вышеозначенное, сколько назначитъ, мотивируя свои требованія тѣмъ, что самъ терпитъ убытки. Крестьяне платятъ, такъ какъ имъ оставить заведенное хлѣбопашество и устроенную городьбу — значитъ вдосталь раззориться. Если арендаторъ не желаетъ дальше продолжать аренду уже выработанной и раззоренной имъ земли, то въ послѣдній годъ срока своей аренды онъ совершенно заѣдаетъ крестьянъ: возвышаетъ плату за пастьбу втеченіи лѣта головы скота съ 50 коп. до 5 рублей, за усадьбу до 10 руб. въ годъ, огородъ до 3 руб. и проч. Иногда у крестьянъ съ арендаторомъ еще и такое условіе, что они не смѣютъ уйти съ земли до окончанія срока аренды. Въ послѣдній годъ они, если не желаютъ оставаться долѣе на землѣ, обыкновенно посылаютъ развѣдчиковъ въ разныя мѣста съ цѣлью пріискать мѣсто, удобное для поселенія. Пріискиваютъ его еще за годъ до времени

Digitized by Google

окончательнаго переселенія и принимаютъ мѣры относительно заготовленія корма для скота при переходѣ, устройства дворовъ и проч. Когда придетъ время переселяться, то цѣлое село, дворовъ въ 200, бросаетъ стѣны своихъ дерновыхъ построекъ; все же деревянное изъ огорожи, а также весь домашній скарбъ кладетъ на воза и уѣзжаетъ къ одинъ разъ, ничего не оставляя: возовъ, повозокъ, воловъ и другаго рабочаго скота у такихъ поселенцевъ обыкновенно бываетъ достаточно. Идетъ иногда по степи большой обозъ. Возы накладены разнымъ деревомъ, домашнею посудой, платьемъ. Тамъ-же сидятъ куры, индѣйки, утки, гуси, а съ боковъ идутъ свиньи, собаки, овцы, козы, коровы. Это ѣдетъ *крестьянское село* (!). На новомъ мѣстѣ дворы опять устраиваются улицами или вразбросъ, какъ удобнѣе; все дѣлается изъ глины или дерна, приправляются деревянныя двери, крыши къ чему нужно—и въ двѣ недѣли все готово. Обыкновенно такія поселенія не знаютъ никакихъ сельскихъ властей, ни полиціи. Они не состоятъ даже въ спискахъ населенныхъ мѣстъ губерніи, и о существованіи ихъ не имѣютъ никакихъ свѣдѣній ни администрація, ни земство, хотя они существуютъ иногда на одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ. Исчезаютъ они иногда чуть не моментально. Ѣдешь иногда по степи—стоитъ село дворовъ въ сотню и болѣе, нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ по буграмъ кругомъ, дома значительныхъ размѣровъ, амбары, базы, сараи, есть садики и деревья. Вдругъ ѣдешь тамъ-же дня черезъ три—и ничего нѣтъ: все снесено и свезено, деревья срублены. Видны одни груды полуразрушенныхъ дерновыхъ и глиняныхъ стѣнъ. Это село перешло на другое мѣсто, или вовсе ушло во внутрь Россіи. Живутъ такимъ образомъ въ степяхъ большею частью крестьяне другихъ отдален-

Digitized by Google

ныхъ губерній: у нихъ и здѣсь хозяйство, и тамъ гдѣ-нибудь—въ воронежской, рязанской, орловской губерніи. Сынъ съ женою и дѣтьми, иногда и еще съ однимъ, двумя братьями, тоже женатыми, живетъ и хозяйствуетъ здѣсь, а тамъ—дома, въ губерніи—хозяйствуетъ отецъ одинъ или тоже съ сыномъ-двумя и живутъ за одинъ домъ. Иногда братья перемѣняютъ другъ друга: одинъ, пробывъ годъ, два въ степи, уѣзжаетъ домой на „Русь", а другой ѣдетъ на его мѣсто оттуда. Иногда такія семейства, похозяйствовавъ пять, шесть лѣтъ уѣзжаютъ совсѣмъ на Русь, а иногда, напротивъ, тамъ бросаютъ землю и всею ужъ семьею переселяются въ степь, бродя здѣсь съ мѣста на мѣсто. Арендуютъ землю у арендаторовъ такіе поселенцы двумя способами: или, какъ они сами говорятъ, „до скучнаго часу", т. е. безъ сроку, или на извѣстное число лѣтъ. Въ первомъ случаѣ крестьяне имѣютъ право, въ случаѣ какой прижимки со стороны купца уйдти съ его земли во всякое время—и это для нихъ большая гарантія отъ притѣсненій. Немало можно встрѣтить крестьянскихъ поселовъ и такихъ, что арендуютъ землю товариществами, и живутъ по 20 и болѣе лѣтъ. Они арендуютъ землю обществомъ и платятъ въ казну извѣстную сумму, которую собираютъ, полагая плату за распашку десятины, а также за покосъ, и взимая съ каждаго члена своего общества за то число десятинъ, какое находится въ его личномъ пользованіи. Чего такимъ образомъ не дополучается для уплаты полной аренды, то раскладывается на число головъ наличнаго у каждаго рогатаго скота, овецъ и лошадей. Эта раскладка бываетъ приблизительно за овцу—10 коп., корову—50 к. и лошадь—1 р. Такимъ образомъ платятъ за землю всѣ безобидно. Купцы-арендаторы часто какъ враны высматри-

Digitized by Google

ваютъ такихъ поселенцевъ и на торгахъ другъ передъ другомъ всегда стараются взять за себя владѣемую такимъ образомъ крестьянами землю. Послѣ они требуютъ съ крестьянъ отступныхъ, иногда весьма значительную сумму. Крестьянамъ не хочется сходить съ привольныхъ и излюбленныхъ мѣстъ, и они часто приплачиваютъ этимъ хищникамъ. Поэтому-то въ послѣднее время правительство, въ огражденіе крестьянъ отъ раззоренія, постановило отдавать поселившимся на землѣ крестьянамъ землю безъ торговъ, если они надбавятъ арендной платы на 10%. Этимъ сильно сокращены были злоупотребленія со стороны капиталистовъ-арендаторовъ. Есть такія крестьянскія общества, что при первоначальномъ поселеніи платили аренды за землю только по 5—7 к. за десятину; теперь-же, чрезъ надбавки за истеченіемъ сроковъ арендованія 10%, аренда возвысилась до полутора и болѣе рублей. Иногда съ окончаніемъ срока аренды крестьянамъ невыгодно уже бываетъ надбавить 10%, и они бросаютъ землю, предварительно выработавъ ее вдосталь. Казна въ такомъ случаѣ много теряетъ. Цѣна на такую землю сразу обрывается.

Кочевка и бродяжничество, можно сказать, въ духѣ этого края. Здѣсь половину населенія можно считать еще не усѣвшимся на мѣстѣ. Не говоря уже о кочующихъ здѣсь инородцахъ—калмыкахъ, тургутахъ, киргизахъ, а также казакахъ, выкочевывающихъ изъ своихъ станицъ и хуторовъ со скотомъ лѣтомъ въ степь, а зимою на пахатныя поля къ токамъ, гдѣ у нихъ бываетъ заготовленъ кормъ,—не говоря уже объ этихъ явленіяхъ, здѣсь есть большія слободы, населенныя цыганами, ведущими поголовно кочующій образъ жизни. Цыгане эти поселены на юго-востокѣ на правахъ государственныхъ крестьянъ и

Digitized by Google

надѣлены землею, но они въ рѣдкихъ только случаяхъ занимаются земледѣліемъ и хозяйствомъ. Большею же частью землю отдаютъ окружнымъ крестьянамъ, а сами только зиму проводятъ въ селѣ въ своихъ домахъ. Многіе имѣютъ иногда хорошіе дома и дворовый пристрой, но какъ только настаетъ весна, они забиваютъ ставни оконъ въ домахъ, выкатываютъ изъ сараевъ и навѣсовъ громадные крытые фургоны, устроенные со всѣми удобствами, и уѣзжаютъ на цѣлое лѣто. Ѣздятъ они по ярмаркамъ, торгуютъ лошадьми, нѣкоторые куютъ, часто гдѣ-нибудь просто проживаютъ на свободѣ, остановившись въ привольномъ мѣстѣ таборомъ, раскинувъ шатры и дожидаясь какой-нибудь ярмарки. Къ осени они возвращаются домой, а нѣкоторые и всю зиму проживаютъ такъ въ шатрахъ, вблизи казачьихъ станицъ или крестьянскихъ слободъ, нанимая иногда только на самое холодное время зимы избы. Изъ нихъ есть купцы, состоящіе въ гильдіяхъ.

Симбирцы захозяйствовали въ степяхъ на славу. Они дѣйствовали дружно. На первыхъ-же годахъ они стали брать въ аренду мелкіе казенные и частные участки земли, находившіеся кругомъ ихъ поселка. Тамъ дальше они сбили и стерли не однаго арендатора-купца, а черезъ 5 лѣтъ они прикупили еще участокъ земли, и годъ отъ года землевладѣніе ихъ дѣлалось все крупнѣе и крупнѣе.

Василія Степановича Браги Алексѣевцы, со времени своего водворенія на новомъ мѣстѣ, уже не видали. Они имѣли объ немъ только нѣкоторый слухъ и нѣсколько разъ писали ему, призывая хозяйствовать на своемъ

Digitized by Google

участкѣ. Но Брагѣ было не до того: не тотъ былъ уже передъ нимъ горизонтъ жизни! Онъ испыталъ къ этому времени еще многіе великіе научные и физическіе труды и перенесъ всѣ страданія, какія только могутъ выпасть на долю человѣка: обиды и несправедливость людей, скитальчество, безпріютную жизнь на чужбинѣ, тоску по родинѣ, горестныя и невозвратныя потери, холодъ одиночества, эгоизмъ, ехидство, массу холодящаго душу звѣрства и скотства среды, въ которой ему приходилось вращаться—все это тяжелымъ камнемъ ложилось на душу Браги и все это перенесъ онъ съ твердостью философа-стоика, но пріобрѣлъ тяжелый недугъ: онъ пересталъ чувствовать себя отдѣльно отъ другихъ, потерялъ способность думать о себѣ и жить лично для себя. Мучительно широко, изъ края въ край, охватывалъ онъ всю жизнь его родной страны и поднималъ на себѣ всѣ тяготы ея, всѣ бѣды...

И планъ великаго подвига созрѣлъ въ головѣ Василія Степановича самъ собою. Онъ задумалъ, почувствовалъ настоятельную необходимость—чего же?—ни больше, ни меньше, какъ измѣнить климатъ и возродить умирающую природу страны, улучшить народный трудъ, дать иное направленіе промышленности и поднять всѣмъ этимъ жизнь населенія цѣлаго края. Лицомъ къ лицу стояло тутъ передъ нимъ хищничество страны во всѣхъ своихъ видахъ, и онъ, подобно П. И. Волгѣ, поднялъ знамя великой съ нимъ борьбы!..

Брагѣ было въ это время ровно тридцать лѣтъ отъ роду. Безъ денегъ, безъ крупнаго общественнаго положенія, онъ задумалъ создать благополучіе цѣлой страны. Онъ хотѣлъ сдѣлать все силою одной глубоковыстрадан-

Digitized by Google

ной мысли; ею онъ хотѣлъ освѣтить экономическій и нравственный хаосъ страны и работалъ неустанно, денно и нощно. Лично для себя онъ ничего не добивался, его стремила одна святая, великая идея, и ей онъ отдавалъ упорный трудъ и безсонныя ночи, кровь сердца и мозгъ своихъ костей... Бѣдный страдалецъ! даже теперь, когда провидѣніе послало ему на помощь мощную силу милліоновъ, достанетъ ли его жизни и на половину того, что онъ задумалъ? Онъ рвется совершить дѣло, на которое мало столѣтія: какая-жъ горькая неудовлетворенность ждетъ его тамъ, впереди, когда настанетъ конецъ его силамъ, конецъ борьбѣ? гдѣ жъ будетъ справедливая оцѣнка его стремленію—награда трудамъ, утѣшеніе страданіямъ?..

Брага ничего не обличалъ, никого не задѣвалъ. Онъ только широко выяснялъ положеніе экономическихъ дѣлъ и сопоставлялъ факты нравственныхъ явленій. Онъ выдвигалъ на видъ только свои идеи, оставаясь самъ лично незамѣтнымъ. Въ этихъ видахъ онъ сдѣлался корреспондентомъ и сотрудникомъ многихъ газетъ и журналовъ, участвовалъ въ трудахъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, сносился съ правительственными комиссіями по сельскохозяйственнымъ и промышленнымъ дѣламъ, со съѣздами сельскихъ хозяевъ и углепромышленниковъ. Усилія его не пропадали даромъ, ди и не могло быть иначе: онъ указывалъ на поразительные факты, и мысль его проникала всюду, подобно току электричества. Она имѣла давленіе заряда глубокихъ страданій, подавляющаго горя, безпредѣльно-мощной самой въ себѣ и ничѣмъ несокрушимой энергіи духа! Мысль его имѣла страшную живучесть: она стояла передъ глазами, давила сердце, не давала покоя и отдыха; въ ней былъ крикъ и стонъ

Digitized by Google

муки, чувствовалась душа, избитая и израненая въ борьбѣ съ жизнью!..

И Брага не былъ нравственно одинокимъ: какъ изъ земли выростали и множились дослѣдователи, готовые идти на проломъ за выставленныя положенія. Сознаніе экономическихъ вопросовъ и потребностей стало мало-по-малу проникать въ массы, направляло умы, воздуждало энтузіазмъ, дѣлило на партіи всѣхъ мыслящихъ людей въ краю, на голоса за и противъ. Одно за другимъ возникали общества сельскохозяйственныя, горныя, углепромышленныя, дровянаго и лѣснаго промысла и проч. Каждое изъ этихъ обществъ возникало и боролось во имя кааой-нибудь отрасли экономическихъ вопросовъ. Кипѣла горячая полемика въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ, шла борьба мнѣній и въ теоріи и на практикѣ.

Общественное мнѣніе раздѣлилось на двое. Главнымъ образомъ образовалось двѣ партіи: „угольная", развивавшая пріемы осущественія идей Браги, и противная ей „дровяная". За первую стали представители мѣстныхъ правительственныхъ властей, все лучшее и мыслящее края: сельскохозяйственные съѣзды, общества углепромышленниковъ, ихъ правленія и депутаты, а также лица, стоящія во главѣ губернскихъ горныхъ правленій, профессора горнаго института, всѣ инженеры дѣйствовавшіе въ южной Россіи. Вторую партію составили промышленники, сплавлявшіе лѣсъ по Волгѣ, вообще купечество, старинные помѣщики, у которыхъ еще не были проданы и истреблены лѣсныя дачи, а главная основа этой послѣдней партіи были строители желѣзныхъ дорогъ, общества желѣзнодорожныя и пароходныя и (на первыхъ порахъ) вся темная масса крестьянства

Digitized by Google

и казачества. Ожесточенію не было предѣловъ, и дѣло шло не на шутку. Между казаками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходили настоящіе открытые бунты противъ властей. Темная масса дрекольемъ избивала и изгоняла лѣсничихъ и партіи землемѣровъ, посылаемыхъ губернскимъ начальствомъ для обмежеванія лѣсныхъ пространствъ. Это было не далѣе, какъ въ 1881 году.

Угольная партія стояла за сохраненіе и разведеніе лѣсовъ, чрезъ введеніе новыхъ лѣсныхъ порядковъ, а также за развитіе горнаго дѣла и распространеніе угольнаго отопленія; дровяная партія, напротивъ, шла за дровяное отопленіе и за сохраненіе старыхъ лѣсныхъ порядковъ. Если прослѣдить всю исторію борьбы этихъ двухъ партій, какъ она отразилась въ перепискѣ правительства, въ протоколахъ комиссій и всевозможныхъ съѣздовъ, въ распоряженіяхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ, а также въ газетной полемикѣ, то нельзя не дивиться той степени ожесточенія, съ которымъ партіи шли одна на другою. Съ одной стороны привычка и личная матеріальная выгода заставляли стоять на своемъ; съ другой—всѣ спорные экономическіе вопросы слишкомъ уже наболѣли въ лучшихъ душахъ края, и борцы были готовы на всякое усиліе, всякую жертву.

Сводъ всѣхъ требованій и мотивовъ нововведеній угольной партіи былъ именно слѣдующій. Съ состояніемъ лѣсовъ связаны общее благо, всѣ интересы и выгоды страны, а поэтому они не могутъ быть отданы въ безусловную и неограниченную собственность частныхъ лицъ и обществъ. Частныя лица и общества должны быть лишены права распоряжаться лѣсомъ по своему произволу. Доходъ съ него и всѣ рождаемые имъ продукты должны принадлежать всецѣло владѣльцу, но онъ можетъ брать

Digitized by Google

только то, что ему будетъ указано высшею властью чрезъ приставленныхъ къ тому спеціальныхъ лицъ. Поэтому не только общинные казачьи и крестьянскіе лѣса, но и лѣса частныхъ владѣльцевъ должны быть взяты подъ присмотръ. Правительство и страна имѣютъ права потребовать отъ всѣхъ землевладѣльцевъ правильнаго хозяйства въ лѣсахъ, чтобы каждый землевладѣлецъ обязанъ былъ на извѣстное пространство земли имѣть извѣстное количество десятинъ лѣсу. Нѣтъ его—онъ долженъ развести: иначе онъ не можетъ владѣть землей. Изъ существующихъ и установившихся уже лѣсовъ владѣльцы ихъ могутъ вырубать ежегодно не болѣе того количества, какое ежегодно-же приростаетъ, а вырубленныя лѣсныя пространства они должны возобновлять новымъ лѣсомъ. Оборотъ рубки дѣлать не менѣе 40—50 лѣтъ, и поэтому установшіеся уже лѣса должны быть по рубкѣ раздѣлены на 40—50 частей. Партія считала настоятельно необходимымъ принять всѣ мѣры для охраненія лѣса отъ топора, скота, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и фабричныхъ заведеній. Для этого она требовала повсемѣстнаго распространенія минеральнаго топлива чрезъ обязательства желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и фабрикъ не отоплять машинъ дровами. Она выясняла, что еще въ 1873 г., какъ точно извѣстно, на Волгѣ было болѣе 600 пароходовъ, отапливавшихся дровами и ежедневно истреблявшихъ болѣе 20 тысячъ деревъ, а втеченіи пятимѣсячной навигаціи ежегодно болѣе 3 милліоновъ деревъ; приводила въ гласность—сколько лѣсу сплавляется плотами внизъ по Волгѣ и Дону, сколько его уничтожается по Россіи на протяженіи 13-ти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ безчисленное множество паровозовъ, отапливаемыхъ тоже дровами. Далѣе партія

Digitized by Google

доказывала, что настоитъ неотложная надобность развить до возможныхъ предѣловъ на юго-востокѣ Россіи чугунно-литейное, желѣзо-дѣлательное и механическое производство, что необходимы субсидіи желѣзнымъ заводамъ, поддержка ихъ большими заказами и обезпеченіе сбыта по сходной цѣнѣ выдѣланнаго товара; но приэтомъ обязательно, чтобы нетолько увеличивалось желѣзодѣланіе и употребленіе желѣза въ народѣ, но и всѣ желѣзныя издѣлія выдѣлывались изъ своего туземнаго матеріала: рудъ и угля. Въ противномъ случаѣ, если желѣзо-дѣлательное искусство будетъ развиваться, но работы будутъ производиться изъ привознаго англійскаго чугуна и пожалуй еще англійскимъ углемъ (какъ въ Петербургѣ, Одессѣ и др. мѣст.), то страна и народъ отъ этого ничего не выиграютъ.

Угольно-брагинская партія могла считать въ своихъ рядахъ тысячи самыхъ свѣтлыхъ личностей. Это была обширная корпорація, разбросанная по всѣмъ сферамъ общественной и частной дѣятельности. Члены ея сносились и лично и письменно съ самыми высшими правительственными сферами и дѣйствовали энергически. Ежегодно возбуждалась масса всевозможныхъ ходатайствъ, направленныхъ къ осуществленію главной идеи. Какъ на самыя характерныя изъ этихъ ходатайствъ, можно указать на слѣдующія: 1) Возбуждено было дѣло объ отводѣ мѣста по берегамъ Дона и Волги для устройства каменноугольныхъ пристаней. Представленіе увѣнчалось успѣхомъ; и углепромышленники стали имѣть возможность пользоваться собственными пристанями безъ платежа владѣльцамъ желѣзныхъ дорогъ ихъ произвольныхъ и ничѣмъ неограниченныхъ налоговъ. 2) Ходатайствовали, чтобы грушевско-донская желѣзная до-

Digitized by Google

рога, построенная спеціально для развитія угольной промышленности, не отдавалась въ аренду пришельцу, равнодушному къ нуждамъ края, а тѣмъ болѣе не продавалась ему, но была отдана обществу мѣстныхъ углепромышленниковъ. Послѣдніе и аренду за нея имѣютъ возможность — при наличности у нихъ общественнаго капитала—платить аккуратно, тогда какъ купецъ-арендаторъ по цѣлымъ годамъ задерживалъ арендныя деньги. Дѣло это тянулось долго, нѣсколько разъ грушевско-донская жел. дорога отбиралась у арендатора (объ этомъ существуютъ постановленія областнаго правленія донской области), но все-таки дѣло кончилось тѣмъ, что дорога была оставлена за нимъ (арендаторомъ), а потомъ и вовсе была ему продана. 3) „Комиссія для распространенія употребленія угля и антрацита въ южной Россіи и на Волгѣ“ ходатайствовала о введеніи обязательнаго употребленія ископаемаго отопленія на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, заводахъ, фабрикахъ по Волгѣ и въ нѣкоторыхъ казенныхъ заведеніяхъ. Это дѣлалось при полномъ выясненіи того, что средняя и южная Россія, а также и вся середина и низовье Волги губятъ основу послѣдняго своего благосостоянія, дожигая остатки сохранившихся еще у нихъ лѣсовъ. Комиссія доказывала, что замѣна древеснаго топлива ископаемымъ углемъ представляетъ даже прямыя выгоды. Такъ средняя, бывшая въ то время, продажная цѣна угля на Дону, въ мѣстахъ добычи его—6 коп. за пудъ; сажень же кубическая дровъ доходитъ въ цѣнѣ до 15 р. Между тѣмъ одна кубическая сажень сосновыхъ дровъ замѣняется 71-мъ пудомъ угля. Такимъ образомъ употребленіе угля на царицынской желѣзной дорогѣ было бы въ большой мѣрѣ выгодно. Далѣе цѣна антрацита на Волгѣ въ Ца-

Digitized by Google

рицынѣ была 20 коп. пудъ, поэтому употребленіе его, сравнительно съ цѣнностью дровъ (въ Саратовѣ 12 руб. сажень и въ Астрахани 15 р.), уже выгодно для пароходовъ отъ Саратова до Астрахани; если же чрезъ предоставленіе каменноугольному производству нѣкоторыхъ льготъ и преимуществъ, цѣны за пудъ угля понизятся въ Царицынѣ до 17 к., то употребленіе его будетъ выгодно и отъ Нижняго Новгорода до Астрахани. Ходатайство это однако возбудило страшное противодѣйствіе и не привело ни къ какимъ благимъ результатамъ.

Противная „дровяная“ партія не дремала. Въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ возникло сильное общество, куда вошли съ обширнѣйшаго района арендаторы земель, лѣсопромышленники, заправители желѣзнодорожнаго дѣла и другіе дѣятели. Общество это составило комиссію „Волжской Лѣсоторговли“ и выпустило ее на единоборство съ комиссіею „Распространенія антрацита“. Громъ и молнія были великіе! Комиссія антрацита стояла твердо, брагинцы не робѣли, но противная партія шла съ безпримѣрною наглостью, на бумагахъ защищаясь статистическими данными, а въ дѣйствительности выставивъ толстое брюхо впередъ, заслоняясь туго набитыми кошельками. Она дѣлала свои выстрѣлы въ упоръ, неотразимо: опасеніе, что усиленіе пароходства на Волгѣ—такъ возвышала свой голосъ „дровяная“ партія—окончательно истребитъ приволжскіе лѣса, неосновательно. На Волгѣ и Камѣ лѣсу еще такъ много, что его тамъ и дѣвать некуда: тамъ во многихъ мѣстахъ лѣса гніютъ на корнѣ и гибнутъ отъ пожаровъ и буреваловъ. Волжскіе и камскіе пароходы по примѣрному разсчету потребляютъ 350,000 кубическихъ саженъ дровъ. Если къ этому прибавить 150,000 кубическихъ саженъ на удовлетвореніе

Digitized by Google

потребностей въ дровахъ приволжскихъ городовъ, то примѣрная цифра общаго средняго потребленія дровъ на Волгѣ опредѣлится въ 500,000 кубическихъ саженъ. Цифра эта велика—соглашалась дровяная комиссія—но лѣсовъ все еще будетъ достаточно на многіе годы и для вдвое большаго потребленія. Такъ въ казенныхъ луговыхъ лѣсахъ казанской губерніи, расположенныхъ какъ нельзя болѣе выгодно, сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ по настоящее время еще значительно ниже производительности лѣсовъ. Цѣна дровъ на мѣстѣ въ лѣсу неслыханно низка, вслѣдствіе недостатка спроса. Въ казенныхъ лѣсахъ, расположенныхъ на Волгѣ и Ветлугѣ, сажень дровъ стоитъ 1 р. 75 к., а въ лѣсахъ частныхъ и удаленныхъ отъ этихъ рѣкъ она доходитъ до 1 р. 50 к. и 1 р. за куб. сажень. Между тѣмъ 71 пудъ антрацита, соотвѣтствующіе сажени дровъ, даже на мѣстѣ добычи стоятъ 4 р. 26 к. (по 6 к. пудъ). Какая же выгода будетъ замѣны дровъ углемъ? То-же самое, если прослѣдить оба эти продукта далѣе. На мѣстахъ потребленія дровъ одна кубическая сажень сосновыхъ дровъ въ торговлѣ стоитъ: на казанскихъ пристаняхъ 8 р. 40 к., въ Саратовѣ—12 р. и въ Астрахани—15 р. А если 71 пудъ антрацита могутъ замѣнить сажень дровъ, то выходитъ, что послѣдній можетъ успѣшно конкурировать съ дровами только въ томъ случаѣ, если пудъ его будетъ стоить на казанскихъ пристаняхъ 11,8 к., въ Саратовѣ 16,8 и въ Астрахани 21 коп. Между тѣмъ до этого далеко: уголь вездѣ въ этихъ мѣстахъ на 5 и болѣе коп. за пудъ дороже. Дальше цѣна на него можетъ только возвышаться, а никакъ не понижаться. Такъ напирала дровяная партія.

Оба враждебные лагеря зашли такъ далеко во взаимной непріязни, что дровяная сторона готова была на

Digitized by Google

всевозможныя жертвы, чтобы только одолѣть враговъ. Къ удивленію, къ этой сторонѣ примкнули всѣ безъ исключенія существующія въ краѣ промышленныя общества, получившія пособія и гарантіи отъ правительства и земства. Угольной топкѣ пришлось плохо; она подверглась повсемѣстному остракизму. Такъ пароходное общество „Самолетъ“ еще съ 1865 г. отопляло углемъ свои пароходы, начиная съ устьевъ Камы внизъ по Волгѣ; но тутъ оно возвратилось къ употребленію дровъ вмѣсто угля, мотивируя это тѣмъ, что уголь оказывается значительно дороже дровъ и что, кромѣ того, при угольной топкѣ требуется несравненно большій ремонтъ печей, нежели при топкѣ дровами. Также точно поступили и нѣкоторыя другія компаніи. Это сдѣлало даже и общество волжско-донской желѣзной дороги, передѣлавъ существующія уже много лѣтъ угольныя топки своихъ локомотивовъ на дровяныя. Это ужъ была величайшая несообразность, бросавшаяся въ глаза особенно тѣмъ, что уголь въ это время подешевѣлъ почти вдвое противъ прежняго. Враги угля пошли бы и дальше: они убили бы потребленіе донскаго угля и на Каспійскомъ морѣ, но къ счастью это было невозможно. Каспійскіе морскіе пароходы не могутъ не употреблять каменнаго отопленія, такъ какъ они не имѣютъ возможности запасаться дровами на цѣлый морской рейсъ. Поэтому донской уголь все-таки и теперь шелъ съ Дону въ Царицынъ и оттуда доставлялся Волгою въ Астрахань. На царицынской и волжско-донской желѣзныхъ дорогахъ можно было постоянно видѣть странную картину: идетъ поѣздъ желѣзной дороги, нагруженный каменнымъ углемъ, какъ товаромъ, и движимый локомотивомъ, который отапливается дровами, стоющими вдвое дороже угля. Это упрямство и злоба хищниковъ

Digitized by Google

приносили жертву, чтобы допечь обогащающую ихъ страну. Брага, видя такое попраніе святой, завѣтной идеи, переживалъ страшныя минуты отчаянія. Это было въ 1882 году.

Вообще желѣзнодорожныя правленія были всѣ противъ угольнаго отопленія. Нѣкоторыя изъ нихъ (какъ напр. лозово-севастопольская дорога въ 1873 г.) вовсе отказывались отъ всякой перевозки угля, кромѣ какъ если потребуется для собственной надобности. Не соглашались брать угольный грузъ даже при большихъ настояніяхъ пароходныхъ компаній (днѣпровская комп.), мотивируя это тѣмъ, что не имѣютъ на это подвижнаго состава. Другія всѣ желѣзныя дороги заявляли съѣздамъ углепромышленниковъ, что они будутъ давать вагоны подъ уголь, но отнюдь не въ такомъ количествѣ, сколько ихъ будетъ требоваться, а сколько будутъ въ состояніи дать.

Вмѣстѣ съ антагонизмомъ къ угольной промышленности дровяная партія старалась пришибить и всякое развитіе на югѣ Россіи чугунно-литейнаго дѣла. Члены этой партіи повсемѣстно распространяли мнѣніе, что въ донецкой каменноугольной площади нѣтъ благонадежныхъ мѣсторожденій доброкачественныхъ желѣзныхъ рудъ, годныхъ для выплавки чугуна, и когда, лѣтъ шесть тому назадъ, при министерствѣ финансовъ образовалась Высочайше утвержденная комиссія для пересмотра существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и тарифахъ по привозу изъ заграницы металловъ и металлическихъ издѣлій, то „дровяники“ пустили въ ходъ всѣ пружины, всѣ тайные ходы, чтобы ввозъ изъ границы чугуна былъ повсемѣстно въ Россіи свободнымъ. Но брагинцы-угольщики тоже въ эту рѣшительную минуту бодрствовали... Закипѣла страшная битва. Мнѣніе комиссіи было весьма важно. Оно должно было порѣшить вопросъ:

Digitized by Google

развиваться дальше горному дѣлу на юго-востокѣ Россіи или остановиться. Съ обѣихъ враждебныхъ сторонъ дѣлались большія усилія, но, къ счастью для края, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергическихъ угольщиковъ былъ членомъ въ самой комиссіи. Онъ съ успѣхомъ боролся съ врагами края въ личныхъ словесныхъ преніяхъ, а запасшись документальными доказательствами отъ совѣта управленія горною и соляною частями въ донской области (въ 1879 г.), и совсѣмъ пришибъ враговъ. Угольщики разбили дровяниковъ на голову: ввозъ англійскаго чугуна въ порты Чернаго и Азовскаго морей вовсе былъ воспрещенъ. Мало того, угольной и чугунно-литейной промышленности даны были помощь, льготы, преимущества.

Правительство всегда дѣйствовало по направленію идеи Браги. Еще въ 1857 году, при пересмотрѣ тарифа, ввозъ чугуна и желѣза въ порты Азовскаго моря былъ запрещенъ въ видахъ поддержки юговосточныхъ чугунныхъ заводовъ, хотя ввозъ ихъ во всѣ прочіе порты дозволенъ почти безъ пошлины. Вообще оно обращало особое вниманіе на южную Россію, на развитіе тамъ горнозаводскаго дѣла и на распространеніе минеральнаго топлива. Оно не щадило денежныхъ затратъ и субсидій для поощренія первыхъ заводчиковъ и устройства собственныхъ заводовъ (луганскій заводъ, петровскій около сѣверной границы міускаго округа донской области, лисичанскій на рѣкѣ Донцѣ). Когда въ Новочеркаскѣ образовалось общество каменноугольнаго и желѣзнаго производствъ, съ намѣреніемъ устроить на рѣкѣ Калміусѣ Екатеринославской губерніи чугунные заводы, то правительство выдало ему субсидію въ 500 тысячъ руб. и опредѣлило на извѣстное количество пудовъ рельсовъ, которое оно будетъ выдѣлывать на своихъ заводахъ, по пятьдесятъ

Digitized by Google

коп. преміи на пудъ. Такая-же субсидія дана заводу англичанина Юза на Міусѣ. Строителя курско-харьковско-азовской желѣзной дороги правительство, при выдачѣ концессіи, обязало выстроить рельсовый заводъ съ ежегоднымъ производствомъ 500 тысячъ пудовъ рельсовъ и предоставило ему право получить нужную для этого землю безвозмездно. Всѣ горные заводы, устраиваемые въ Екатеринославской губерніи и донской области освобождаются отъ горныхъ податей на 20 лѣтъ, а пошлины за добычу каменнаго угля въ пользу казны совсѣмъ не существуетъ. И это еще не все. Кромѣ образованія при высшихъ правительственныхъ сферахъ разныхъ комиссій по экономическимъ дѣламъ вообще въ имперіи, съ 1879 года стала дѣйствовать юго-восточная подкомиссія по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла. Мѣстныя губернскія горныя правленія, по указанію свыше, въ послѣдніе года работали усиленно, и въ настоящее время ничто уже не можетъ задерживать на юго-востокѣ чугуннаго и желѣзнаго производствъ. Сдѣланы обширныя развѣдки по пространству и паденію желѣзныхъ рудъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ горныхъ инженеровъ. Добыто много положительныхъ данныхъ объ условіяхъ залеганія желѣзныхъ рудъ во всѣхъ мѣстностяхъ и ихъ количествѣ. Все это отчасти публикуется въ отчетахъ о краѣ. Теперь остается только водвориться тутъ самостоятельной русской чугунной и желѣзной промышленности, а процвѣтаніе ей обѣщаютъ какъ обиліе минеральнаго топлива, такъ и близость желѣзныхъ путей сообщенія и южныхъ портовыхъ городовъ.

Въ послѣдніе годы дѣятельность Василія Степановича Браги обнаруживалась не въ одной только теоріи.

Digitized by Google

Онъ не переставалъ, со свойственною ему энергіею, работать и въ практической средѣ, стараясь пролить свѣтъ кругомъ себя, чѣмъ только можно, и сколько можно. Въ 15 верстахъ отъ его мѣстожительства (онъ живетъ при самомъ лѣсничествѣ) находится уѣздный городъ, гдѣ, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ, существуетъ уѣздное училище. Брага исхлопоталъ себѣ право преподавать въ этомъ училищѣ безмездно начала земледѣлія и лѣсоводства и ѣздилъ туда для этого три раза въ недѣлю. Кромѣ того онъ завелъ обширный древесный питомникъ и раздаетъ изъ него молодыя деревца всѣмъ, кто только пожелаетъ ихъ получить.

Но главные труды и заботы Василія Степановича были обращены на ввѣренное ему лѣсничество. Въ немъ считалось всего около 3 тысячъ десятинъ, но въ сущности занятаго лѣсомъ пространства было только 2 т. десятинъ. Остальное мѣсто было занято лѣсомъ лѣтъ 30 тому назадъ, теперь же было пусто, хотя и считалось подъ лѣсомъ. Являлась задача облѣсить всѣ эти пустыя мѣста дачи, но для этого нужны были средства довольно большія. Брага порѣшилъ создать ихъ во что бы то ни стало и придумалъ цѣлый рядъ операцій.

Въ томъ лѣсничествѣ хозяйство велось въ послѣдніе годы уже правильно. Лѣсъ ежегодно продавался дѣлянками на срубъ и получалось такимъ образомъ дохода съ него около 4 тысячъ рублей. Брага исходатайствовалъ изъ этой суммы 20% ежегодно для употребленія на разведеніе лѣса на всѣхъ пустотахъ площади; исхлопоталъ онъ также въ свое распоряженіе для той-же цѣли и деньги, поступавшія отъ всѣхъ другихъ доходныхъ статей въ лѣсничествѣ: отдачи на откупъ снятія плодовъ,

Digitized by Google

попаса скота, а также откупа сѣнокоса въ безлѣсныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ въ первый-же годъ у него получилось, для приведенія въ исполненіе начертанныхъ плановъ, болѣе тысячи рублей. Половину этихъ денегъ онъ немедленно употребилъ по назначенію, засѣявъ и засадивъ лѣсомъ нѣсколько десятковъ десятинъ; другую половину тоже немедленно пустилъ въ выгодный оборотъ, чтобы увеличить свои средства и способы къ приведенію въ исполненіе своей цѣли. Онъ завелъ сначала самое небольшое кожевенное производство, но оно увеличивалось, разросталось и удваивалось чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ, и теперь, черезъ 7 лѣтъ существованія, кожевенный заводъ его представляетъ обширнѣйшее учрежденіе. Постановка его и ходъ дѣла на немъ не можетъ, кажется, не интересовать даже спеціалистовъ этого мало еще развитаго въ Россіи производства.

Самъ Брага на заводѣ не больше, какъ главный только пайщикъ; управу же на заводѣ и ходъ всему дѣлу даетъ особое правленіе изъ выборныхъ мастеровъ. Всѣ рабочіе на немъ дѣлятся: на мастеровъ-пайщиковъ, просто мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. Ученикомъ на заводъ можетъ поступить каждый желающій, такъ что еслибы желающихъ поступить явилось разомъ нѣсколько тысячъ, то и то, кажется, они съ удовольствіемъ были-бы приняты на полное отъ завода содержаніе. Далѣе ученикъ, за успѣхи въ работѣ, можетъ быть удостоенъ званія подмастерья и получать уже, при содоржаніи въ артели при заводѣ, жалованья отъ 30 до 50 р. въ годъ. Подмастерье дѣлается мастеромъ съ жалованьемъ въ 100 руб. и больше; а если мастеръ скопитъ 100 р. и вложитъ ихъ въ обороты завода, то дѣлается мастеромъ-пайщикомъ и получаетъ уже на свой пай не менѣе 200 р.

Digitized by Google

съ общаго дохода завода. Съ увеличеніемъ взноса растетъ и его доходъ.

Съ помощью приглашенныхъ спеціалистовъ-мастеровъ Брага поставилъ на заводѣ дѣло на самую современную научную почву. Устроены всѣ приспособленія, выработанныя въ послѣднее время техникой. Всякая кожа, какъ извѣстно, по своей величинѣ и толщинѣ требуетъ для своей выдѣлки различнаго времени, но у Браги поставлено дѣло такъ, что самая толстая сырая кожа выдѣлывается въ одинъ мѣсяцъ. Это увеличиваетъ выгоду производства, такъ какъ затрачиваемый на покупку сырыхъ кожъ капиталъ дѣлаетъ въ годъ до 12 оборотовъ, что едва-ли бываетъ въ какомъ-либо другомъ производствѣ. Въ коммерческомъ отношеніи дѣло стоитъ такъ: большая воловья кожа стоитъ въ покупкѣ 12 руб., выдѣлка ея обходится въ 3 руб., она даетъ полтора пуда подошвеннаго товару, а считая пудъ 30—40 руб., въ продажѣ она стоитъ 50—60 руб.; шкура лошади—въ покупкѣ 4—5 р., выдѣлка 2 р., продажная цѣна 15—18 руб.; козелъ—въ покупкѣ 1 руб., выдѣлка—1 руб., продажная цѣна—3—4 р. Поэтому-то оборотный капиталъ завода и въ состояніи давать чистой прибыли въ годъ 200 и 300%.

Василій Степановичъ поставилъ на заводѣ цѣлью выдѣлывать кожи по заграничнымъ образцамъ и сообщать имъ ту прочность, тонкость и изящество, которыя отличаютъ товаръ англійскій и берлинскій. Получая сырыя кожи—незалежавшіяся, свѣжія—изъ первыхъ рукъ, прямо отъ мясниковъ и скотопромышленниковъ,—онъ и успѣваетъ въ этомъ, дѣлая выработанный товаръ даже доступнѣе по цѣнѣ и добротнѣе заграничнаго. Своей конкуренціей Брага думаетъ подавить англичанъ и нѣмцевъ,

Digitized by Google

и на полную побѣду надъ ними у него самыя основательныя надежды. И теперь уже товаръ его, не уступая, какъ сказано выше, добротностью заграничному, далеко дешевле его цѣной. Далѣе Брага думаетъ спустить цѣну его ниже и ниже, и товарамъ берлинскому и англійскому не сдобровать, тѣмъ болѣе, что заграницей выдѣлка кожъ никогда не можетъ быть такъ выгодна и дешева, какъ въ Россіи. Тамъ, напримѣръ, дубовая кора обходится 3 р. пудъ, въ Россіи же она—30 коп. пудъ. Нѣмцы-берлинцы везутъ русскія кожи къ себѣ и платятъ за провозъ; у Браги же онѣ подъ руками.

У Браги при выдѣлкѣ кожъ, кромѣ главнаго матеріала, получаются еще достигающіе значительной цѣнности разные продукты кожевеннаго производства: волосъ, соли, кислоты, дубовая кора и проч. Всѣ отбросы идутъ тутъ въ дѣло и имѣютъ цѣнность. Волосъ употребляется, смотря по роду животныхъ, которымъ принадлежали кожи: лошадиный идетъ на матрацы высшей цѣнности, воловій на войлоки и обойщикамъ. Рога и копыта видоизмѣняются въ пуговицы, на выдѣлку напильниковъ, ножей и вообще разныхъ инструментовъ англійской отдѣлки. Известь съ остатками шерсти идетъ на штукатурку стѣнъ. Остатки дубовой коры—на устройство трудно воспламеняющихся крышъ. Вся мелочь и смѣсь, никуда негодная, идетъ ва кирпичъ для топки и на удобреніе почвы.

При кожевенномъ заводѣ устроенъ также клеевой заводъ, что весьма выгодно, такъ-какъ оба завода помогаютъ другъ другу. На клеевой заводъ поступаютъ всѣ обрѣзки, мездра и другія разложившіяся части кожъ. Если этого бываетъ мало, то покупаются на клей плохія, негодныя кожи, ноги воловьи, бараньи и лошадиныя. Даже

Digitized by Google

изъ купленнаго такимъ образомъ матеріала клей на заводѣ въ работѣ обходится пудъ въ 3 руб.; продается же онъ: простой за пудъ 7—8 руб., а очищенный химически 12—14 руб. При самомъ добываніи клея получается еще костяное масло, отдѣляющееся отъ клея. Химически очищенное, оно имѣетъ хорошій сбытъ, такъ какъ предохраняетъ различныя части машинъ отъ скорой порчи. Цѣнится оно по 2 руб. за фунтъ и дороже. Клеевой заводъ, въ свою очередь, помогаетъ кожевенному. Теплота, дѣйствующая при выдѣлкѣ клея, направляется на высушку кожъ. Если же клеевого завода не было бы, то настояла бы надобность въ устройствѣ особой сушильни.

Изъ своего лѣсничества Василій Степановичъ создалъ совершенно безгрѣшную статью дохода, дававшую ему въ послѣдніе годы никакъ не менѣе того, что даетъ и кожевенный заводъ. Всѣ безлѣсныя мѣста въ лѣсничествѣ въ прежнія времена отдавались за безцѣнокъ по 6—7 коп. за десятину подъ покосъ желающимъ, для чего каждый разъ дѣлались торги съ предварительною публикаціею. Брага сталъ употреблять ихъ хозяйственнымъ образомъ. Онъ сдѣлалъ представленіе лѣсному начальству—не продавать покосныхъ мѣстъ, а косить на нихъ сѣно и потомъ продавать послѣднее съ аукціона желающимъ. Въ видахъ полученія большаго дохода это и было ему разрѣшено съ тѣмъ, чтобы операцію эту онъ производилъ на отпускаемыя ему по хозяйству лѣса деньги. Выходило такъ, что лѣсное начальство распоряжалось всегда продать накошенное сѣно тотчасъ послѣ покоса его и сметанія въ стога. Это бывало среди самаго лѣта, когда у мѣстнаго населенія обыкновенно нѣтъ денегъ. За сѣно на торгахъ давали цѣну самую низкую, и Брага нахо-

Digitized by Google

дилъ возможнымъ брать его за себя, не дѣлая этимъ никому ни вреда, ни подрыва. Потомъ онъ сбывалъ сѣно зимой, когда цѣна на него возвышалась. Брали его больше купцы-скотопромышленники, которые или стравливали его на мѣстѣ гуртами скота, или увозили въ другія мѣстности. Въ то-же время Брага прессовалъ сѣно и отправлялъ самъ во внутреннія города Россіи. Эта последняя операція была выгоднѣе всѣхъ другихъ, но каждый разъ при отправкѣ значительныхъ количествъ этого товара приходилось вести жестокую войну съ желѣзными дорогами.

Размѣры разведенія лѣса въ своемъ лѣсничествѣ Василій Степановичъ годъ отъ году все увеличивалъ. Но тутъ ему приходилось вести тяжкую борьбу. Часто и борьба была невозможна: оставалось только терпѣть и страдать. Зимой его одолѣвали вьюги и бури, часто съ неестественными холодами при совершенномъ безснѣжьи; лѣтомъ—засухи, сухіе восточные вѣтры, животныя и насѣкомыя. Въ той мѣстности, гдѣ находится его лѣсничество, нѣсколько уже десятковъ лѣтъ существуетъ таже поразительная и невыносимая для растительной жизни неровность климата, какая замѣчается и во многихъ другихъ пунктахъ этого края. Молодыя лѣсныя поросли выростаютъ здѣсь среди тяжелой борьбы за свое существованіе. Прежде нежели подняться ростомъ въ колъ, они выносятъ цѣлый рядъ бѣдствій и по нѣкоторымъ мѣстамъ, особенно неблагопріятнымъ, гибнутъ почти поголовно. Картина роста посаженнаго вновь или посѣяннаго лѣса именно такова: въ безснѣжную и холодную зиму мало того, что вымерзаютъ корни молодыхъ дере-

Digitized by Google

вецъ, но морозъ выдергиваетъ ихъ прочь изъ земли. Гдѣ проходятъ трещины лопнувшей отъ морозу земли, тамъ гибнутъ цѣлые ряды даже взрослыхъ деревъ. Въ иной годъ тяжелая зима,—глубокій снѣгъ лежитъ до первыхъ чиселъ апрѣля, тогда какъ въ другой—она весьма легкая, но съ чрезвычайными неровностями: то перепадаетъ дождь, то снѣгъ, то дѣлается оттепель, то морозъ—и эти переходы то возбуждаютъ растенія къ жизни, то останавливаютъ ее въ нихъ. Въ безснѣжную зиму теплота солнца часто мгновенно согрѣваетъ открытую землю, производитъ неестественно раннюю весну и развитіе растительности; но вдругъ все смѣняется 20° морозомъ, растительность гибнетъ. Въ такія зимы иногда въ первыхъ числахъ февраля начинаются совершенно весенніе дни; снѣгъ сходитъ, балки и рѣчки наполняются водою, куропатки расходятся попарно, начинаютъ пѣть жаворонки, прилетаютъ дикіе гуси, стрепеты, дрофы, утки, выходятъ изъ земли змѣи и ящерицы, начинаютъ кричать лягушки, сороки и воробьи вить гнѣзда, на небѣ можно видѣть сверкающую молнію, по долинамъ вездѣ кучки свѣжей земли, нарытой кротами; степь зеленѣетъ и покрывается весенними цвѣтами, на деревьяхъ разбухаютъ почки, распускаются листья и появляются цвѣты. Но такую весну нельзя никогда считать прочною и благопріятною: она сопровождается всегда значительными утренними морозами, гибельно дѣйствующими на всякую жизнь. Такъ продолжается иногда до половины апрѣля, а тутъ въ иной годъ начинаются жары и засуха, дуетъ восточный или юговосточный сухой жгучій вѣтеръ, разыгрываются бури. Рыхлая земля, вздуваемая огромными и густыми тучами, подымается съ плантацій и засѣянныхъ полей. Лучшей земли такимъ образомъ сносится слой вершка

Digitized by Google

въ три толщиною и ее валитъ въ балки и низменности, выметаетъ пласты отъ 4-хъ вершковъ до аршина. Сила вѣтра бываетъ часто такъ велика, что проходящіе не могутъ держаться на ногахъ, а въ лицо ихъ до большой боли бьютъ крупинки земли, несомыя вѣтромъ. У непривычныхъ къ степи въ это время лицо дѣлается чернымъ, и поверхность его, а также шеи и рукъ, высыхаетъ до того, что кожа на нихъ трескается и слущивается. Такая погода приноситъ большой вредъ молодымъ порослямъ. Буря расшатываетъ деревца, выдувая изъ-подъ нихъ землю, обнажаетъ и сушитъ ихъ корни, также сушитъ и обиваетъ развивающіяся почки и молодые листья, сушитъ не только вѣтви, но и цѣлые стволы, особенно вновь насаженныхъ и не привившихся еще деревьевъ.

Но этимъ бѣды далеко еще не кончаются. Вдругъ послѣ всего этого, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а иногда въ первой половины мая, температура понижается до 2—3 градусовъ, и лѣсъ не только молодой, но и старый, представляетъ грустную картину: молодые побѣги и листья на всѣхъ деревьяхъ померзаютъ. Тоже самое дѣлается съ хлѣбомъ и травами. Прекрасная и роскошная зелень лѣса и травы исчезаетъ; лѣсъ—гдѣ представляется желтымъ, гдѣ бурымъ, а въ иныхъ мѣстахъ совершенно чернымъ. Это смотря по роду деревьевъ и по высотѣ мѣста: чѣмъ мѣсто выше, тѣмъ вредъ отъ мороза бываетъ больше, и наоборотъ. Нѣкоторыя молодыя деревца совершенно теряютъ стволы и послѣ идутъ только отъ пней и корней. У другихъ отмерзаютъ только верхнія части стволиковъ, и поэтому послѣ они бываютъ корявыя, на нихъ образуется много боковыхъ вѣтвей безъ верхушки. И вездѣ въ степи правильныхъ, прямыхъ и

Digitized by Google

съ верхушками деревьевъ выростаетъ очень мало. Уродуетъ ихъ такимъ образомъ морозъ, а не то тающій снѣгъ въ снѣжную зиму. Тогда деревья и на ровныхъ мѣстахъ, а въ буеракахъ особенно, бываютъ до самыхъ верхушекъ завалены снѣгомъ. Когда весной послѣдній начинаетъ таять, то, осѣдая, обламываетъ деревья, кривитъ ихъ, уродуетъ.

Послѣ побитія морозомъ деревья однако всегда скоро оправляются, т. е. тѣ изъ нихъ, въ которыхъ еще сохранилась жизнь. Но имъ можно ждать еще новой бѣды. Около Троицына дня на степномъ лѣсѣ часто появляется такое множество личинокъ степныхъ бабочекъ, что онѣ укрываютъ не только лѣсъ, но и всю землю кругомъ его, съѣдаютъ листья и плоды на деревьяхъ, а также всю растительность кругомъ. Отъ нихъ защищаются: отряхаютъ ихъ съ деревьевъ и мажутъ дегтемъ и смолой нижнія части стволовъ послѣднихъ, чтобы личинки не могли всползать на нихъ съ земли, кладутъ между деревьями окуръ изъ навоза, вѣшаютъ раковъ на вѣтви, чтобы отъ гніенія ихъ распространялся убійственный для гусеницъ запахъ. Но всѣми этими средствами немного успѣваютъ сдѣлать, и лѣсъ все-таки теряетъ свою листву, а плодовыя деревья—и плоды. Случается, что при этомъ погибаютъ и деревья; въ массѣ же они только задерживаются въ ростѣ. Недѣли черезъ полторы-двѣ на нихъ опять выростаютъ почки и листья.

Такимъ образомъ степному лѣсу въ борьбѣ за свою жизнь часто приходится три раза въ одинъ годъ пускать почки и листья: разъ ихъ побьетъ морозъ, въ другой съѣдятъ гусеницы и только третьи удержатся. Кромѣ всего этого лѣсу много вредятъ еще зайцы и крысы (послѣднія по низкимъ, займищнымъ мѣстамъ), обгладывая

Digitized by Google

стволы молодыхъ деревьевъ. Въ иныя зимы и весны они дѣлаютъ страшныя нашествія и производятъ опустошенія, но все-таки отъ этихъ враговъ можно защищаться съ помощью собакъ, ружей, тенетъ, капкановъ и дубинъ.

Брага разводилъ лѣсъ по буеракамъ, гдѣ онъ почти наголо былъ истребленъ мѣстными жителями; даже корни не уцѣлѣли. Развести въ такихъ мѣстахъ лѣсъ вообще весьма трудно, но все-таки возможно. Брага пришелъ даже къ убѣжденію, что стенные буераки необходимо всѣ занять куртинами лѣса, такъ какъ они только на это большею частью и годны: къ хлѣбопашеству они обыкновенно не способны по крутизнѣ скатовъ своихъ, да и укосъ сѣна могутъ давать сравниелтьно небольшой и плохой. Лѣсъ же стоитъ только тутъ укорениться. На первыхъ порахъ только трудно и почти невозможно бываетъ развести его по скатамъ, но можно сначала разводить на низкихъ мѣстахъ, въ самыхъ ложбинахъ; когда же тутъ будетъ поросль, то съ увеличеніемъ ея постепенно будутъ уменьшаться неблагопріятныя условія и къ посадкамъ на скатахъ.

Такимъ образомъ Василій Степановичъ Брага на практикѣ въ послѣдніе года подвизался въ просвѣщеніи народа (какъ выше сказано, онъ состоялъ безмезднымъ преподавателемъ лѣсоводства и земледѣлія въ училищѣ), въ разведеніи лѣса, сѣнокошеніи и обширномъ производствѣ кожъ. Но это былъ далеко не полный кругъ начертанной имъ себѣ практической дѣятельности. Съ самаго того момента, какъ онъ далъ въ душѣ обѣтъ отдать себя на служеніе нуждамъ своей страны, у него, какъ-бы нарисовались въ мозгу, стояли передъ

Digitized by Google

глазами днемъ и ночью, во снѣ и на яву, слова: „*русская домна, уголь и чугунъ*!“ Эти слова были его пароль и лозунгъ. Они какъ-бы начертаны были на знамени, которое развивалось передъ его глазами и звало его впередъ. Для полнаго оздоровленія экономической жизни края онъ, кромѣ разведенія лѣса, считалъ необходимымъ прежде всего выкопать изъ земли и взять въ руки богатыря-уголь—эту силу, производящую тепло и паръ,—потомъ дать жизнь тѣмъ 52 пластамъ желѣзной руды, которые лежатъ въ грунтѣ донецкаго бассейна, и эти двѣ силы устремить на защиту лѣса, а съ нимъ вмѣстѣ климата и плодородія земли. Этой идеи Брага отдавалъ всю свою душу. Развитіемъ угольной и желѣзной промышленности, а также прекращеніемъ отпуска сырыхъ русскихъ кожъ за границу и широкимъ развитіемъ сѣнокошенія (для отправки во внутренніе города Россіи, на прокормку тамъ на мѣстѣ нужнаго промышленнымъ центрамъ скота) онъ хотѣлъ отвлечь мѣстное населеніе отъ болѣзненныхъ, одностороннихъ занятій въ сельскомъ быту, сократить значительно хлѣбопашество и убить вовсе кочевое, бродячее скотоводство. И вотъ онъ бился въ промышленныхъ операціяхъ, чтобы скопить хоть нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Дальше онъ намѣренъ былъ испросить субсидію у правительства, открыть разомъ въ нѣсколько пунктахъ хоть небольшія на первыхъ порахъ доменныя печи съ угольными шахтами и пустить русскій чугунъ на рынокъ въ борьбу съ англійскимъ. Подвижникъ опредѣлилъ себѣ великую цѣль! Онъ далъ слово умереть только тогда спокойно, когда русскій уголь станетъ согрѣвать не только сердце Россіи, Москву съ Волгой, но и всѣ окраины, и когда бунты его, и произведеннаго имъ чугуна, загородятъ петер-

Digitized by Google

бургскій и другіе порты отъ англичанъ и нѣмцевъ. Бѣдному труженнику предстоялъ трудный путь нужды и лишеній!..

Но судьба разомъ выручила Василія Степановича, давъ ему въ руки шестнадцатимилліонный капиталъ. Теперь онъ точно вышелъ изъ душнаго горнаго ущелья на широкій, неоглядный просторъ поля, годнаго для самой великой, самой богатырской борьбы и битвы! Горную промышленность въ краю онъ надѣется поставить сразу такъ, чтобы домны его выработывали изъ рудъ чугуна въ годъ не менѣе 10 милл. пудовъ *). Въ такомъ случаѣ потребуется на выплавку только чугуна 120 милліоновъ пудовъ угля; на выдѣлку изъ чугуна желѣза, а изъ этого послѣдняго издѣлій, потребуется его столько-же или больше. Добываніе рудъ и угля, подвозка ихъ къ мѣстамъ производства, а также и доставка къ мѣстамъ сбыта потребуетъ громадныхъ силъ, и это дастъ выгодный заработокъ милліонамъ народа. Далѣе онъ намѣренъ выкупить въ свое распоряженіе двѣ тысячи верстъ уже существующихъ желѣзныхъ дорогъ и на такое-же разстояніе построить новыхъ путей (построить ихъ онъ думаетъ поразительно просто и дешево), уложить по нимъ не только два, но три, четыре и болѣе пути, завести въ избыткѣ подвижной составъ, приспособивъ вагоны собственно къ перевозкѣ угля, и возить этотъ послѣдній продуктъ во всѣ концы Россіи: въ столицы, на Уралъ **), на Волгу,

---

*) Извѣстно, что всего въ Россіи выплавляется теперь изъ рудъ чугуна около 15 милл. пудовъ. Въ 1870 г. его было выплавлено 16.960,282 пуд. и изъ этого количества получено желѣза 13.797,980 пуд. *Работа однако производилась на древесномъ углѣ.*

**) На Уралѣ хотя и есть залежи каменнаго угля, но, по расположенію и качеству пластовъ, ихъ не стоитъ разработывать.

Digitized by Google

Днѣпръ, къ прибрежьямъ Чернаго и Азовскаго морей. Онъ надѣется, что сбытъ угля на Уралѣ будетъ доходить до 500 милліоновъ пудовъ, до 100 милліоновъ въ каждую изъ столицъ (въ Москвѣ на одни фабрики и заводы по точному исчисленію потребно угля 68 милл. пуд.) и по стольку-же на Волгѣ, на Днѣпрѣ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Брага готовится нанести тяжкій ударъ англійской угольной промышленности, вытѣснивъ ея уголь со всѣхъ русскихъ балтійскихъ портовъ. Онъ и не думаетъ просить какой-либо покровительственной пошлины со стороны правительства (въ видѣ наложенія напр. высокаго тарифа на англійскій уголь и поднятія тѣмъ цѣнъ на русскій, чтобы дать такимъ образомъ возможность всѣмъ съ выгодою провозить его сюда): напротивъ, его желаніе — еще понизить цѣны на уголь въ Петербургѣ и др. мѣстахъ. Онъ хочетъ бороться свободно, выходить на поединокъ, одинъ на одинъ съ экономическимъ врагомъ страны. Сдѣлать это онъ думаетъ очень просто: уголь въ случаѣ надобности онъ намѣренъ провозить своими дорогами, гдѣ можно, безплатно, какъ развозятъ хлѣбъ въ голодные года.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что Василій Степановичъ въ торговлѣ и промыслахъ врагъ всякаго рода стѣсненій. По его мнѣнію, правительство должно вмѣшиваться въ дѣла промышленности, но въ извѣстной мѣрѣ. Такъ въ настоящее время необходимо обложить самою высокою пошлиной всякаго рода машины и металлическія издѣлія, привозимыя въ Россію изъ заграницы, чтобы совершенно преградить имъ путь сюда,—но это сдѣлать только временно, лѣтъ на 15—20: пока русскій мастеръ станетъ на ноги, осмотрится. Послѣ того предоста-

Digitized by Google

вить его въ борьбѣ собственнымъ силамъ („ребенка надо вскормить, воспитать и дать направленіе, а жить и работать онъ долженъ по своей волѣ и желанію“).

Для постановки на самую широкую ногу чугунно-литейной промышленности Брага хочетъ употребить особый маневръ. Онъ намѣренъ самъ устроить въ нѣсколькихъ мѣстахъ доменные заводы и производить чугунъ изъ руды и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь къ этому дѣлу капиталы со стороны. Послѣднее онъ думаетъ сдѣлать, объявивъ, что будетъ покупать у частныхъ владѣльцевъ чугунъ, выплавленный изъ туземныхъ матеріаловъ, въ извѣстномъ количествѣ ежегодно и по извѣстнымъ цѣнамъ. Если на это откликнутся предпріимчивые люди, разберутъ все количество гарантированнаго такимъ образомъ чугуна и станутъ доставлять его, онъ устроитъ соотвѣтствующее число желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ, а если не будетъ успѣвать переработывать на своихъ заводахъ весь скопившійся чугунъ въ желѣзо, то сдѣлаетъ объявленіе, что капиталисты, построившіе желѣзо-дѣлательные заводы на югѣ Россіи, могутъ получать чугунъ по извѣстнымъ цѣнамъ и въ извѣстномъ количествѣ ежегодно. Вся цѣль Браги заключается въ томъ, чтобы въ Россіи накопилось какъ можно больше своего собственнаго чугуна, чтобы онъ появился на рынкѣ (теперь его нѣтъ), чтобъ цѣна на него упала и онъ вытѣснилъ-бы привозный англійскій чугунъ. Брага думаетъ объявить цѣну на производство изъ рудъ чугуна самую высокую и выгодную для производителей; напротивъ, заготовленный чугунъ уступать желѣзнымъ заводчикамъ по низкой цѣнѣ: т. е. выгодно для потребителей его, согласно мѣстнымъ цѣнамъ на желѣзо. Въ такомъ случаѣ трудно предположить, чтобы не нашлось достаточнаго числа предпріим-

Digitized by Google

чивыхъ лицъ. Играя такимъ образомъ цѣнами, Брага надѣется создать и подвинуть въ ширь промышленность, вызвать на поприще этой новой дѣятельности энергическихъ и предпріимчивыхъ дѣятелей и поднять благосостояніе и достоинство народа и страны. Разница между высокою и низкою цѣною на чугунъ, при пріемѣ его и отпускѣ, будетъ убытокъ ему, но это будетъ его жертва...

Относительно спеціальности своей, разведенія лѣса на юго-востокѣ, Брага готовитъ неслыханно смѣлый планъ. Въ послѣдніе года въ донской и кубанской областяхъ раздаются даромъ участки казенной (войсковой) земли подъ разведеніе лѣса, лишь-бы берущіе землю начали работу по разведенію рощъ втеченіе трехъ лѣтъ. На этомъ основаніи Брага надѣется испросить у правительства въ свое распоряженіе на всемъ пространствѣ юго-востока 3.000,000 десятинъ земли *) въ нужныхъ мѣстахъ и разной величины участками. Онъ думаетъ, что и частные владѣльцы земель, если сами не желаютъ разводить нужный степямъ лѣсъ, должны будутъ, на основаніи закона, уступать часть своихъ земельныхъ владѣній подъ лѣсныя посадки. Совершить это дѣло онъ надѣется даже безъ особенно большихъ затратъ капитала, такъ какъ на первыхъ порахъ будетъ возможность эксплуатировать землю сѣнокосомъ и посѣвомъ хлѣба, а дальше станетъ давать доходъ и самый лѣсъ. Хотя Брага готовъ

*) Такого количества лѣснаго пространства Брага считаетъ на первый разъ достаточнымъ для всего юго-востока, особенно если къ нему присоединить тѣ лѣса, которые уже существуютъ здѣсь и будутъ еще разведены обязательно частными владѣльцами. Извѣстно, что въ восточныхъ русскихъ губерніяхъ теперь лѣса находится на лицо только отъ 0,8% до 2,5% въ отношеніи ко всей удобной землѣ, что въ среднемъ выводѣ для всего юго-востока даетъ только $1^1/_2$%, тогда какъ за необходимую въ климатическомъ, экономическомъ и санитарномъ отношеніяхъ норму количества лѣса въ каждой сторонѣ считается, какъ извѣстно, 25% всей ея площади.

Digitized by Google

сократить хлѣбопашество въ краю до послѣдней возможности, но онъ считаетъ необходимымъ, удобнымъ и выгоднымъ предварительно посадки лѣса на извѣстномъ пространствѣ распахать землю и года два-три передъ тѣмъ сѣять на ней хлѣбъ.

И теперь рисуется Василію Степановичу великая картина предначертанныхъ имъ работъ. Въ то время, когда на угольныхъ и чугунныхъ рудникахъ, на чугунно-литейныхъ, желѣзодѣлательныхъ и кожевенныхъ заводахъ милліоны народа найдутъ себѣ выгодный трудъ, когда тамъ будутъ дѣйствовать, управляемые мастерами и техниками, машина, вода, молотъ, лошадь и волъ, будутъ слышны неумолкаемое шипѣнье пара, гулъ машинъ, стукъ колесъ и молотовъ, — въ это время долины и буераки степей тоже не менѣе будутъ оживлены: тамъ, въ перемежку съ хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ, будутъ разводиться лѣса. 3 милліона десятинъ земли Брага думаетъ раздѣлить на 1,000 лѣсныхъ участковъ, полагая въ каждый по 3,000 десятинъ, и поручить каждый участокъ особымъ спеціально подготовленнымъ лицамъ. Ему потребуются цѣлые полки лѣсничихъ и таксаторовъ, и эту отборную армію онъ поведетъ ужъ лично самъ въ битву съ засухами, непогодами и бурями степей.

Таковы теперешніе планы и желанія Василія Степановича Браги. Насколько онъ достигнетъ своихъ цѣлей, приложитъ дальше къ дѣлу и желѣзную силу своего характера, и тѣ милліоны, которые теперь—во искупленіе своихъ экономическихъ и народныхъ грѣховъ—точно высунулъ ему изъ могилы дѣдъ его Хмѣль,—все это будетъ видно, можетъ быть, только въ отдаленномъ будущемъ...

Digitized by Google

Издана Ф. Павленковымъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **новая книга:**

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ.

МАКСА НОРДАУ.

Перев. съ 4-го нѣмец. изданія **Эл. Зауэръ**. Спб. 352 стр. Ц. 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ: I. **Оптимизмъ или пессимизмъ?** Безнравственность міроваго порядка.—Человѣческая логика и міровое сознаніе.—Какъ могла бы думать кофейная мельница?—Человѣкъ, какъ центръ мірозданія.—Философствующая муха.—Пессимизмъ, какъ модный плащъ.—Какъ далеко мы ушли впередъ. Страданіе—нашъ ангелъ-хранитель.—Роль недовольства въ жизни.—Вселенная и міровой конецъ.—Оптимизмъ передъ лицомъ смерти.—Двѣ идеализацій: старости и дѣтства.

II. **Геній и толпа**. Желаніе меньшинства нравиться толпѣ.—Унаслѣдованное и оригинальное.—Пигмеи и великаны жизненной энергіи.—Женщина и писатели. — Оригинальныя женщины. — Честолюбіе и тщеславіе. — Предѣлъ оригинальности.—Чѣмъ объясняется пристрастіе къ новизнѣ.—Причины вымиранія дикихъ племенъ.—Сегодняшній геній—завтрашній филистеръ.—Баррикады, какъ консервативныя опоры общественнаго строя.

III. **Ретроспективный взглядъ на человѣческій прогрессъ**. Душевное похмѣлье.—Пифагоръ въ университетской лабораторіи.—Первобытный человѣкъ.—Регресса не существуетъ.—Гуманитарный элементъ, какъ спутникъ животныхъ проявленій въ человѣкѣ.—Воображаемые Робинзоны.—Непризнанные геніи.

IV **Успѣхъ въ жизни**. Задача школы.—Опредѣленіе жизненнаго успѣха.—Женскій успѣхъ.—Жизненное поприще современнаго Аполлона.—Рекламируй себя.—Когда умѣстна скромность?—Двойная тактика карьериста.—Апологія займовъ.—Чѣмъ отдаетъ отъ стряпни карьеризма?

V. **Психофизіологія генія и таланта**. Опредѣленіе генія и таланта.—Органическая подкладка генія.—Низшіе и высшіе нервные центры.—Естественная іерархія центровъ.—Организмъ, какъ колонія.—Демократическія стремленія организма. — Эмоціональная и разсудочная дѣятельность. — Толпа живетъ эмоціями, а не мыслями. — Почему старое кажется поэтичнѣе новаго.—Локомотивы и крупповскія орудія въ поэзіи будущаго.—Эмоціональныя поколѣнія, народы и эпохи.—Наслѣдственность опредѣленныхъ талантовъ—заблужденіе.—Опытъ относительно наслѣдственности таланта. — Злоупотребленіе эпитетомъ генія. — Психологическій анализъ игры піаниста. — На чемъ основывается оригинальность разныхъ піанистовъ.—Психологическій анализъ колоратурный живописи.—Предѣлы живописи.—Сикстинская Мадонна.—Психологическій анализъ игры актера.—Актеръ—тоже, что ребенокъ

Digitized by Google

или дикарь.—Разсудокъ и воля.—Опредѣленіе воли.—Механика воли.—Слабость воли.—Волевые импульсы у помѣшанныхъ.—Скрытые геніи.—Кто не изобрѣлъ бы пороха?—Геній не сентименталенъ.—Можетъ-ли быть рѣчь о геніальныхъ художникахъ?—Іерархія геніевъ.—Мѣсто писателя въ этой іерархіи.—Женщина и музыка.—Послѣднее слово человѣческаго совершенства.

VI. Внушеніе. Примѣръ и подраженіе.—Автоматическій убійца.—Механизмъ внушенія.—Противодѣйствіе внушенію.—Безсознательное чтеніе мыслей.—Народная психика и національный характеръ.—Сходство умственной физіономіи у столичныхъ жителей.—Новое вино въ старыхъ мѣхахъ.

VII. Благодарное человѣчество. Благодарность не есть прирожденное чувство. — Посмертная слава. — Памятники, забывшіе о своемъ назначеніи.—Обратный законъ Сатурна.—Всякій геній уже получилъ награду.

VIII. Содержаніе беллетристики. Жизнь и литература.—Исторія возникновенія женскихъ типовъ.—Патологическій характеръ литературы.—Фаустъ и Отелло въ дѣйствительности.—Шарлатанство «натурализма».—Причина патологичности литературы.—Смѣлый проэктъ.

IX. Естественная исторія любви. Половая полярность ума.—Мы любимъ всегда только свой собственный органическій идеалъ.—Какъ любитъ женщина и какъ любитъ мужчина.—Нездоровыя формы любви.—Женскія представленія о мужчинѣ.—Чтеніе эротическихъ книгъ нарушаетъ правильность органическаго развитія.—Чѣмъ мы обязаны Элоизѣ и Абеляру?—Все—одна комедія.

X. Эволюціонная эстетика. Дуракъ и недостроенный домъ. — Метафизика клецекъ Георга III. — Объясненіе пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній.—Почему вино не возбуждаетъ непріятнаго ощущенія.—Возвышенное.—Прелестное. — Красивое въ тѣсномъ смыслѣ. — Миловидное. — Прекрасное въ искусствѣ.

XI. Симметрія. Только асимметрія производитъ впечатлѣніе красоты.—Гдѣ конечная причина?—Вниманіе.—Всякая схема есть ошибка мышленія.—Симметрія въ народномъ эпосѣ.

XII. Обобщеніе. Такъ называемые законы природы—одинъ самообманъ.—Обобщеніе—неизбѣжное зло.—Человѣкъ видитъ лишь то, что ожидаетъ увидать. — Тождественность индукціи и дедукціи. — Негръ и астрономъ придерживаются одинаковаго мыслительнаго метода.

XIII. Гдѣ истина? Два непримиримыхъ міровоззрѣнія.—Какъ пишется исторія.—Область невѣдомаго намъ.—Почему передача фактовъ очевидцами не имѣетъ цѣны?—Психологическая и естественно-научная исторіографія.—Что остается отъ явленія послѣ его анализа?—Истины не существуетъ.

XIV. Національность. Происхожденіе не служитъ признакомъ національности.—Примѣръ французовъ, превратившихся въ образцовыхъ нѣмцевъ.—Государственная общность не обусловливаетъ національности —Общій языкъ есть единственный признакъ принадлежности къ одной національности.—Значеніе языка въ прежнія эпохи и теперь.—Насильственное введеніе языка.—Ренегаты роднаго языка. — Идеальное разрѣшеніе вопроса. — Насиліе есть единственное логичное средство. — «Горе побѣжденнымъ!» — Неумолимый міровой законъ.

XV. Картина будущаго человѣчества. Индивидуальная численность націи не есть случайность.—Что будетъ послѣ завершенія образованія національныхъ государствъ?—Хлѣбный вопросъ.—Наступленіе къ экватору.—Аналогія между участью вандаловъ и судьбой бѣлыхъ поселенцевъ на тропикахъ.—Превращеніе Молоха въ мать-кормилицу.

Digitized by Google
Книжная торговля

Популярная Химія. П. Вальберха и Ф. Павленкова, 3-е изд. съ 50 рис. ц. 40 к.
Учебникъ Химіи. А. Альмедингена. Съ 96 рис. ц. 2 р.
Общепонятная Геометрія. В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. ц. 40 к.
Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. М. Герасимова, 65 рис., ц. 75 к.
Самостоятельныя работы въ начальн. школѣ. Лубенца, ц. 15 к.
Методика ариѳметики. С. Житкова, ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики" С. Житкова, цѣна 40 к.
Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. ц. 25 к.
Учебникъ Географіи для городскихъ училищъ. И. Илетнева. Съ рис. к. 30 к.
Начальный курсъ Географіи Корнеля. 11 изд. съ 10-ю раскр. карт. и 82 рис. ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ Всеобщей Исторіи А. Кузнецова 2-е изданіе, ц. 1 р.
Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ. Н. А. Корфа, ц. 10 к.
Наглядная Азбука. Ф. Павленкова, съ 800 рис. 9-е изд. ц. 20 к.
Объясненіе къ „Наглядной Азбукѣ", 6-е изд. ц. 15 к.
Родная азбука. Ф. Павленкова, 6-е изд. съ 200 рис., ц. 5 к.
Азбука-Копѣйка, Ф. Павленкова, 7-е изд. 12 стр., 100 рис. ц. 1 к.
НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ Ф. Павленкова: 1) Къ **„Родному Слову"** Ушинскаго (400 рис.), 2) **„Къ Азбукѣ Бунакова"** (460 рис.), 3) Къ **„Первой учебной книжкѣ"** Паульсона (430 рис.), 4) **„Къ Русской Азбукѣ"** Водовозова (470 рис.), 5) **Общія наглядно-звуковыя прописи** къ другимъ азбукамъ (464 рис.) Ц. каждой книжки 8 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ Бар. Н. А. Корфъ, 14-е изд. съ 20 рис. и портретами, ц. 75 к.
О способахъ обученія въ семьѣ и школѣ. Составилъ Н. Блиновъ. 3-е изданіе ц. 40 к.
Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ. Составилъ Баронъ Н. А. Корфъ. ц. 50 к.
Иллюстрированная Хрестоматія. А. Тарнавскаго. Для низш. учебныхъ заведеній и младш. класс. гимн. (Съ 25 портр.). 3-е изд., ц. 1 р.,
Курсъ русской грамматики. В. Миропольскаго, ц. 1 р.
Учебная Русская Хрестоматія. П. Колеваго. Ч. 1-я (младшій возрастъ), ц. 50 к.
Начальная Рус. Грамматика. Н. Бучинскаго, ц. 30 к
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты и многими рис. Составилъ Т. Лубенецъ, ц. 30 к. Вторая книга. ц. 40 к.
Руководство къ „Зернышку". Т. Лубенца, ц. 50 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. А. Карюкова. 2-е изданіе, ц. 20 к. „Замѣтки для учителя", обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
Русское слово. А. Павлова. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Руководство для гор. училищъ. Цѣна 1 руб.
Руководство къ „Русскому Слову". Его же, ц 60 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. М. Клима. Перевелъ и дополнилъ
к.

вод. для земск. гласн. и учит. нар. школъ. Н. Корфа,

дачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣ-
рфа. 2-е изд., ц. 15 к.
0 диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ.
.
писанію. Разыграева: 1. Элементарныя свѣд. о правоп.
ическія слѣд. о правоп. словъ, ц. 50 к. 3. Элемен.
ц. 35 к. 4. Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія, ц. 35 к.
ачъ. Лубенца, 7-е изданіе (около 2000 задачъ и 3000
40 к.
дъ первый—12 к., годъ второй—15 к., годъ третій—20 к.
Г. Савицкаго ц. 40 к.
. Подъ ред. О. Хвольсона. Съ 96 рис. ц. 50 к.
М. Герасимова. Подъ ред. О. Хвольсона. Съ 96 рис. ц. 50 к.
съ. Десять раскрашенныхъ картъ, ц. 25 к.
Й. Григоровича. 5-е изданіе. Съ 52-мя портретами, ц.
5 к.
оля Бера. Перев. подъ редакціей проф. Мечникова. Съ

Digitized by Google

345-ю рис. 1887 г. 2-е изд. съ портретомъ автора, ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к., съ перен. 1 р. 50 к.

Краткій курсъ ботаники. М. Сіязова. Съ 118 рис. Спб. 1888 г. ц. 50 к.

Практическій курсъ физіологіи. Бурдонъ-Сандерсона, Н. Фостера и Лаудуръ-Брунтона. Переводъ д-ра А. Фридберга, переработанный русскими профессорами. Въ 2 томахъ съ многими рисунками. Цѣна каждаго тома отдѣльно—по 3 р., цѣна всего сочиненія въ одной книгѣ—5 р.

Научныя.

Электрическое освѣщеніе. В. Чиколева съ 151 рис., ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества. В. Чиколева, ц. 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. В. Чиколева, съ 6 рисунками, ц. 25 к.

Электричество и магнетизмъ. А. Гано и Ж. Маневрье. Переводъ Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова съ 840 рис., ц. 1 р. 50 к.

Справочная книжка по электротехникѣ. В. Чиколева, ц. 75 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Д-ра физ. О. Хвольсона. Съ 220 рис. Спб. 1886 г. 2-е изданіе, ц. 2 р.

Блестящія приложенія электричества. Э. Госпиталье. Переводъ С. Степанова, со множествомъ рис., 2 изд., ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. Э. Госпиталье. Переводъ съ франц. С. Степанова, со множествомъ рис., ц. 2 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный Гексли, Гейки, Дайеромъ и Романесомъ. Съ портретомъ Дарвина, гравиров. на стали. Перев. Г. Лопатина, ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Профессора Жоли, ц. 1 р. 25 к.

Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Параллель между великими людьми и помѣшанными. Переводъ съ 4-го итальянскаго изданія, К. Тетюшиновой. Съ портретомъ автора и рисунками, ц. 2 р.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа съ 3 рис. Барона Корфа, ц. 10 к.

Электрическіе аккумуляторы. Сос. В. Чиколевъ (электротехникъ Глав. Артиллер. Управленія). Съ рис. Спб 1886 г., ц. 20 к.

Телефонъ, Микрофонъ и Фонографъ. Дю-Монселя, Перевели съ французскаго Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. 324 стр. съ 64 рис., ц. 1 р. 50 к.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. Эспинаса. Перевелъ со 2-го французскаго изданія Ф. Павленковъ. 500 стр., ц. 2 р. 50 к.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. Иверсенъ, съ 43 рис., ц. 80 к.

Чистая медицинская діагностика. Руководство для практическихъ врачей. Сост. профессоръ Да-Коста. Перевелъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи проф. В. Манассеина, д-ръ Д. Фридбергъ, 704 стр. съ 43-мя рис., ц. 3 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярной естественно-научной философіи, А. Секи. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ, 2-е изд., ц. 2 р. 50 к.

ПАВЛЕНКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ ПУШКИНА:

1. **СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.** съ портретомъ Пушкина и его жены, сценой дуэли (по картинѣ Наумова), біографіей, написанной *А. Скабичевскимъ*, и **500** письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10-ти томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна а таже: безъ картинъ—1 р. **50** к. Съ 44 картинами—**2** р. **50** к. На лучшей бумагѣ на **50** к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія — **40** к. и 1 р. Для 10-томнаго — **1** р. и **2** р. Пересылка 1-томнаго изданія — за 3 ф., 10-томнаго за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе. Оба изданія, 1-томное и 10 томное, редактированы А. Скабичевскимъ. Продаются во всѣхъ книжн. магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Луковни ова (Спб. Лештуковъ пер., 2).
2. **Сочиненія Пушкина.** Полное собраніе стихотвореній и беллетристическихъ произведеній автора (въ одномъ томѣ). Съ портр. и біографіей автора—ц. 1 р. Съ 44 рис. 2 р.
3. **Стихотворенія Пушкина.** Полное собраніе въ одномъ томѣ. Съ портретомъ и біографіей автора—ц. 75 к. Съ 44 рисунками 1 р. 50 к.
4. **Большой альбомъ къ сочиненіямъ Пушкина** (портретъ, 44 иллюстраціи и снимокъ съ почерка Пушкина), цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.
5. **Малый альбомъ къ сочиненіямъ Пушкина** (портретъ и 44 иллюстраціи, гравиров. на деревѣ). Цѣна въ папкѣ—1 р. **25** к.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Октября 1887 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

INTER-LIBRARY
LOAN
MAR 22 1968

LD 21A-45m-9,'67
(H5067s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

Digitized by Google

YC 76848

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C047138949

Digitized by Google

Digitized by Google